98
Э33
Экз 1-е.

КЪ РАЦІОНАЛЬНОМУ МІРОВОЗРѢНІЮ

СВѢТЪ ЖИЗНИ.

НЕОТРАЗИМЫЕ ФАКТЫ И МЫСЛИ.

№ 164211

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Ипполита Панаева.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1893.

\B

Пров 50
Пров. 1959
Пр.

2086

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
020
411

Сусаннѣ Степановнѣ

Панаевой,

рожденной Лалаевой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТРАН.

Введеніе 1
Глава I. О забываемои цѣли знанія 29
Глава II. Какъ человѣкъ знакомится съ средою своего существованія 46
Глава III. Жизнь. Знаніе. Свобода. Необходимость . 104
Глава IV. Непреложные законы 138

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I. Свѣтъ жизни. 159
Глава II. На рубежѣ.... 238
Для знакомыхъ 287

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

(Желательно. чтобы читатель исправилъ опечатки до прочтенія книги).

Стр	*Строк.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ*
181	21 св.	Субстратъ, основа тѣла л есть	Субстратъ. основа гѣла, есть
113	20 св	вошла въ форму, изъ, царства	вошла въ форму, изъ царства
116	11 сн.	свободы съ необходимостью,	свободы съ необходимостью.
120	15 св.	жизнь, которая, сольется	жизнь, которая сольется
62	12 св.	, страющіеся	, старающіеся
183	6 св.	. то для меня, несомнѣнно;	, то, для меня. несомнѣнно;
224	3 сн.	дл яобъясненіяя вленій,	для объясненія явленій,
285	22 св.	*именно* на этомъ.	*именно* на эгомъ».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

Гёте, въ письмѣ къ Беттинѣ Брентано, отзывается о философѣ Якоби слѣдующимъ образомъ: «Изъ всѣхъ философовъ нашего времени, онъ, всеконечно, менѣе всѣхъ оказывался въ противорѣчіи съ чувствомъ и съ примитивною природой, почему и сохраняетъ здравою и нетронутою, свою совѣсть.»

Фридрихъ-Гейнрихъ Якоби родился въ 1743 году; скончался въ 1819 году. Жилъ онъ,— значитъ, — въ самое замѣчательное, въ исторіи философскаго движенія, время. Современниками его были: Лессингъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гёте, Жанъ-Поль Рихтеръ, Гердеръ, Виландъ, Мендельсонъ, Клаудіусъ, Гарве, Гёмстергёисъ, Гаманъ, Лихтенбергъ, Лафатеръ, Якобсъ, Іоганъ Мюллеръ, Лесажъ, Лагарпъ, Шиллеръ, Неккеръ, Г-жа Сталь, Кузенъ, Ройе-Колларъ, Александръ Гумбольдтъ, Форстеръ, Рейнгольдъ, Фридрихъ Кеппенъ, и многіе другіе писатели, ученые и

философы конца XVIII и начала XIX вѣка. Руссо и нѣкоторыхъ Французскихъ энциклопедистовъ отчасти слѣдуетъ отнести и къ его времени.

Большая часть изъ указанныхъ выше лицъ была съ нимъ лично знакома или находилась съ нимъ въ перепискѣ. Многіе, изъ нихъ же, были его горячими почитателями.

Одно уже перечисленіе вышеприведенныхъ именъ свидѣтельствуетъ, что мнѣніе Гёте относилось къ личности выдающейся.

Якоби былъ человѣкъ свѣтскій, практическій дѣятель, весьма образованный писатель, но не ученый по профессіи. Философомъ онъ былъ по характеру.

Въ его время, вопросы жизни, въ ученомъ и литературномъ мірѣ, не отодвигались въ сторону, —какъ это дѣлается нынѣ,—а стояли на первомъ планѣ. Якоби трактовалъ эти вопросы, постоянно, съ явнымъ воодушевленіемъ, писалъ съ горячностью живо чувствующаго ихъ важность человѣка, а не съ размѣренною или безстрастною холодностью иного строгаго ученаго, котораго какъ бы главнѣйше заботитъ не содержаніе трактуемаго имъ, и не правильность точки отправленія, а правильность дѣлаемыхъ имъ выводовъ, правильность ряда вытекающихъ, одно изъ другого, умозаключеній.

Громкую извѣстность въ учено-литературномъ мірѣ Якоби получилъ замѣчательными произведеніями, въ которыхъ выступилъ противъ идеализма, вообще противъ идеализма Канта, Фихте и пан-

теизма Шеллинга, а также и своими *Письмами о Спинозѣ*. Первыми сочиненіями его были два философскіе романа [1]).

Въ ту эпоху различіе въ мнѣніяхъ не разъединяло великихъ философовъ: они были поглощаемы трактуемыми ими вопросами, а не своими личностями. Въ Германской Литературѣ остались явные слѣды того, какъ уважали другъ друга противники. Не смотря на горячую полемику, они сознавались печатно въ томъ что̀ каждый изъ нихъ находилъ высокаго и назидательнаго, для себя въ мысляхъ выраженныхъ другимъ.

О направленіи философіи Якоби можно судить по нижеслѣдующимъ выпискамъ:

«Про меня говорятъ,—пишетъ Якоби,—что я – философъ по характеру, а не по профессіи; что писателемъ я сдѣлался случайно; что я не искалъ истины для самой истины; что мнѣ не достаетъ философскаго ума; наконецъ—что доктрина моя есть не что иное, какъ выраженіе мысли, называемой *Фридрихъ-Гейнрихъ Якоби*...

«... Я не оспариваю этого сужденія—какимъ бы строгимъ оно мнѣ ни казалось; я даже допускаю его отчасти, въ чемъ и признавался уже въ письмѣ къ Фридриху Кеппену».

---

[1]) *Куно-Фишеръ*, въ своей «Исторіи Новой философіи» выражается о Якоби слѣдующимъ образомъ. «Онъ соединялъ, единственнымъ въ своемъ родѣ образомъ, глубокомысліе съ глубиною чувства; интересъ знанія съ потребностью вѣры; ясное спокойствіе мышленія съ дивирамбическимъ порывомъ духа». *Куно-Фишеръ: «Исторія Новой философіи». Пер. Н. Страхова, Т. 1; Стр. 250.*

«Съ тѣхъ поръ, какъ я думаю самъ съ собой, — говоритъ Якоби въ упоминаемомъ письмѣ, — я не переставалъ разъискивать истину всѣми моими способностями; но никогда не разъискивалъ я ее для пустого удовольствія, для того, чтобы, уловивъ что-либо истинное, тщеславиться этимъ какъ будто чѣмъ-то мною открытымъ или изобрѣтеннымъ. Я стремился къ той истинѣ, которая была бы не моимъ созданіемъ, а которой я самъ былъ бы созданіемъ,—къ той истинѣ, которая озарила бы ночь, меня окружающую, и принесла бы мнѣ свѣтъ,—тотъ свѣтъ, котораго я имѣлъ въ себѣ обѣтованіе и предчувствіе».

«Мнѣ, конечно, не дано кичиться индифферентизмомъ касательно результатовъ своихъ разъисканій, — гордиться этою *чистою любознательностью*, которая, по мнѣнію великихъ людей нашего времени, составляетъ философскій умъ; но я, однако, всегда былъ на-сторожѣ болѣе противъ своихъ собственныхъ предразсудковъ, чѣмъ противъ предразсудковъ другихъ, и полагаю, что оказывался всегда менѣе предубѣжденнымъ, нежели чистые философы... Я принимаю, значитъ, упрекъ въ томъ, что люблю науку не выше всего, и *уважаю знаніе только въ силу его содержанія*» [1]).

Не за долго до своей смерти, Якоби написалъ, о своихъ философскихъ воззрѣніяхъ, нѣчто въ

---

[1]) См. книгу: «*Разыскатели истины*». Сос. Ипполитомъ Панаевымъ. 1878 г. Томъ II; Стр. 247, 248.

родѣ завѣщанія. Приведемъ здѣсь сущность написаннаго.

«Я не философствовалъ никогда безъ предвзятаго намѣренія. Я хотѣлъ столковаться съ самимъ собою о реальности того Бога невѣдомаго, къ которому устремляло меня врожденное чувство. Никогда не замышляя воздвигнуть систему для образованія школы, я писалъ всегда уступая лишь непреодолимому побужденію... Что̀ такое значитъ —любить истину? Значитъ ли это—разъискивать что либо постороннее человѣку, и могущее угрожать его духовному существованію?... Душа человѣческая разъискиваетъ непреложное, вѣчное, безконечное; истина есть ея потребность; но душа хочетъ познать не тѣнь, а реальность, производящую тѣнь. Всѣ люди называютъ уже впередъ истиной *то̀*, къ чему они стремятся, чего желаютъ, и чего не могли бы предположить, если бы оно, какимъ бы то ни было образомъ, не предъявлялось имъ. Занимающаяся заря щекотитъ имъ глаза и повѣщаетъ объ имѣющемъ быть восходѣ солнца; утро настало и предстоитъ родиться дню... ...Наука стремится къ сверхъестественному. Точно такъ, какъ религія даетъ настоящее значеніе человѣку, точно такъ она же дѣлаетъ и философа. Главнѣйшимъ предметомъ моей мысли была религія. Я опираюсь на чувство непобѣдимое и не могущее быть отвергнутымъ,—на чувство, которое есть основаніе всякой философіи и всякой религіи. Чувство это есть *дѣйствіе* (effet) *сенса* вещей не

матеріальныхъ, духовныхъ, и *сенсъ* этотъ я называю —*разумомъ*...»

«Познаніе человѣка отправляется отъ откровенія; разумъ открываетъ свободу, открывая Провидѣніе: таковъ корень древа познанія. Убѣжденіе въ Богѣ, въ существованіи Бога, является, по моему мнѣнію, на основаніи чувства личности, и Богъ кажется мнѣ болѣе великимъ — какъ Создатель такихъ людей, какими были Сократъ и Фенелонъ, нежели какъ Творецъ звѣзднаго неба и его необходимаго механизма... Философія моя спрашиваетъ: «*Кто* есть Богъ?» а не то, «*что* Онъ есть такое?» Она мыслитъ о Богѣ живомъ и личномъ, который, таковымъ только, и можетъ насъ интересовать: *нѣтъ разума безъ личности*, и, слѣдовательно, такъ *какъ разумъ имѣется, то существуетъ и Богъ,—Богъ, а не одно только Божественное бытіе*... Исторія человѣчества это доказываетъ: человѣкъ низосшелъ съ своего примитивнаго, первобытнаго состоянія, удалился отъ своего подобія Богу, и, по мѣрѣ того, какъ сходилъ ниже, все болѣе и болѣе запутывался въ сомнѣніяхъ и заблужденіяхъ... Наука, вмѣсто того, чтобы разсѣять наши сомнѣнія и помочь нашему невѣденію, часто производитъ новую и еще большую запутанность. Такая горделивая наука приравниваетъ себя Богу. Она имѣетъ притязаніе производить свой объектъ и создавать свою истину. Плодъ рефлексіи—наука отвергаетъ всякое примитивное знаніе. Арабскіе ученые, говоря про Аристотеля, что онъ былъ какъ бы кубкомъ чер-

пающимъ вездѣ, но не могущимъ исчерпать вселенную, совершенно вѣрно охарактеризовали эту науку образовавшуюся рефлексіей: возраженія мои направлены именно противъ такой науки, а не противъ истинной философіи...»

«Я всегда думалъ, что сознаніе, которое умъ имѣетъ, непосредственно, о самомъ себѣ и о Богѣ, есть основаніе всякой философіи,—всякой такой философіи, которая желаетъ быть чѣмъ-либо другимъ, а не только лишь физикой и логикой. Я утверждалъ, во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ, что философъ, теряющій, при своихъ разъисканіяхъ, Бога, необходимо приходитъ къ *ничто* (néant), котораго, конечно, никто не ищетъ и никто не можетъ любить. Философія моя отправляется отъ чувства и отъ непосредственной интуиціи...

«Откровенія, примитивно вложенныя въ душу, даютъ знать человѣку, что онъ находится въ состояніи упадка, и что ему надо возобновить свѣтъ, угасшій въ его разсудкѣ. Сквозь окружающій его мракъ, разумъ, вооруженный вѣрою, провидитъ истину точно такъ, какъ глазъ, вооруженный телескопомъ, видитъ, въ небюлозахъ млечнаго пути, безконечное множество звѣздъ. Эта вѣра есть—примитивный свѣтъ разума, начало истиннаго раціонализма. Безъ нея, всякая наука пуста и безсодержательна. Мы не видимъ абсолютнаго, —мы въ него вѣримъ; мы видимъ только относительное, условное, и эту интуицію, это наглядное представленіе, мы называемъ—знаніемъ. Но истинное знаніе, истинная наука, есть — *умъ сви-*

дѣятельствующій о самомъ себѣ и о Богѣ. Столько же, сколько я убѣжденъ въ объективности моихъ чувствъ истиннаго, прекраснаго и добраго, и въ свободѣ господствующей надъ природою,—столько же я увѣренъ въ существованіи Бога, и, по мѣрѣ того, какъ упоминаемыя чувства ослабляются, ослабляется также и вѣра въ Бога... Истинное знаніе есть убѣжденіе въ томъ, что мы ничего *не знаемъ*, и изъ этого невѣденія возможно выдти не иначе, какъ вѣрою въ откровеніе, котораго разумъ есть хранитель. *Разумъ* утверждаетъ то̀, что̀ *разсудокъ* отрицаетъ. Религіозное чувство, заставляющее насъ соображать, мыслить Бога, какъ существо личное, свободное, любящее и имѣющее о себѣ сознаніе,—такое именно чувство есть то̀, что̀ составляетъ истинную, настоящую природу человѣка; съ потерею этого чувства угасаетъ вѣра, а съ вѣрою погибаютъ и наши нравственныя убѣжденія... Въ вѣрѣ дѣтей и народа есть что-то болѣе возвышенное, чѣмъ въ философіи безъ вѣры.»

«Предметомъ моихъ разъисканій была, постоянно, истина *прирожденная* (native). Эта истина гораздо выше истины научной... Существуетъ невидимая церковь философіи, какъ существуетъ и невидимая церковь Христіанская. Видимая философія имѣетъ притязаніе выправить, обучить разсудокъ, заставить его изобрѣтать и осязать истину: она (философія эта) претендуетъ *сдѣлать* Бога. —Моя же философія принадлежитъ къ церкви невидимой. Если мнѣ привелось защищать ея духъ

и вѣчную истинность противъ измѣняющихся и смѣняющихся системъ вѣка; если я былъ такъ счастливъ, что доктрина моя можетъ насчитывать нынѣ бо́льшее число друзей, чѣмъ ихъ было въ началѣ моего поприща, и что даже сами противники мои судятъ о ней съ бо́льшей справедливостью, тогда я жилъ не напрасно» [1]).

«Не наука, а вѣра въ Бога,—говоритъ Якоби въ послѣднихъ отзывахъ своихъ о своей философіи,—«вѣра въ свободу, въ добродѣтель, въ безсмертіе—вотъ что́ есть самое драгоцѣнное благо, отличительный характеръ человѣчества: это,—въ нѣкоторомъ родѣ,—разумная душа. Вѣра эта, существовавшая прежде всѣхъ системъ, есть какъ бы силуэтъ божественнаго знанія въ умѣ конечномъ. Если бы мы могли преобразовать ее въ знаніе, въ науку, то тогда исполнились бы слова змія: мы сдѣлались бы Богомъ».

«Сначала вѣра и знаніе тѣсно связаны въ сознаніи народовъ; съ того же времени какъ устанавливается различіе между ними (т.-е. между вѣрой и знаніемъ) получаетъ начало философія. Но цѣлые вѣка проходятъ прежде, чѣмъ какой-либо Анаксагоръ откроетъ ученому уму,—уму, обращенному, единственно, только лишь къ природѣ, новый путь, и поведетъ его (умъ) къ познанію интеллигентности творящей, – интеллигентности высшей, чѣмъ природа.

---

[1]) См кн. «*Разъискатели истины*». Соч. Ипполитомъ Панаевымъ 1878 г. Томъ II. Стр. 249-253.

«Физика уничтожаетъ предразсудки; но сама она не можетъ помѣшать тому, чтобы съ той вѣрой, которая основана на предразсудкахъ, не погибла бы и вѣра истинная. Послѣдняя удерживается, рядомъ съ наукой, ученіемъ, которое ограничиваетъ: систему природы системою свободы; разсудокъ—разумомъ; пониманіе вещей физическихъ—пониманіемъ вещей метафизическихъ, — однимъ словомъ—ученіемъ, которое ограничиваетъ систему природы — философіей въ духѣ Платона» [1]).

«Основное положеніе Якоби, — говоритъ Вильмъ [2]), —его точка отправленія, это—именно то: что надлежитъ оказывать полное довѣріе естественнымъ чувствамъ; что имѣется гармонія, предустановленная между натурой человѣка (какъ чувственной, такъ и интеллектуальной) и реальностью вещей; что то, что̀ дано въ дѣйствительномъ сознаніи, потому уже самому истинно и реально, что дано; что реальность, для того, чтобы быть познанною, должна, быть уже дана, и что дѣло мысли,—въ отношеніи къ этой реальности,—ограничивается только приведеніемъ, послѣдней, въ понятія» [3]).

«Такъ какъ разсудокъ,—говоритъ Халибеусъ (Chaliboeus),—можетъ наблюдать, на чувственныхъ данныхъ, только свое собственное дѣйствіе, то Якоби, по этому смотрѣлъ, какъ на непро-

---

[1]) См. книгу «Разъискатели истины». 1878 г. Т. II; Стр. 415, 416.

[2]) Вильмъ (Willm), это—авторъ «Histoire de la philosophie Allemande» 1842 г.

[3]) См. книгу «Разъискатели истины». 1878 г. Т II; Стр 427, 428.

ницаемую тайну, на процессъ, чрезъ который данная матерія становится ощущеніемъ. Но, однако, всякое ощущеніе, такъ же какъ и всякое происходящее отъ него воспріятіе, сопровождается непосредственно несомнѣнностью въ томъ, что оно, ощущеніе, произведено присутствіемъ предмета и дано сенсами. Якоби постановилъ *фактомъ*, что всѣ чувственныя воспріятія вводятся въ умъ отправленіями сенсовъ, и на этотъ фактъ онъ смотрѣлъ какъ на фактъ несомнѣнный и какъ на основаніе всякой дальнѣйшей логической работы. Чрезъ это Якоби, и онъ первый.—заключаетъ Халибеусъ,—провозгласилъ, въ философіи, *принципъ фактовъ* (principe des faits).

«Идеи, представляющія вещи чисто духовныя, недоступныя сенсамъ, существуютъ въ насъ на фактѣ, и открываются намъ мыслью. Никакое сомнѣніе въ ихъ (этихъ идей) присутствіи невозможно, равно какъ невозможно сказать—какимъ образомъ онѣ вошли въ сознаніе. Отъ факта ихъ присутствія Якоби заключаетъ къ ихъ истинности, заключаетъ точно такъ, какъ отъ необходимости, съ которою импозируется нравственный законъ, Кантъ заключаетъ къ реальности этого закона».

«Всякое доказательство предполагаетъ принципъ (начало), предполагаетъ что-то первое, *фактъ*, далѣе котораго невозможно подниматься. Вотъ это-то именно, напрасно, забывали или не хотѣли признавать всѣ философы, въ томъ числѣ и Кантъ. Имѣются факты и идеи, которые импозируются непосредственно и которые суть осно-

ваніе всякаго знанія, всякой науки, и самая большая изъ заслугъ Якоби заключается въ томъ, что онъ настаивалъ именно на этомъ».. [1])

Многіе мыслители, усматривая, въ философіи Якоби, прегрѣшенія противъ *научнаго вѣянія* времени, называли его врагомъ разума и упрекали въ потворствѣ предразсудкамъ, въ благопріязни къ нимъ. Но Якоби не смущался этимъ, и, въ теченіе всей своей жизни, оставался вѣрнымъ самому себѣ, являя собою рѣдкій, достойный подражанія примѣръ вполнѣ *независимаго мыслителя*.

Гете, въ своемъ жизнеописаніи, признается, что не многіе изъ людей вліяли на него такъ же сильно, какъ вліялъ Якоби [2]). Рѣдкое мужество, съ какимъ Якоби высказывалъ убѣжденія, во многомъ противорѣчащія научному вѣянію времени, плѣняло геніальнаго человѣка, и въ письмѣ къ Беттинѣ Брентано,—какъ мы уже замѣтили выше,—онъ далъ такой аттестатъ Якоби, какой не многимъ удавалось получить отъ своихъ замѣчательныхъ собратьевъ. Это было, относительно, давно; а нынѣ?

...И тогда, и нынѣ, къ сожалѣнію, такое мужество и такая независимость, въ ученыхъ и писателяхъ, очень рѣдки. И въ самомъ дѣлѣ, свободны ли нынѣшніе ученые и писатели, во время

---

[1]) См. книгу «*Разыскатели истины*». 1878 г. Т. II; Стр 425—427.
[2]) Вильмъ.

своихъ работъ, отъ заботы о томъ, чтобы не сказать чего-либо несогласнаго съ научнымъ вѣяніемъ времени,—съ вѣяніемъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, господствующимъ или находящимся въ ходу въ научной средѣ, а чрезъ это, и въ кружкахъ интеллигентовъ, въ дѣйствительности праздно болтающихъ только, но, тѣмъ не менѣе, считающихъ себя передовыми по образованію?

Въ теченіе своей философской дѣятельности, Фихте замѣтилъ, что, въ ученомъ обществѣ его времени, бывало такъ, что тотъ, кто засвидѣтельствовалъ бы, предъ другими, о своемъ религіозномъ чувствѣ, считался или опозореннымъ или помѣшаннымъ. Что же мы видимъ нынѣ? Мы видимъ, что многіе ученые и талантливые люди, а за ними еще большее количество полуученыхъ попугаевъ, явно боятся скомпрометтировать себя выражая, чѣмъ-либо, религіозное чувство, или обнаруживъ его, какимъ-либо образомъ, въ своихъ произведеніяхъ.

Богъ,—какъ ни странно и ни дико это сказать,—*не въ модѣ* между учеными и между людьми того общества, которое считаетъ себя передовымъ по умственному развитію.

И вотъ,—напримѣръ,—сторонники свѣтскихъ школъ (écoles laïques) въ Швейцаріи (Цюрихѣ) заботятся о томъ, чтобы имя Бога не было, какимъ-либо образомъ, произносимо учителями при преподаваніи въ школѣ, а у насъ, на Руси, имѣются не только писатели, но и серьёзные

ученые и литературные журналы, которые, въ писаніяхъ своихъ, какъ бы умышленно игнорируютъ Бога и тщательно избѣгаютъ произносить Его имя изъ опасенія быть, за это, сведенными съ передовой линіи арміи *прогресса* (?), на которую они были поставлены *научнымъ вѣяніемъ времени.*

Скажу, теперь, о самомъ себѣ.... Да, конечно, во время трудовъ своихъ, я старался быть свободнымъ и независимымъ отъ упоминаемаго научнаго вѣянія. Но, достигалъ ли я этого вполнѣ? Къ сожалѣнію—нѣтъ. Происходило это, главнѣйшимъ образомъ, отъ того, что я опасался, чтобы какая либо моя фраза, выражающая мнѣніе, совершенно несогласное съ научнымъ вѣяніемъ времени, не попала бы, какъ-нибудь, на глаза читателя, прежде прочтенія всей книги, и не помѣшала бы вовсе ознакомленію съ ней. А я желалъ, очень, чтобы книги мои читались, потому что каждую изъ нихъ писалъ съ совершенно опредѣленнымъ намѣреніемъ — принести пользу культурѣ ума и нравственному настроенію читателя.

Примирять въ себѣ сталкивающіяся мысли и стараться о водворении такого же внутренняго примиренія въ читателяхъ; объяснять, себѣ и другимъ, ложно понятое или неправильно толкуемое; расшатывать псевдо-научныя заключенія по кровнымъ вопросамъ, въ особенности же—такія, которыя удручаютъ и гнетутъ *увѣровавшихъ* въ нихъ; выставлять на видъ, что современ-

ная наука вторгается въ область недоступную человѣческому познанію, заявляетъ притязаніе на объясненіе того, что́ никогда не можетъ быть объяснено человѣкомъ; что она (современная наука) дѣлаетъ рискованныя обобщенія и не препятствуетъ тому, чтобы, въ читающей публикѣ, не принимали гипотезъ за доказанныя истины; указывать на воспитаніе *человѣка* какъ на священную обязанность человѣка и рода человѣческаго, и утверждать, что евангелизація знанія [1]) интеллигенціи и народа есть самое дѣйствительнѣйшее средство для воспитанія человѣка,—вотъ около чего, главнѣйше, вращалось содержаніе моихъ книгъ.

То, что мои труды, повидимому, игнорируются и будутъ игнорироваться, конечно, не можетъ доставлять мнѣ удовольствія. Но, какъ бы то ни-было, теперь (если я буду только еще работать) я не дамъ, недовольству, власти стѣснять свободу выраженія моихъ мыслей, и буду внимательно остерегаться отъ компромиссовъ съ научнымъ вѣяніемъ времени.

---

[1]) «Знаніе, какъ въ стремленіи, такъ и въ результатахъ, должно удовлетворять своему рациональному началу, «*Дѣлать, и себя и другихъ, довольными*»

«Здоровое состояніе духа,—по смыслу ученія Христа,—заключается въ возвышенномъ и въ воодушевленномъ настроеніи духа».

....Такое настроеніе духа, дышащаго любовью, составляетъ движущую пружину добродѣтели»... Я осмѣливаюсь думать, что такое же настроеніе духа должно быть «*движущею пружиной*» *и всякаго знанія*.— Вотъ, что́ понимаю я подъ вышеприведеннымъ выраженіемъ; «Евангелизація знанія».

Примѣчаніе автора изъ книги его: «Голосъ долга Мысли о воспитаніи человѣка» Стр. 162.

Труды мои состоятъ изъ отдѣльныхъ книгъ и брошюръ (числомъ, съ настоящей книгой, девять), изданныхъ мною подъ общею имъ всѣмъ рубрикою: «*Къ рацiональному мiровоззрѣнiю*» Для того, чтобы показать, что, въ книгахъ моихъ, преслѣдовались цѣли практическія, я позволю себѣ привести, изъ каждой книги, нѣсколько не большихъ выборокъ.

Въ *Предисловiи* моей книги «*Разъискатели истины*» [1]), я говорилъ:

«Цѣль моя состояла въ томъ, чтобы принести и свою долю обязательнаго, указываемаго *долгомъ*, труда, для того, чтобы способствовать великому дѣлу обновленія и поднятія человѣческаго духа»[2])

Въ книгѣ этой, я составилъ изложеніе философій Канта, Фихте и Якоби, стараясь изложенія эти сдѣлать, по возможности, доступными всякому образованному читателю. Въ заключеніи книги, я высказалъ нижеслѣдующее:

«Прочтя мою книгу, да не подумаетъ читатель, что, представляя философію Якоби въ оппозиціи ея Канту и Фихте, я хотѣлъ, настойчиво, указы-

---

[1]) «*Разъискатели истины*» (Иммануилъ Кантъ; Іоганнъ-Готлибъ Фихте; Фридрихъ-Гейнрихъ Якоби), съ предисловіемъ и послѣсловіемъ составителя Ипполита Панаева. 1878 г. Спб. Два тома.

[2]) «Претензія не малая!—можете Вы сказать мнѣ»,—писалъ я Редактору С.-Петербургскихъ Вѣдомостей (1879).—Да; но и каждый камень, положенный на мѣсто при созиданіи храма, двигаетъ дѣло построенія впередъ, хотя камень положенъ и чернорабочимъ». *См. кн. «Пути къ рацiональному мiровоззрѣнiю». 1880 г. Приложеніе.*

вать на то, что, въ ученіяхъ трехъ философовъ, было противоположнаго. Нѣтъ, не такова была моя цѣль. Я желалъ, главнѣйшимъ образомъ, чтобы изъ содержанія книги выяснилось, для читателя, то, въ чемъ эти великіе мыслители сходились. Работа мысли самого читателя надъ выведеніемъ изъ прочитаннаго примиряющихъ упоминаемыя ученія истинъ не преминетъ, благотворнымъ образомъ, подѣйствовать на него и, безъ сомнѣнія, принесетъ нѣкоторую пользу культурѣ его ума и нравственному состоянію духа».

Надъ книгой этой я работалъ, имѣя въ виду нашу молодежь.

Книга моя «*Пути къ раціональному міровоззрѣнію*» [1]) состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть, это—мой переводъ извѣстнаго сочиненія Фихте: «*О назначеніи человѣка*». Вторая часть—моя собственная работа. Она озаглавлена «*Отголосокъ чрезъ 80 лѣтъ. По вопросу о знаніи*», или лучше, о правозаконности знанія.

Отправляясь отъ вопроса: Виновато ли знаніе въ томъ, что, съ успѣхами его, люди не дѣлаются ни болѣе счастливыми, ни лучшими?—я посвятилъ свой трудъ разбору слѣдующихъ вопросовъ: Что̀ такое есть знаніе? Откуда произошло оно, откуда получило свое начало? Какъ знаніе сдѣлалось насущною потребностью человѣка? *Что*

[1]) «*Пути къ раціональному міровоззрѣнію*». Часть I: «*О назначеніи человѣка*» Іоганна-Готтлиба Фихте. Часть II: «*Отголосокъ чрезъ 80 лѣтъ*». (*По вопросу о знаніи*). Ипполита Панаева. Спб. 1880 г.

можемъ мы знать, и *какъ* можемъ мы знать? Въ заключеніе я указывалъ—къ какому раціональному воззрѣнію приводитъ человѣка доктрина достоинства, доктрина свободы.

Въ брошюрѣ «*Nosce te ipsum*» (написанной по поводу книги «*Пути къ раціональному міровоззрѣнію*») я говорилъ:

«Ставя себѣ идеалъ человѣческаго благополучія, и, по этому идеалу, направляя свою дѣятельность, мыслящій раціонально человѣкъ не долженъ никогда забывать, что благополучіе это должно быть такого рода, чтобы *возможностью* достиженія его не могъ быть обойденъ ни одинъ человѣкъ,—принадлежитъ ли онъ прошедшему, настоящему или будущему. Имѣя это въ виду, мыслящій раціонально пойметъ яснѣе — въ чемъ должно заключаться возможное, для каждаго отдѣльнаго человѣка, на землѣ, благополучіе и *гдѣ* слѣдуетъ искать послѣдняго. Тогда, мысль о людяхъ, какъ о средствахъ къ достиженію чего-то, въ чемъ будутъ фигурировать такіе же люди, выкажетъ вполнѣ свою несостоятельность...

«Въ дѣлѣ воспитанія не можетъ быть ни такого большого количества трудовъ, ни такого большого количества матеріальныхъ средствъ, предъ которыми дозволительно было бы отступать, — не можетъ быть потому, что вопросъ о воспитаніи *былъ*, *есть* и *будетъ* всегда *капитальнымъ и никогда не замкнутымъ* вопросомъ для каждаго общества, для каждаго государства.

«Преслѣдуя идеалъ наилучшаго общественнаго устройства,—которое, само по себѣ, безсильно обезпечить человѣку довольство существованіемъ, миръ душевный,—надо всегда помнить, что наилучшее общественное устройство есть не цѣль въ самой себѣ, а средство—наилучшимъ и наиудобнѣйшимъ образомъ содѣйствовать возможности воспитанія каждаго отдѣльнаго человѣка — такъ какъ вопросъ воспитанія есть вопросъ жизни и значенія человѣка въ міровомъ процессѣ, вопросъ о мѣстѣ, которое предлежитъ занять каждой отдѣльной личности въ универсальной жизни.

«По всему этому, установленіе опредѣленнаго раціональнаго міровоззрѣнія должно быть правящимъ принципомъ всѣхъ умственныхъ работъ, — канвою, на которой вышивались бы всѣ отдѣльныя науки, съ цѣлью образовать, когда-либо, стройную, цѣльную картину» [1]).

На заглавномъ листѣ книги моей «*Пути къ раціональному міровоззрѣнію*» стоятъ слѣдующія слова: «Отъ ученыхъ, то-есть отъ *направленія*, которое они даютъ движенію знанія, зависитъ, на болѣе или менѣе продолжительное время, состояніе умовъ въ человѣческихъ обществахъ».

Книга моя: «*О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ*» [2]) составляетъ развитіе выше-

---

[1]) «*Nosce te ipsum*» По поводу книги: «Пути къ раціональному міровоззрѣнію». Брошюра Ипполита Панаева. Спб. 1881 г. Стр 6—8.

[2]) «*О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ*» Ипполита Панаева. Спб. 1882. г. Стр. 69—70.

приведенной мысли. Въ этой книгѣ, между прочимъ, я писалъ:

«Мое мнѣніе таково, что наука, прежде нежели пускать такъ-сказать въ обращеніе свои заключенія касательно кровныхъ для человѣка вопросовъ, должна быть вполнѣ увѣрена въ истинности публикуемаго и не упускать изъ вида заботу о томъ, какое дѣйствіе производятъ ея слова и утвержденія на умы людей; ибо, въ концѣ-концовъ, не человѣкъ существуетъ для науки, а наука существуетъ для человѣка.

«Но пусть наука—безстрастна! Во всякомъ случаѣ, выдавая свои пріобрѣтенія за истину, она должна обосновывать ихъ вполнѣ раціонально; стараться излагать дѣло сколь возможно яснѣе, и быть крайне осторожною въ своихъ выраженіяхъ. Она обязана строго наблюдать все это, потому что неясныя изложенія и необдуманныя выраженія могутъ вводить въ заблужденія нетвердые и молодые умы, готовые увлекаться всѣмъ новымъ и оригинальнымъ и искать, въ наукѣ, подкрѣпленія своимъ незрѣлымъ фантазіямъ.»

Въ Предисловіи моемъ къ переводу книги Эрнеста Навиля (Ernest Naville) «*Логика Гипотезы*» [1]), я говорилъ:

«Стремленіе къ установленію раціональнаго міровоззрѣнія,—стремленіе, которое выражалось

[1]) «*Логика гипотезы*» Соч. Эрнеста Навиля; переводъ Ипполита Панаева, съ предисловіями автора и переводчика. Спб. 1882 г. Стр. V—VII.

бы общимъ ходомъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ,—охватывая все мыслящее общество, было бы самымъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ отъ золъ, разъѣдающихъ и расшатывающихъ человѣческую мысль, и отражающихся, на нравственной и матеріальной жизни людскихъ обществъ, разными неурядицами, повергающими человѣка въ смущеніе и склоняющими его къ пессимистическому воззрѣнію на міръ.

«Установленіе раціональнѣшихъ отношеній къ самому себѣ, къ другимъ людямъ, къ природѣ и къ Богу есть, въ сущности, цѣль науки. Соотвѣтственное степени достигнутаго знанія состояніе таковыхъ отношеній есть то, что́ мы называемъ словомъ «*Наука*» при употребленіи выраженій: «Наука эпохи», «Наука того или другого времени», «Современная наука». Научныя разъисканія, поэтому, должны имѣть характеръ священный, ибо цѣль ихъ—служить установленію раціональныхъ воззрѣній на жизнь и удовлетворенію вѣчно вопрошающей души.

«Не такъ понимаютъ это, иногда, въ наиболѣе доступной, читающему люду, научной и литературной средѣ. Заявляя себя ратующею противъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, эта среда не замѣчаетъ, что вводитъ въ умы не истину, отъ которой далека, а другіе предразсудки, выдаваемые ею, нерѣдко, за результаты будто бы точныхъ опытно-научныхъ изслѣдованій. Ниже сего, въ книгѣ Навиля, равно какъ и въ написанной мною книгѣ «*О вліяніи направленія знанія на состояніе*

умовъ», читатель познакомится съ тѣмъ, что уполномочиваетъ меня говорить такъ. Онъ, читатель, увидитъ, что отсутствіе здравой логики, у не малаго числа ученыхъ, считающихся, по ходячему мнѣнію, передовыми, бьетъ въ глаза самымъ очевиднымъ образомъ. Незаботливость, къ тому же, о дѣйствіи, которое можетъ быть произведено, на внутреннюю жизнь отдѣльнаго человѣка, а чрезъ это и на нравственный строй цѣлаго общества, громкимъ провозглашеніемъ, какъ бы отъ имени науки, за научную истину, той или другой рискованной гипотезы, вовсе научно необоснованной, возмущаетъ человѣка непредубѣжденнаго.»

Въ Предисловіи къ моей книгѣ: «*Голосъ долга. Мысли о воспитаніи человѣка*» [1]), я высказалъ, между прочимъ, нижеслѣдующее:

«Безъ воодушевленныхъ заботъ серьезно мыслящихъ представителей интеллигенціи, — въ особенности тѣхъ изъ нихъ, въ рукахъ которыхъ находятся *ключи разумѣнія*,—о поднятіи въ людяхъ такого настроенія, при какомъ человѣкъ не могъ бы относиться *равнодушно* или только лишь насмѣшливо къ искаженію человѣческаго достоинства какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ каждомъ другомъ лицѣ, — безъ таковыхъ заботъ, всякія второстепенныя средства, имѣющія въ виду благосостояніе людей, будутъ оказываться безсильными.

---

[1]) «*Голосъ долга Мысли о воспитаніи человѣка*». Ипполита Панаева. Спб. 1885 г. Стр. IV—V.

—Глубокое убѣжденіе въ томъ, что только лишь *воспитаніе* въ человѣкѣ *такого настроенія* можетъ доставить ему истинное, возможное на землѣ, благо, побудило меня написать эту книгу, по содержанію своему соотвѣтствующую тому направленію, которому я слѣдовалъ и во всѣхъ моихъ другихъ трудахъ.»

Въ *Приложеніи* I этой книги, мною развивалась мысль о единственномъ средствѣ могущемъ «*расположить человѣка дѣйствовать правильно*». Я говорю «*расположить*», а не «*научить*». Въ первомъ состояніи человѣкъ дѣйствуетъ правильно по естественно выработавшемуся въ немъ побужденію, не заглядывая, непремѣнно, въ таблицу писанныхъ указаній и правилъ.

Въ брошюрѣ моей «*Голосъ неравнодушнаго*» [1]) я писалъ:

«Легко индиферентному говорить: «всегда такъ было, и всегда такъ будетъ», но не легко, серьозно мыслящему, примиряться съ тѣмъ, что̀ никакъ не можетъ быть оправдано разумомъ, что̀ не выдерживаетъ критики и возмущаетъ душу. Человѣкъ не имѣетъ права заставить мысль молчать, не имѣетъ права и тогда, когда бы и могъ это сдѣлать. Неприглядная картина нравственнаго, а потому, конечно, и всего человѣческаго міра, можетъ быть измѣнена только лишь усиліями мысли, и если, разъ, вопросъ, касающійся упоми-

[1]) «*Голосъ неравнодушнаго*». Ипполита Панаева. Спб. 1888.

наемой перемѣны, встаетъ передъ глазами неравнодушнаго и мыслящаго, послѣдній, уже этимъ самымъ, обязывается, по мѣрѣ силъ, трудиться надъ отвѣтомъ ..»

«Надо вдуматься поглубже въ исторію прошедшаго, осмотрѣться, взглянуть, попристальнѣе, вокругъ себя и сознать, ясно и опредѣленно, что псевдо-христіанское общество живетъ въ атмосферѣ позорной измѣны Тому, предъ кѣмъ лицемѣрно преклоняется, и что, вошедшая въ практику индивидуальной и общественной дѣятельности, измѣна эта подтачиваетъ раціональныя условія какъ нравственнаго благосостоянія людей, такъ равно и зависящаго отъ него благосостоянія матеріальнаго.»

Брошюра моя: «*Еще о сознаніи какъ условіи бытія*» [1]) посвящена настоятельному напоминанію объ истинѣ того: что сознаніе *первое* всего; что начало всему есть Творческое Слово (сознаніе); что въ *Немъ—жизнь,* и жизнь не пассивная только, но, главнѣйше, активная и практическая.

Во всѣхъ моихъ книгахъ, я поддерживалъ слѣдующія мои Положенія [2]).

1) Сознаніе есть не способность, а условіе всякаго бытія.

---

[1]) «*Еще о сознаніи какъ условіи бытія*», Ипполита Панаева Спб. 1888 г.

[2]) Въ книгѣ «*О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ*» (стр. 153—154) и въ книгѣ «*Голосъ долга*» (стр 125—126) данъ перечень этихъ Положеній

2) Нелѣпо мыслить «бытіемъ» какое либо состояніе міра, въ которомъ отсутствовало бы совершенно сознаніе.

3) Нелѣпо, стало быть, не мыслить, Сознаніе Божіе, Сознаніе абсолютное, началомъ всякаго сознанія и бытія.

4) Тотъ міръ, который мы познаемъ и имѣемъ притязаніе познавать все точнѣе и точнѣе, есть міръ нашихъ человѣческихъ представленій, — отличный отъ міра представленій птицы, отъ міра представленій рыбы, и т. д., а не міръ *въ себѣ* и не вселенная въ ея цѣломъ.

5) Человѣка, на сколько онъ есть представленіе мыслящаго субъекта, разбирать и познавать мы можемъ, но самого мыслящаго субъекта, человѣка, какъ таковаго субъекта, объектомъ познанія дѣлать не можемъ.

6) Сенсъ нравственной отвѣтственности столь же реаленъ, какъ и сенсы зрѣнія, слуха, осязанія, обоняніе и вкуса, и свидѣтельство этого сенса (сенса нравственной отвѣтственности), — если вполнѣ внимательно разбирать движенія онаго,— никогда не вводитъ въ заблужденіе.

7) Ставя себѣ идеалъ человѣческаго благополучія и, по этому идеалу, направляя свою дѣятельность, мыслящій раціонально человѣкъ не долженъ никогда забывать, что благополучіе это должно быть такого рода, чтобы *возможностью* достиженія онаго не могъ быть обойденъ ни одинъ человѣкъ,—принадлежитъ ли онъ къ прошедшему, къ настоящему или къ будущему.

8) Человѣкъ, какъ объектъ познанія, можетъ быть опредѣляемъ предшествующими причинами, внѣшними, относительно его *я* условіями; но, какъ субъектъ сознанія и непосредственнаго чувства, онъ опредѣляетъ себя самъ.

9) Не все изъ того, что̀ входитъ въ существенность человѣка и выражается въ его внутренней дѣятельности, находится подъ естественнымъ закономъ. «Родившееся отъ духа—не подъ закономъ».

Въ изложеніи моихъ разъисканій, по вопросу о знаніи, можетъ быть, я не соблюдалъ строгаго, систематическаго порядка. Мысли мои размѣстились въ нѣсколькихъ книгахъ; но, во всѣхъ этихъ книгахъ, я старался выдвинуть впередъ и освѣтить то̀, что́, страннымъ образомъ, забыто, игнорируется, или что̀ не понято, но безъ чего нельзя считать знаніе правозаконнымъ, а жизнь—имѣющею какой-либо опредѣленный смыслъ. Я имѣю смѣлость думать, что выставилъ на видъ тѣ столбы (факты жизни), которыхъ не можетъ никакъ миновать *путь* къ болѣе или менѣе *раціональному міровоззрѣнію*.

Примѣчаніе. Въ первыхъ двухъ главахъ этой моей книги имѣется много выборокъ изъ моихъ прежнихъ книгъ. Такъ какъ я смотрю на настоящій мой трудъ, какъ на нѣчто въ родѣ моего философскаго или литературнаго завѣщанія, то, въ виду цѣли, съ которой онъ предпринятъ, счи-

таю заимствованія изъ моихъ собственныхъ книгъ дозволительными. О философѣ Якоби я говорилъ, выше, потому, что, благодаря ему именно, я, въ мои старые годы, сталъ работать по философскимъ вопросамъ.

ГЛАВА I.

О забываемой цѣли знанія.

«Зачалось знаніе отъ потребности самосбереженія и самоудовлетворенія. Пожелали, впервые, познать, потому что увидѣли необходимость самоохраняться и ощутили неотстранимое желаніе самоудовлетворяться.

«Если человѣкъ былъ бы только животное, то онъ, конечно, скорѣе и безъ особыхъ затрудненій, достигалъ бы возможности самосбереженія и самоудовлетворенія. Средства къ самосбереженію и къ самоудовлетворенію, у животныхъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ у человѣка. Эти средства суть инстинкты, которыми животныя надѣлены, и физическое приспособленіе ихъ структуры, спеціально, можно сказать, къ упоминаемымъ цѣлямъ приноровленной. Животному не нужно искать посторонняго оружія для самозащиты, и оно, инстинктомъ своимъ, чувствуетъ – *гдѣ* стихія его, и *гдѣ* она не его, гдѣ нѣтъ естественной

опасности, и гдѣ она имѣется. Животное вполнѣ удовлетворено—удовлетвореніемъ своихъ животныхъ потребностей: голода, жажды, полового отправленія, сна, и т. п.

«При высшей организаціи вообще, сравнительно съ животными, человѣкъ оказывается, естественно, наислабѣйшимъ существомъ по части самосбереженія и самоудовлетворенія чувственныхъ.

«Можно сказать даже, что непосредственныхъ инстинктовъ, внѣ духовной области, у человѣка не имѣется [1])».

«Не обладая, естественно, такими средствами для самосбереженія и для самоудовлетворенія, какія имѣютъ животныя, человѣкъ вынужденъ добывать эти средства выпытываніемъ у природы вообще, и у сложной природы своего собственнаго существа (опытомъ, рефлексіею, сужденіемъ, прогрессивно возрастающимъ знаніемъ),—вынужденъ тѣмъ болѣе, что и самыя условія самосбереженія и самоудовлетворенія, въ человѣкѣ и для человѣка, несравненно сложнѣе. Стремленіе его къ самоудовлетворенію не имѣетъ конца въ чувственномъ мірѣ, не насыщается никогда и переступаетъ предѣлы послѣдняго.

«Независимо отъ возбужденія къ познавательной дѣятельности,—возбужденія вслѣдствіе желанія добыть наилучшія матеріальныя условія чувственнаго существованія,—къ расширенію позна-

---

[1]) См. книгу «Пути къ раціональному міровоззрѣнію» Ч. II. Стр. 42. 43.

нія стимулируетъ человѣка еще и жажда духовнаго удовлетворенія. которая есть жажда ума. —Всякое пріобрѣтеніе въ области знанія радуетъ ученаго, прежде всего, не перспективой, ожидаемой отъ открытія пользы или выгоды, а оказавшимся согласіемъ заключенія, выработаннаго умственнымъ трудомъ, съ результатомъ, полученнымъ при повѣркѣ чувственнымъ опытомъ, или, —что называется,—съ дѣйствительностью [1]).

«Но знаніе, отправившееся отъ свойственнаго человѣческому духу стремленія къ самосохраненію и къ самоудовлетворенію, въ развитіи и въ результатахъ своихъ не должно противорѣчить своему началу.

«Результаты знанія, способствуя улучшенію условій возможности наилучшаго комфортабельнаго устройства людей въ чувственномъ мірѣ, не могутъ (если знаніе идетъ правозаконнымъ, раціональнымъ путемъ) смущать душевный миръ человѣка, не могутъ поддерживать. въ людяхъ сопричастныхъ знанію, пессимистическое воззрѣніе на значеніе судебъ человѣчества; ибо стремленіе къ знанію въ человѣкѣ есть въ немъ какъ бы врожденный инстинктъ, а инстинктъ и животному уже указываетъ на то, что̀ ему (животному) вредно, на то, чего оно должно избѣгать. Согласно таковому указанію, вредное, а стало быть—и знаніе (если оно должно было бы производить вредные, неблагопріятные, для

---

[1]) См. «Пути къ раціональному міровоззрѣнію». Часть II; Стр 211. 212.

человѣка результаты) избѣгалось бы человѣкомъ. Съ прогрессомъ знанія, напротивъ, должна увеличиваться возможность распространенія благодати душевнаго спокойствія, а слѣдовательно—и довольства существованіемъ, на все человѣчество....» [1])

«Основною канвой всѣхъ отдѣльныхъ, спеціальныхъ знаній должно быть—*стремленіе къ установленію опредѣленныхъ отношеній человѣка къ самому себѣ, къ другимъ людямъ, къ природѣ и къ Богу*. Всякій шагъ отдѣльнаго знанія только тогда можетъ приносить существенную пользу человѣчеству, когда имъ (такимъ шагомъ) дѣлается движеніе впередъ къ установленію вышеупоминаемыхъ отношеній» [2]).

«Чѣмъ раціональнѣе будутъ опредѣляться таковыя отношенія, тѣмъ достиженіе наилучшаго блага на землѣ—мира душевнаго—будетъ становиться возможнѣе....» [3])

«Человѣкъ ищетъ органической связи разныхъ бѣдствій его постигающихъ и отъ человѣка независящихъ, болѣзней и страданій душевныхъ и тѣлесныхъ, мученій совѣсти, раскаянія, ощущеній какъ ощущеній, смерти.... со всѣмъ мірозданіемъ или міроустроеніемъ, и.... душа его мятется въ тщетныхъ усиліяхъ открыть эту связь. Внутренній разладъ мучаетъ его, и умиротвореніе

---

[1]) См. «Пути къ раціональному міровоззрѣнію». Ч II; стр. 190. 191.
[2]) См. «Пути къ раціональному міровоззрѣнію». Ч. II; стр. 98.
[3]) См. «Пути къ раціональному міровоззрѣнію». Ч. II: стр. 254

души дѣлается самою настоятельною его потребностью.

«Ему кажется, что дисгармонія происходитъ только лишь отъ его невѣденія, отъ его невѣжества, и онъ . . . . . обращается къ наукѣ. Вѣдь, касательно другихъ его потребностей, наука, запрошенная раціональнымъ образомъ, отвѣчаетъ же ему, просвѣщая его, удовлетвореніемъ ихъ.

«Если, по указаніямъ науки, я стану трудиться для полученія хлѣба, то природа не подастъ мнѣ камень. Если, по указаніямъ науки, я буду работать надъ построеніемъ себѣ жилища изъ дерева или камня, то оно (жилище) не обратится въ пепелъ отъ дѣйствія солнца, и не превратится въ тѣсто отъ дождей. Если, по указаніямъ науки, я стану строить желѣзную дорогу, то рельсы, отъ движенія, не расплавятся, и паровозы не сгорятъ.

«Запрашиваемая и по поводу самой существеннѣйшей потребности человѣка, по поводу установленія равновѣсія въ душѣ его, или ея умиротворенія,—Наука (наука объединяющая всѣ отдѣльныя знанія и пользующаяся послѣдними для уясненія той среды, въ которой человѣкъ призванъ дѣйствовать, и дѣятельной роли его въ этой средѣ), если и не можетъ дать, окончательно, вполнѣ удовлетворяющаго умъ и сердце отвѣта, то (если какъ сама наука, такъ и отдѣльныя науки ведутся раціонально), все-таки, съ успѣхами знанія, должна давать такіе отвѣты, которые, все болѣе и болѣе, способствова-

ли бы успокоенію волнующейся и вопрошающей души.

«Успокоивающая сила этихъ отвѣтовъ, съ успѣхами знанія, должна увеличиваться, а не уменьшаться; ибо, если бы она уменьшалась, то это значило бы что ни разумъ, ни природа не способны, ни въ принципѣ, ни на дѣлѣ, отвѣтить какою либо степенью удовлетворенія на самую неотступнѣйшую потребность человѣка, тогда какъ, запрошенные раціональнымъ образомъ, отвѣчаютъ, необходимо и непремѣнно въ концѣ-концовъ, удовлетвореніемъ на всѣ другія потребности.

«Такой результатъ оказывался бы нарушеніемъ общаго закона природы,—нарушеніемъ гармоніи между познающимъ и познаваемымъ, между потребностью и требуемымъ, между разъискивающимъ и искомымъ, и противорѣчилъ бы, поэтому, принятому уже давно наукою за аксіому, *единообразію процессовъ и дѣйствованій природы*.

«Если это уже законъ природы, чтобы, на затребованіе человѣкомъ хлѣба, наука указывала бы на средства добыванія, а природа отвѣчала бы, на указаніе, хлѣбомъ, а не камнемъ; если это уже законъ природы—чтобы, на затребованіе человѣкомъ средствъ для защиты отъ холода, наука давала бы указанія на оныя, а природа отвѣчала бы, на эти указанія, доставленіемъ тепла, а не увеличеніемъ страданій отъ холода, то, конечно, въ законѣ природы должно быть и то, чтобы, на затребованіе, человѣкомъ, умиротворенія души,

наука указывала бы на элементы не препятствующіе, а способствующіе такому умиротворенію, и чтобы общая картина природы, ея внѣшній строй, ея звѣздное небо, и нравственный законъ внутри насъ, синтезируемые разумомъ, подтверждали выводы науки.

«Съ точки зрѣнія естественной науки, широко пользующейся, для подкрѣпленія своихъ системъ, аналогіями, и провозглашающей, при всякомъ случаѣ, что: «*Законы всюду одни и тѣ же*», разсужденіе мое должно быть признано вполнѣ научнымъ» [1]).

Изъ всего вышесказаннаго, само собою, выходитъ слѣдующее, совершенно справедливое, заключеніе:

«Если результаты знанія приводятъ человѣка къ пессимистическому воззрѣнію на міръ, то это есть признакъ того, что *знаніе идетъ не раціональнымъ путемъ*» [2]).

Всякая наука, стремящаяся къ осуществленію чего либо могущаго послужить, человѣку, для благополучнѣйшаго странствія его на земномъ поприщѣ, для облегченія его страданій физическихъ и нравственныхъ, а главнѣйшее, для доставленія ему мира душевнаго, имѣетъ полное право на существованіе. Пусть физики, физіо-

---

[1]) См. книгу «О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ». Стр. 21, 25.

[2]) См. книгу «О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ». Стр. 155.

логи, медики работаютъ, каждый, въ своей области, но работаютъ—имѣя постоянно въ виду благо, которое они желаютъ принести человѣку, заботу о томъ, чтобы человѣкъ могъ жить на землѣ съ меньшею суммой физическихъ и душевныхъ страданій. Наука же, упускающая это изъ вида, разсматривающая міровые вопросы только лишь какъ загадки, надъ которыми дозволительно давать волю своему псевдо-научному остроумію, и имѣющая смѣлость давать безотрадныя заключенія по кровнымъ вопросамъ (по вопросамъ, на которые никакая наука отвѣтить не можетъ) въ такомъ видѣ, какъ будто бы эти заключенія научно обоснованы, и потому смущающая умы, готовые довѣряться признанному, въ ученомъ мірѣ, авторитету,—такая наука не только безполезна, но и преступна.

Отнимая у людей, въ особенности же у молодежи, вѣру и надежду, а потому и благо воодушевленной любви къ человѣку и къ Богу, она, разъѣдающимъ и растлѣвающимъ образомъ, дѣйствуетъ на нравственное настроеніе эпохи. Не что иное, а конечно она-то и есть причина того безотраднаго, удручающаго нравственного состоянія цивилизаціи гордящейся своими внѣшними успѣхами,—того состоянія, которое, безсмысленно, приписываютъ какому то *духу времени* будто бы неопредѣленно рѣющему вокругъ насъ. Не духъ времени, а такая псевдо-наука, она именно есть причина, и была всегда причиной нравственнаго упадка въ человѣческихъ обще-

ствахъ. Иниціаторы и популяризаторы *такой* науки любятъ, конечно, не науку, а свое будто бы научное остроуміе, любятъ славу, получаемую ими отъ легкомысленной и праздно болтающей интеллигентной толпы, расположенной преклоняться предъ оригинальными гипотезами наряжающимися въ научную тогу, какъ предъ какими либо дѣйствительными открытіями, любятъ, наконецъ, и разные выгоды пріобрѣтаемыя достигнутою извѣстностью.

Тотъ же, кто дѣйствительно любитъ науку,— любитъ, несомнѣнно, человѣка и Бога, а потому и не внесетъ никогда смуту во внутренній миръ своихъ братьевъ.

Нижеслѣдующее, до конца этой главы, я пишу въ Январѣ мѣсяцѣ 1893 года.

Въ настоящее время, мы стоимъ предъ лицомъ такихъ явленій въ нравственномъ ходѣ цивилизаціи, какія не могутъ не возмущать глубоко человѣка не равнодушнаго къ человѣческому достоинству. Чрезмѣрное преслѣдованіе всевозможныхъ матеріальныхъ удобствъ и пріятностей есть чуть ли не единственный двигатель дѣятельности интеллигенціи всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Такое преслѣдованіе, конечно, не можетъ не возбуждать и не распространять, на всѣхъ путяхъ дѣятельности, ненасытимую страсть къ наживѣ всякими средствами, терпимыми законами страны. При огромномъ числѣ конкурирующихъ на выиг-

рышъ себѣ, въ *борьбѣ за существованіе* [1]), корыстолюбіе, зависть, злорадство, безсмысленное тщеславіе, холодный развратъ, наглость, измѣна довѣрію, клевета, доносъ шпіонство и т. п. практикуются безъ застѣнчивости въ классахъ общества, считающихъ себя передовыми по умственному развитію, а если и порицаются, то, развѣ, лишь отдѣльными личностями, а не общественнымъ мнѣніемъ. Такъ называемые органы этого мнѣнія, большею частью, вмѣсто того, чтобы служить нравственному просвѣтленію общества, являются не рѣдко, купленными иногда, отстаивателями интересовъ всякаго рода плутократовъ въ ущербъ тѣмъ или другимъ интересамъ трудящихся и бѣдныхъ людей, да и вмѣстѣ съ тѣмъ, равнодушными къ достоинству человѣка орудіями инсинуацій, клеветъ и доносовъ. Опозорить честнаго человѣка—считается почти столь же терпимымъ, какъ и разоблачить негодяя и порочнаго. *Неуваженіе къ человѣческой личности* нагло красуется на знамени такъ-сказать цивилизаціи понимающей прогрессъ человѣчества только лишь въ устройствѣ и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, телеграфовъ, телефоновъ, броненосцевъ, бездымнаго пороха и другихъ, подоб-

---

[1]) «*Борьба за существованіе*», со словъ многихъ авторитетныхъ ученыхъ, провозглашающихъ эту гипотезу за міровой законъ, наивно считается, въ средѣ праздно-болтающихъ интеллигентовъ, и дѣйствительно какъ таковой,—благо этотъ псевдо-законъ служитъ имъ научнымъ оправданіемъ въ ихъ нравственной несостоятельности и распущенности.

Прим. автора.

ныхъ имъ, изобрѣтеніяхъ человѣческаго ума служащихъ увеличенію удобствъ матеріальнаго благосостоянія и успѣху, однихъ въ ущербъ другимъ, въ *борьбѣ за существованіе*.

При видѣ таковаго состоянія цивилизаціи, нельзя не спрашивать о томъ—что́ могло привести ее, къ концу XIX вѣка, къ такимъ печальнымъ результатамъ. Состояніе это весьма часто констатируется, о немъ соболѣзнуютъ, но о причинахъ говорится мало. Произносятся непрестанно, при всякомъ случаѣ, насмѣшливыя и какъ-бы укорительныя фразы въ родѣ слѣдующихъ: «явленія fin du siécle; «люди fin du siècle»; «по нынѣшнимъ временамъ»; «нынѣшняя молодежь»; «декаденты»; «нынѣшняя нравственность», и т. п....; но выраженія эти, не выясняя ничего, не выясняютъ, конечно, и того—какую роль «время» играетъ въ неутѣшительныхъ явленіяхъ.

Гдѣ причина или причины?... Не злокачественные же, въ самомъ дѣлѣ, микробы въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, отравляютъ человѣческую интеллигентность? А она, несомнѣнно, оказывается, нынѣ, отравленною....

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эпиграфомъ къ моей книгѣ «*Пути къ раціональному міровоззрѣнію*» (1880 г), я написалъ слѣдующія строки:

«Отъ Ученыхъ, то-есть отъ *направленія*, которое они даютъ движенію знанія, зависитъ, на болѣе или менѣе продолжительное время, состояніе умовъ въ человѣческихъ обществахъ».

Затѣмъ, въ книгѣ моей «*О вліяніи направ-*

ленія знанія на состояніе умовъ» (1882 г.), я подробно развивалъ эту мысль.

Теперь-же я осмѣливаюсь утверждать, что *направленіе*, на которое встало знаніе, и встало смѣло почти за полстолѣтіе до нашего времени, что это именно направленіе привело цивилизацію къ такому прискорбному нравственному состоянію. Знаніе, поддерживающее и развивающее совершенно неправильное положеніе, суть котораго состоитъ въ томъ, что *человѣкъ* (носитель *слова*, сознанія) не только не занимаетъ *исключительной* роли въ человѣческомъ мірѣ, въ мірѣ *человѣческаго сознанія*, а, напротивъ, оказывается, во всемъ своемъ цѣломъ, продуктомъ механически дѣйствующихъ и слѣпыхъ силъ природы,— такое знаніе, конечно, должно было вліять, самымъ расшатывающимъ образомъ, на нравственный ходъ цивилизаціи.

Ключи разумѣнія, около того времени, на которое я приблизительно указалъ, попали въ руки нѣсколькихъ талантливыхъ Ученыхъ Европы,— сторонниковъ механическаго объясненія явленій природы. Пріобрѣтя себѣ громкую извѣстность видными успѣхами въ той или другой спеціальной отрасли знанія природы, Ученые эти, или ихъ сторонники, стали давать, съ своей точки зрѣнія, и какъ бы отъ имени точной науки, заключенія и по вопросамъ жизни вообще, пытаясь подводить ихъ подъ свои теоріи. Авторитетъ, признанный за ними вслѣдствіе громкихъ успѣховъ въ ихъ спеціальности, переносился (иногда, можетъ быть,

и помимо ихъ воли), знакомящимися съ ихъ заключеніями по общимъ вопросамъ жизни, иногда даже и преподавателями, и на эти заключенія. Этому помогало то, что вопросы жизни, многими изъ Ученыхъ,—чувствующими себя, такъ-сказать, какъ-бы *дóма* въ области своей спеціальности,—трактовались, въ ихъ сочиненіяхъ, съ каѳедры и въ разговорахъ, съ развязностью человѣка, вполнѣ увѣреннаго въ непогрѣшимости своихъ заключеній. О прежнихъ знаменитыхъ мыслителяхъ и объ ихъ трудахъ говорилось если не пренебрежительно, то покровительственно,—такимъ тономъ, напримѣръ, какимъ *Ренанъ* говоритъ въ своей книгѣ *Vie de Jésus*... То были какъ-бы рѣчи академиковъ, относящіяся къ людямъ, хотя выдающимся и талантливымъ, но стоящимъ, относительно ихъ (академиковъ), еще на степени учениковъ. Такая манера заставляла, не привыкшихъ къ самостоятельному мышленію по серьезнымъ вопросамъ, предполагать въ Ученомъ, уже пользующемся извѣстностью, кромѣ глубокаго и оригинальнаго ума, громадный запасъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія. Заключенія, исходящія отъ такихъ громкихъ именъ, входили въ учебные курсы, популяризировались журналами, газетами, публичными чтеніями, проникали многими другими путями въ мысли людей интеллигентнаго класса, такъ что, въ обыкновенныхъ романахъ. повѣстяхъ и въ салонныхъ разговорахъ третировались уже какъ давно, будто бы, доказанныя, точнымъ опытнымъ путемъ, истины. Читатель

нашего времени, встрѣчаясь съ ними вездѣ, при свойственной обыкновенному человѣку лѣности на серьезную мысль, признавалъ ихъ дѣйствительно какъ доказанную истину, разсуждая такъ: «Къ чему тутъ еще ломать голову, когда это утверждается не людьми подобными мнѣ, а такими міровыми учеными, какъ: Дарвинъ, Гексли, Геккель, Льюисъ, Молешоттъ, Фохтъ, и. т. п.».—Тотъ же читатель, котораго эти псевдо-истины болѣзненно коробили, говорилъ. «Грустно, неутѣшительно, ужасно! но что̀ дѣлать: все это — истины, доказанныя научно такими людьми, какъ Дарвинъ, Гѐксли, Геккель...» [1]).

Такимъ образомъ распространялась *вѣра* въ заключенія поддерживаемыя авторитетными именами съ ссылками ихъ на *вещественныя доказательства* (результаты микроскопическихъ изслѣдованій—напримѣръ), чему, разумѣется, способствовало то, что интеллигентная среда нашей цивилизаціи хотя можетъ быть и просвѣщена по ходячему мнѣнію о просвѣщеніи, но недостаточно воспитана Вѣдь нельзя же отрицать того прискорбнаго факта, что, въ цивилизованныхъ странахъ, играетъ главную роль забота не о воспитаніи человѣка, а о болѣе обильномъ и разнообразномъ питаніи его ума, которое и считается просвѣщеніемъ человѣка.

Въ ученой литературѣ, отзывы о современныхъ

[1]) Фихте справедливо говорилъ: «Всякое утвержденіе, которое оказалось бы въ противорѣчіи съ внушеніями совѣсти, или имѣло бы притязаніе отмѣнять ея рѣшенія, не можетъ быть истиной»

знаменитостяхъ произносились съ крайнею осторожностью, и такъ крѣпко держалась *вѣра* (воспринятая, тѣмъ или другимъ писателемъ, вмѣстѣ съ научною пищею получаемою въ пору формировки ума) въ ихъ авторитетъ, что очень немногіе рѣшались входить въ разборъ степени научной точности и логичности заключеній, признанныхъ за истины подавляющимъ большинствомъ интеллигентовъ.

Какимъ путемъ и въ какомъ видоизмѣненіи заблужденія умовъ интеллигентовъ сообщаются классамъ неинтеллигентовъ,—объ этомъ я говорилъ въ книгѣ моей: «О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ» (1882 г.)....

Такимъ, именно, образомъ, я истолковываю себѣ причину печальнаго состоянія нравственности въ цивилизованныхъ обществахъ къ концу нашего столѣтія:

Да. Нѣсколько Ученыхъ, сильныхъ свѣдѣніями по тѣмъ или другимъ спеціальнымъ знаніямъ одаренныхъ богатымъ воображеніемъ, искусныхъ въ ученой діалектикѣ, крайне смѣлыхъ (вслѣдствіе того, что ихъ не озабочивала мысль о томъ, какое вліяніе могутъ произвести ихъ заключенія на настроеніе умовъ), — добросовѣстныхъ сторонниковъ, въ лучшемъ случаѣ, ложной идеи: «*наука для науки*», — нѣсколько такихъ ученыхъ, — повторяю я,—создали то нравственное состояніе нашей цивилизаціи, предъ которымъ они и *сами стоятъ* въ горестномъ недоумѣніи.

Къ нимъ было-бы совершенно подходящимъ

приложить слова Христа: «Различать лицо неба вы умѣете, а знаменій временъ не можете» [1]).

И что̀ мудренаго, что небольшое число выдающихся между другими интеллигентовъ повліяло на состояніе умовъ нѣсколькихъ поколѣній людей. Исторія, отмѣчающая факты упадка и возвышенія нравственности въ человѣческихъ обществахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что это возможно. Да и сами антропологи признаютъ это. Въ *Антропологіи Топинара* мы читаемъ: «Достаточно не только племени побѣдителей, но иногда одного человѣка, случайно получившаго вліяніе, чтобы видоизмѣнить нравы и характеръ настолко, чтобы они, менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе, стали неузнаваемы» [2]).

Будемъ надѣяться, что явится, наконецъ, нѣсколько другихъ Ученыхъ, ревнующихъ объ истинномъ достоинствѣ человѣка, исповѣдующихъ открыто, какъ научную истину, истину того, что роль *человѣка* (человѣческаго *я*), въ *человѣческомъ* мірѣ, *первенствующая* и *исключительная*,—такъ какъ сознаніе его оказывается *необходимымъ* условіемъ существованія этого міра. Будемъ надѣяться, что такіе Ученые станутъ заботиться объ истинномъ благѣ человѣка, помогая ему бороться съ природою, что они будутъ любить его болѣе, чѣмъ науку, и станутъ ставить цѣлью послѣдней—облегчать трудъ достиженія, каждымъ, внутренняго

---

[1]) Евангеліе Святаго Матѳея, Глава 16, Ст. 3.

[2]) «*Антропологія*» Топинара, переводъ 1879 года съ французскаго изданія 1877 года. Стр. 397.

довольства. По милости Божіей, этимъ Ученымъ, вѣроятно, удастся дать другое *направленіе* знанію, и такое направленіе съ котораго не въ состояніи будутъ сдвинуть его другіе ученые желающіе разсматривать человѣка, во всемъ его цѣломъ, какъ продуктъ матеріальной *природы*.

ГЛАВА II.

Какъ человѣкъ знакомится съ средою своего существованія.

(Въ общихъ чертахъ)

Ощущенія груднаго ребенка смутны: они какъ-будто колеблятся. Внѣшнія чувства (сенсы) функціонируютъ не вполнѣ твердо и не сопровождаются вниманіемъ чувствующаго. Сначала ему помогаютъ находить грудь матери; но вскорѣ онъ отъискиваетъ ее самъ, дотрогивается до нея своими ручонками. Зрѣніе начинаетъ фиксироваться, слухъ — опредѣляться: онъ поворачиваетъ головку въ ту сторону, гдѣ раздаются стукъ, голосъ и вообще какой либо звукъ. Онъ смотритъ въ глаза матери; слѣдитъ за ея движеніями, за движеніями лицъ ухаживающихъ за нимъ или проходящихъ мимо его; отличаетъ движущееся отъ находящагося въ покоѣ, тьму отъ свѣта; замѣчаетъ неодинаковость цвѣтовъ. — Однимъ словомъ, мало-по-малу опредѣляющіяся чувства

дают ему предметъ и предметную среду [1]), и дают ихъ прежде, чѣмъ тотъ же предметъ и та же предметная среда воспримутся имъ съ элементами какого бы то ни было малаго сужденія.

Жизнь сказывается въ ребенкѣ, первоначально, такъ-сказать — *ощущеніями-представленій* [2]). Эти

[1]) Въ очеркѣ моемъ того, какъ,—по моему предположенію,—первый человѣкъ долженъ былъ приходить къ познанію существованія какъ самого себя, такъ и внѣшней среды (См. книгу мою «*Пути къ раціональному міровоззрѣнію*». 1880. Часть II; стр. 144), я говорилъ:

«Когда человѣкъ, послѣ уже опредѣленія въ немъ центра самочувствія, открылъ глаза, то не увидѣлъ, а,—правильнѣе сказать,—*ощутилъ картину* нарисовавшуюся въ его взорѣ, въ его глазахъ.

«Ощущеніе картины (хотя оно состояло какъ бы изъ разнообразныхъ элементовъ) было такое же непосредственное, какъ ощущенія, напримѣръ, твердости, мягкости, теплоты, звука, запаха, сладкаго. Внутренній характеръ или, такъ-сказать, вкусъ картины зрѣнія былъ такимъ же непосредственнымъ, какъ и внутренній характеръ-вкусъ твердости, мягкости, теплоты, звука, запаха, сладкаго,—такимъ же непосредственнымъ, какъ и внутренній характеръ-вкусъ всякаго другого ощущенія.

«Чувствовался, напримѣръ, внутренній характеръ-вкусъ цвѣтовъ (красокъ) и тѣней картины не передаваемо, но чувствовался,—равно какъ чувствовались и другіе элементы картины, своеобразнымъ, одному лишь человѣческому существу свойственнымъ образомъ. Всякое другое существо, всякое животное имѣетъ свой собственный, своеобразный внутренній характеръ-вкусъ ощущеній слуха, осязанія, обонянія, вкуса и зрѣнія.

[2]) Подъ выраженіемъ «*ощущеніе представленій*», я разумѣю представленіе, въ которое не вошло еще никакого элемента сужденія. *Прим. автора.*

ощущенія-представленій, до наступленія сознательнаго періода жизни,—какъ ни странно это сказать,—какъ-бы *объективны*. И вотъ, субъектъ жизни тутъ-то и сказывается наглядно въ своемъ настоящемъ и чистомъ смыслѣ. Все для него, для субъекта-ребенка, всѣ ощущенія, и ощущеніе даже его крошечной фигурки,—все это объекты. Маленькій ребенокъ (пусть его зовутъ Саша) лепечетъ про свои собственныя ощущенія: «Саша хочетъ кушать»; «Саша хочетъ пить»; «Сашѣ —больно, холодно, темно или свѣтло», а не говоритъ: «*я* хочу кушать»; «*я* хочу пить»; «*мнѣ* больно, холодно, темно или свѣтло». Такое состояніе замѣчается въ ребенкѣ прежде нежели онъ скажетъ, говоря про себя: «*я*», прежде не жели онъ придетъ ко самосознанію [1]).

Повторяю: ребенокъ имѣетъ непосредственно *ощущенія-представленій* прежде, нежели воспримет послѣднія съ элементомъ какого-либо сужденія.

Онъ получаетъ ощущенія представленій откровеніемъ [2]) столь же необъяснимымъ для науки,

---

[1]) Этотъ прологъ къ жизни сознательной, этотъ какъ-бы заглавный эпиграфъ, не есть ли указаніе, не есть ли намекъ на то—отъ чего отправляется жизнь, и къ какому состоянію должна она стремиться?

[2]) Ф. Г. Якоби, въ своемъ *Діалогѣ*: «Давидъ Юмъ о вѣрѣ, или Идеализмъ и Реализмъ» (1787 г), стараясь оправдать употребленіе, которое онъ дѣлаетъ изъ слова «*откровеніе*», говоря объ отправленіи сенсовъ, высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Убѣжденіе наше въ дѣйствительности, въ реальности чувственныхъ предметовъ основано единственно на чувствѣ необяснимомъ, на *откровеніи* относи-

какъ необъяснимъ для нея самъ фактъ жизни, и получаетъ ихъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ впослѣдствіи ставитъ онъ представленія для себя предметами,—въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онъ познаетъ предметы.

Съ самыхъ первыхъ моментовъ самочувствія, ребенокъ подвигается въ познаніи правильнымъ путемъ,—тѣмъ путемъ, которымъ должно идти вообще знаніе. Онъ *наблюдаетъ* сначала. Подаваясь далѣе въ жизни, онъ начинаетъ *предполагать* и *провѣрять*. Существуетъ, конечно, нѣкоторый промежутокъ времени между наблюденіемъ и предположеніемъ. Какъ великъ такой промежутокъ, мы, слѣдящіе со стороны, опредѣлить не можемъ. Но нельзя не думать, что онъ

тельно насъ непосредственномъ, такъ какъ другія средства для убѣжденія ускользаютъ отъ насъ. Сознаніе дѣйствительнаго присутствія предметовъ, сопровождающее непосредственно ощущенія, даетъ намъ, въ то же время, сознаніе насъ самихъ. Въ одно и то же мгновеніе я узнаю и то, что имѣется что-то внѣ меня, и то, что я *самъ* есмь; и это двоиное откровеніе не основано ни на какомъ понятіи, ни на какомъ разсужденіи. Идей нѣтъ еще, онѣ приходятъ послѣ предметовъ, приходятъ какъ ихъ тѣни; онѣ предполагаютъ реальность, которую представляютъ, и, для того, чтобы убѣдиться въ ихъ истинности, т. е. въ истинности идей, мы вынуждены сравнивать ихъ съ предметами. Въ самомъ простомъ и въ самомъ первомъ воспріятіи, *мое-я* и объектъ (предметъ) даются вмѣстѣ, непосредственно, безъ *прежде* и безъ *послѣ*, безъ всякаго дѣйствованія разсудка и безъ всякаго вмѣшательства закона причинности». *См. книгу «Разъискатели истины» Т II; стр. 311.*

уменьшается по мѣрѣ того, какъ ребенокъ подается, въ возрастѣ, впередъ, и что наступаетъ и такой моментъ, когда наблюденіе и предположеніе происходятъ почти одновременно. То, что̀ мы сейчасъ сказали, относится, разумѣется, къ элементарному *опознанію* [1]).

Но для того, чтобы наблюдать, надо уже имѣть *что-либо* для наблюденія, и это *что-либо* дается,—какъ мы уже объ этомъ говорили выше, —откровеніемъ.

Для того же, чтобы *предполагать* и *провѣрять*..? Тутъ мы не можемъ не мыслить, что для этого намъ данъ въ сознаніи идіомъ, такъ-сказать, какъ бы схемъ [2]), чрезъ посредство

---

[1]) Подъ выраженіемъ: «*элементарное опознаніе*» — мы подразумѣваемъ фактъ первоначальнаго ознакомленія съ окружающею средою,—ознакомленія, въ которое не входитъ еще никакого элемента опредѣленія.—*Прим. автора.*

[2]) «Когда я представляю себѣ треугольникъ, я не назначаю ему воображеніемъ величину опредѣленную, но представляю себѣ процессъ, которымъ могу провести, въ пространствѣ, какія либо три линіи, встрѣчающіяся, между собою, въ трехъ точкахъ. Вотъ это будетъ—*схема.*

«Не существуетъ, напримѣръ, изображенія треугольника, которое когда либо могло бы быть подходящимъ къ концепту треугольника вообще. Изображеніе треугольника есть, дѣйствительно, всегда изображеніе треугольника или прямоугольнаго, или остроугольнаго, и пр., между тѣмъ какъ схема треугольника обнимаетъ всѣ эти фигуры. *Схема*, стало быть, можетъ существовать не иначе какъ въ мысли. *Изображеніе* есть эмпирическій продуктъ производительнаго воображенія, *схема* есть продуктъ чистаго

коихъ слагаются понятія, въ которыхъ и субъективно, и объективно, выражается многообразная среда человѣческаго существованія, или, такъ-называемый нами, чувственный міръ.

* * *

Воспитаніе и обученіе слѣпорожденныхъ, и изумительные результаты, достигаемые этими воспитаніемъ и обученіемъ, не могутъ не свидѣтельствовать о прирожденномъ человѣческому сознанію идіомѣ схемъ, упоминаемомъ мною выше. При отсутствіи таковаго идіома въ человѣческомъ сознаніи, добываемые, воспитаніемъ и обученіемъ, успѣхи не были бы возможны. Человѣческій міръ оставался бы, въ весьма многомъ, совершенно чуждымъ слѣпорожденному. Здѣсь нельзя не вспомнить о долженствующей быть извѣстной ученому міру *Лаурѣ Бриджмэнъ,* почти съ самаго рожденія слѣпой, глухо-нѣмой и лишенной обонянія дѣвушкѣ [1]).

воображенія, которое само дѣлаетъ возможнымъ изображеніе».

См. мою книгу «Разъискатели истины». Томъ I; стр. 216, 217 (Кантъ).

[1]) Ученые нашего времени,—большинство которыхъ состоитъ изъ сторонниковъ механическаго объясненія явленій жизни,—какъ бы умышленно игнорируютъ Лауру Бриджмэнъ. Книга «The Life and education of Laura Dewey Bridgman» (о которой я упоминаю ниже), несмотря на свое чрезвычайно интересное, для ученаго, содержаніе, весьма мало распространена. Опасаются, вѣроятно, встрѣтиться съ неоспоримыми фактами, которые не поддаются механическому

Разумное, благодѣтельное и любящее воспитаніе и обученіе (Пріютъ для слѣпыхъ въ гор. Бостонѣ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ) сдѣлали то́, что она, своевременно, выучилась не только читать и писать, но была ознакомлена съ грамматикой, ариѳметикой, алгеброй, исторіей, географіей. Она писала свой дневникъ. Прожила Лаура около шестидесяти лѣтъ (род. 1829 г.; скон. 1889 г.).

По окончаніи своего воспитанія и обученія, она жила, въ теченіе болѣе сорока лѣтъ, въ дружескихъ, интимныхъ отношеніяхъ съ бывшей своей учительницей, мистриссъ Ламсонъ. Время онѣ проводили въ рукодѣліи и въ чтеніи, которое Лаура *страстно* любила. Мистриссъ Ламсонъ даетъ по этому предмету слѣдующія подробности:

«Меня, можетъ быть, спросили бы: какимъ образомъ вы читаете книги Лаурѣ? — Представьте себѣ, что я сижу съ лѣвой стороны ея, держа книгу своею лѣвой рукой и складывая слова моею правою рукой. Вотъ то, что́ приходится мнѣ дѣлать: все остальное — это уже дѣло Лауры. При пособіи своей правой руки, которою она слегка шелеститъ около моихъ пальцевъ, и шелеститъ всегда не настолько сильно, чтобы препятствовать или мѣшать ихъ движеніямъ, она складываетъ, или, скорѣе,

---

объясненію и явно находятся въ противорѣчіи съ теоріями механическаго объясненія явленій жизни. Истинная наука беретъ въ соображеніе всѣ представляющіеся ей факты, а не устраняетъ тѣ изъ нихъ, которые не укладываются въ намѣченныя впередъ рамки. *Прим. автора.*

читаетъ слова. При этомъ она кажется не болѣе имѣющею сознаніе о каждой буквѣ, чѣмъ и мы, когда читаемъ нашими глазами. Какъ бы быстро ни говорили пальцами, быстрота никогда не оказывается, для Лауры, настолько великою чтобы она не могла понимать, а я говорю ей съ быстротою вѣроятно большею той быстроты, съ какою глазъ можетъ читать слова. Говоря, въ продолженіи года, болѣе моими пальцами, чѣмъ моимъ языкомъ, я пріобрѣла такую привычку, что могла убѣдиться на опытѣ въ слѣдующемъ: когда какое либо лицо, сидя близъ меня, читаетъ громко,— я не могу переводить чтеніе этого лица пальцами съ такою скоростью, съ какою оно читаетъ; но если то же лицо читаетъ предъ многочисленнымъ собраніемъ слушателей, то я могу слѣдовать за читающимъ и повторять Лаурѣ каждое слово при пособіи моихъ пальцевъ. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, складывать — есть не болѣе актъ сознанія для насъ, какъ и тогда, когда мы, нормальные люди, читаемъ нашими глазами».

Слѣпая и глухо-нѣмая отъ рожденія Лаура *страстно интересовалась* чтеніемъ!? Не ясно ли, поэтому, что она, Лаура, недоступная ни свѣту, ни звуку, лишенная, почти отъ рожденія, главнѣйшихъ проводниковъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, имѣла, однако, представленіе о немъ, подобное тому представленію, какое имѣемъ мы, обладающіе всѣми сенсами? Иначе, какимъ образомъ Лаура могла бы *страстно интересоваться* чтеніемъ о томъ, что̀, во всякомъ случаѣ, касается

нашего человѣческаго міра, или къ нему относится?...

Диккенсъ, въ Очеркахъ своего путешествія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, говоритъ, подробно и съ большимъ одушевленіемъ, о Лаурѣ (Лорѣ) Бриджмэнъ (которую видѣлъ дѣвочкой 12 лѣтъ) и объ ея воспитаніи [1]).

«Я сидѣлъ въ другой комнатѣ, противъ слѣпой, глухо-нѣмой и лишенной обонянія дѣвочки,—прекраснаго существа, полнаго всѣхъ человѣческихъ способностей заключенныхъ въ нѣжномъ тѣльцѣ, но владѣющаго только однимъ изъ пяти чувствъ — чувствомъ осязанія. Вотъ она, передо мною, какъ мраморная статуя недоступная ни свѣту, ни звуку... Пока я такъ смотрѣлъ на нее, ей подали что-то. Лицо ея освѣтилось удовольствіемъ. Волосы, собственною рукой ея, были заплетены и заложены вокругъ головы, развитіе и мыслительныя способности которой ясно выражались изящными линіями черепа и высокимъ, открытымъ лбомъ; платье ея, сшитое ею самою, могло служить образчикомъ опрятности и простоты; работа ея, вязанье, лежала близъ нея, а тетрадка, ея же, находилась на столѣ, на который она облокотилась. Изъ среды лишенній поднялось это кроткое, нѣжное, непорочное, благодарное существо!...

«Подобно всѣмъ другимъ, на глазахъ у нея была надѣта зеленая повязка. Кукла, одѣтая ею, лежала тутъ же, на полу. Я поднялъ ее и уви-

[1]) См. «Американскіе Очерки», Диккенса. Переводъ Москва. 1883 г.

дѣлъ, что дѣвочка и ей на глаза надѣла такую же повязку. Лаура сидѣла въ небольшемъ углубленіи комнаты и писала свой дневникъ. На-скоро окончивъ это занятіе, она дѣятельно принялась дѣлать разныя сообщенія, на счетъ чего-то, сидѣвшей рядомъ съ ней, учительницѣ»... Имя ея великаго друга, учителя и благодѣтеля — Гоуэ (Hove). Онъ—докторъ. Разсказывая о воспитаніи Лауры, онъ написалъ, между прочимъ, нижеслѣдующее:

«Но безсмертная душа ея не могла умереть, не могла быть изувѣчена или искажена, и хотя многіе проводники сообщенія ея съ внѣшнимъ міромъ и были уничтожены, тѣмъ не менѣе, внутренняя жизнь стала проявляться посредствомъ другихъ» [1]).

* *
*

Съ первою *повѣркой* [2]) я полагаю, наступаетъ періодъ активной жизни. Вводитъ самочувствующее существо въ этотъ періодъ *вѣра* [3])

---

[1]) Въ моей брошюрѣ «Nosce te ipsum» (1881 г.) я помѣстилъ выборку изъ отчета Revue philosophique (1879 г.) объ Англійской книгѣ «The Life and education of Laura Dewey Bridgman, the deaf, dumb and blind Girl, by her teacher Mary Swift Lamson». Въ фельетонѣ газеты »Новое время« 1889 г, №, 4837. помѣщена статья Г. Булгакова: «Лаура Бриджмэнъ». *Прим. автора.*

[2]) *Повѣрка* уже предполагаетъ *вѣру* въ показанія своихъ чувствъ.

[3]) Вѣра эта подобна инстинктивному какъ бы довѣрію, къ своей средѣ, птенчика, у котораго въ гнѣздѣ отросли крылышки, и который, расправивъ ихъ, въ первый разъ взлетаетъ и летитъ въ воздухѣ; или же инстиктивной

въ предметную среду и въ показанія своихъ чувствъ, вызываемая присущею ему потребностью дѣйствовать для достиженія той или другой цѣли. Вѣра эта вдвигаетъ уже впередъ въ то, что развивающееся, затѣмъ, знаніе облекаетъ въ понятія.

Всѣмъ извѣстно, что, вступая въ этотъ періодъ. ребенокъ, съ изумительною быстротой, знакомится съ громаднымъ разнообразіемъ предметовъ, составляя, конечно, о каждомъ изъ нихъ особое для себя понятіе. И знакомится ребенокъ, съ этимъ многообразіемъ, замѣчательно смѣло, не выказывая удивленія, котораго, съ нашей точки зрѣнія, мы въ правѣ были бы ожидать

Приведу примѣръ. Мы приготовили, въ первый разъ, для моей внучки ($2^1/_2$ лѣтъ) ёлку. Въ тотъ вечеръ же привели къ намъ другую маленькую дѣвочку (дочь дворника) для присутствованія на елкѣ. Внучка моя вошла въ комнату, гдѣ уже была зажжена елка, держа за руку упоминаемую дѣвочку. Лицо моей внучки выражало спокойное удовольствіе, при совершенномъ отсутствіи уди-

---

какъ бы рѣшимости утенка, едва вылупившагося изъ яйца, но уже смѣло спускающагося въ воду и начинающаго плавать.

Нѣчто подобное таковому довѣрію замѣчается и въ царствѣ растительномъ. Я видѣлъ, въ Швейцарскихъ горахъ, деревья, растущія на скалахъ, въ положеніи ствола горизонтальномъ, перпендикулярно къ отвѣсной стѣнѣ скалы, и удерживающіяся въ такомъ положеніи развѣтвленіями своихъ корней, закрѣпляющихся въ расщелинахъ скалы какъ бы въ сознательной увѣренности въ твердость, прочность и неподвижность скалы. *Прим. автора.*

вленія. Гораздо болѣе обращала она вниманія на свою временную подругу, смотря ей въ лицо и какъ бы ища въ послѣднемъ выраженія удовольствія. Главнѣйше интересовало мою внучку—это именно. То, что она разбирала смыслъ и значеніе разнообразныхъ предметовъ, повѣшенныхъ на ёлкѣ, было ясно: она выбирала многіе изъ нихъ (игрушки, конфекты, фрукты) и клала ихъ въ передникъ другой дѣвочки, причемъ, по видимому, соображалась съ тѣмъ—какъ смотрятъ, на ея выборъ, старшіе и одобряютъ ли они его.

Убирая ёлку и зажигая свѣчи, взрослые думали поразить удивленіемъ дѣвочку. Вышло же совсѣмъ другое: она поразила насъ своимъ *неудивленіемъ*, — поразила потому, что со многими предметами, висѣвшими на ёлкѣ и положенными на столъ, она должна была встрѣтиться въ первый разъ.

Въ *Предисловіи* къ переводу книги Г. Эрнеста Навиля «Логика гипотезы», я между прочимъ писалъ:

Элементарное *опознаніе* представленія или предмета чувствуется скорѣе какъ *узнаваніе*, какъ смутное припоминаніе чего-то, когда-то знакомаго. Выходитъ такъ, что я, какъ будто, не *познаю* (рѣчь идетъ объ элементарномъ ознакомленіи) что-либо новое, а *узнаю*, припоминаю что-то, когда-то прежде видѣнное. Въ сущности, при элементарномъ ознакомленіи, совершается какъ бы *провѣрка*, прежде и спонтанентно мелькнув-

шаго предъ наблюдающимъ умомъ, *предположенія*, —предположенія, сливающагося съ самимъ наблюденіемъ.

Этимъ, можетъ быть, объясняется то, почему дѣти, приходя въ сознаніе, разомъ и замѣчательно быстро знакомятся съ громаднымъ числомъ предметовъ, и, при элементарномъ ознакомленіи съ послѣдними, не выказываютъ особаго удивленія.

Не это ли также, при элементарномъ познаваніи, чувство встрѣчи какъ бы съ чѣмъ-то прежде знакомымъ, дало поводъ нѣкоторымъ прежнимъ мыслителямъ говорить о предсуществованіи (pré-existence), о какомъ-то существованіи прежде реальнаго существованія.

Въ моей книгѣ: «Пути къ раціональному міровоззрѣнію», я говорилъ:

«Сначала я имѣю чувство или ощущеніе представленій, а потомъ, со вступленіемъ въ дѣло активнаго начала, получаю сознаніе и самосознаніе, мысль вмѣстѣ со словомъ.

«Подъ выраженіемъ «слово», мы разумѣемъ не сочетаніе звуковъ голоса, а способность умственно называть свои представленія и свои жизненные акты, — способность знаменовать ихъ въ умѣ,— именовать ихъ для того, чтобы вообще судить. Въ такомъ смыслѣ, конечно, и *нѣмой* одаренъ *словомъ*.

«Мысль какъ—ощущеніе представленій относится къ *слову* такъ, какъ,—въ области музыки

или звуковъ,—отдѣльный, одиночный звукъ относится къ *нотѣ* (къ мыслимой, а не писанной нотѣ). *Мыслить* (употребляя этотъ глаголъ въ приложеніи къ человѣку), то-есть *мыслить-судить*, невозможно, не давая названія, не именуя свои ощущенія, впечатлѣнія и представленія. Сочетаніемъ одиночныхъ *нотъ* вырабатывается *аккордъ;* сочетаніемъ одиночныхъ *словъ* вырабатывается сужденіе.

«Слово начинаетъ жить, заявлять свое дѣйствіе въ человѣкѣ, одновременно съ опредѣленнымъ сознаніемъ. Лишь только зашевелится опредѣленная мысль, *мысль-понятіе,*—и тотчасъ же привходитъ къ ней слово. Иначе мы не можемъ представить себѣ мысли.

«Когда ребенокъ, выходя изъ періода только лишь *ощущенія представленій*, начинаетъ мыслить, то онъ, конечно, въ умѣ, знаменуетъ свои представленія какими либо своими словами-знаками. Онъ усиливается сообщить другимъ что замѣчаетъ и различаетъ представленія,—усиливается, сообщить это голосомъ, односложными или двусложными голосовыми звуками; радуется, когда его понимаютъ, и недоволенъ—когда его не понимаютъ. Ребенокъ, конечно, видитъ представленія въ цѣломъ, прежде нежели разбираетъ ихъ смыслъ, ихъ назначеніе. Прежде нежели онъ приходитъ къ самосознанію, онъ и на самого себя смотритъ какъ на объектъ, и приходитъ къ опредѣленному самосознанію и начинаетъ гово-

ритъ: «*я*» только тогда, когда начинаетъ понимать значеніе своихъ представленій» [1]).

Какимъ образомъ человѣкъ пріобрѣталъ, вначалѣ, элементарныя познанія внѣшняго міра и своего собственнаго существа,—я пытался выяснить себѣ въ моемъ *очеркѣ* [2]), гдѣ представилъ, себѣ, перваго человѣка — приходящимъ къ познанію существованія или бытія какъ самого себя, такъ и внѣшняго міра.

Очеркъ этотъ помѣщенъ въ книгѣ моей: «Пути къ раціональному міровоззрѣнію» (Часть II; стр. 137-185), и въ ней же дано резюме очерка, которое я приведу ниже сего. Но прежде считаю не лишнимъ вставить здѣсь примѣчаніе касательно этого очерка,—примѣчаніе, состоящее, отчасти, изъ объясненія даннаго мною въ брошюрѣ моей «Nosce te ipsum (1882 г.), въ отвѣтъ на рецензію книги.

* * *

Во вступленіи къ очерку я говорилъ: «Дѣлая надъ собою внутренній опытъ путемъ отвлеченія отъ моего существа всякаго знанія непосредственнаго и посредственнаго о самомъ себѣ и о внѣшнемъ мірѣ,—я постараюсь выяснить себѣ: какимъ образомъ человѣкъ,—таковой, каковымъ онъ есть по своему физическому и духовному устройству,—

---

[1]) См «Пути къ раціональному міровоззрѣнію». Часть II; стр 176-180.

[2]) См. «Пути къ раціональному міровоззрѣнію». Ч I. Стр. 137-185.

могъ приходить къ сознанію и къ познанію существованія или бытія какъ самого себя, такъ и внѣшняго міра».

Я поступилъ такъ потому, что не могъ войдти во внутренній міръ ребенка, и потому, что ни одинъ человѣкъ не могъ бы разсказать мнѣ свое внутреннее состояніе за то время, когда, будучи ребенкомъ, онъ приходилъ къ сознанію и познанію. Гораздо раціональнѣе, казалось мнѣ, войти въ свой внутренній міръ и стремиться къ выясненію поставленной себѣ проблемы усиленнымъ отвлеченіемъ отъ себя всякаго знанія, непосредственнаго и посредственнаго, какъ о самомъ себѣ, такъ и о внѣшнемъ мірѣ.

Къ наблюденіямъ надъ дикарями я не прибѣгалъ потому, что, для выясненія—какимъ образомъ *носитель* свойствъ и расположеній, находящихся еще только въ состояніи готовности къ дѣйствованію, переходилъ къ *элементарному* познанію *міра человѣка*, мнѣ достаточно было, въ носителѣ, предположить только *человѣка*. Предположить его дикаремъ я не имѣлъ никакой надобности.

Въ томъ же, что̀ касается уясненія—какимъ образомъ первобытный человѣкъ шелъ далѣе въ своихъ познаніяхъ міра, я не прибѣгалъ къ наблюденіямъ надъ дикарями потому, что принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые въ дикарѣ, въ Папуасѣ—напримѣръ, видятъ не форму первобытнаго человѣка, а продуктъ нравственной неурядицы, устроенной самими людьми. Споръ о

томъ или о другомъ воззрѣніи на дикаря далеко не рѣшенъ, и, придерживаясь высказаннаго мнѣнія, я думаю, что стою столько же на научной почвѣ, сколько стоятъ на ней мыслители противоположнаго мнѣнія.

Я не вижу основанія считать дикаря за подобіе или за типъ первобытнаго человѣка, и не могу убѣдиться и въ томъ, что дикарь представляетъ переходную ступень отъ животнаго къ человѣку.

Оригинально, что иные ученые путешественники, страющіеся установить справедливость послѣдняго мнѣнія, въ показаніяхъ своихъ,—не замѣчая этого,—свидѣтельствуютъ противъ того, что́ желаютъ доказать.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ мы читаемъ, что двое Швейцарскихъ путешественниковъ-изслѣдователей, Пауль и Саразэнъ, открыли на Цейлонѣ темно-коричневое племя «неумѣющее считать до двухъ». Это племя—Веддахи... «Веддахъ спитъ прямо на голой землѣ, одѣвается вѣтвями. Пещерные Веддахи живутъ въ дѣвственномъ лѣсу какъ звѣри. Понятія «два» нѣтъ въ въ ихъ безсвязномъ языкѣ. Извѣстнымъ *почитаніемъ пользуются у нихъ покойники;* пляски имѣютъ *религіозное значеніе.* Веддахи *не лгутъ и не крадутъ. Убійство совершается ими только надъ нарушителями семейныхъ узъ*».

Какъ видите, эти,—по мнѣнію путешественниковъ,—полузвѣри почитаютъ покойниковъ, практикуютъ религіозные обряды, не лгутъ, не крадутъ,

и не убиваютъ никого, кромѣ нарушителей семейныхъ узъ. Въ нравственной области, они практикуютъ то, къ достиженію чего стремятся культурныя общества, а культурный человѣкъ, между тѣмъ, считаетъ ихъ животными, и считаетъ не потому ли только, что они спятъ на голой землѣ, живутъ въ пещерахъ, и не имѣютъ понятія: «*два*»! Касательно послѣдняго показанія, я неколеблюсь утверждать, что заключенія путешественниковъ, и тутъ тоже, поспѣшны и неправильны. Языкъ Веддаховъ никому не знакомъ, и отвѣты ихъ зависятъ отъ того—какъ они поняли сдѣланный имъ вопросъ. Еслибы, напримѣръ, спросить двухъ Веддаховъ,—Веддаха *A* и Веддаха *B*—: «сколько васъ, здѣсь, *людей*?», то, пожалуй случится, что они не подумали бы отвѣтить: «*двое*», такъ какъ, по ихъ понятіямъ, можетъ быть, Веддахъ А и Веддахъ Б мыслятся столько же различными какъ *дубъ* и *скала*, напримѣръ.

* *
*

Обращаюсь теперь къ вышеупомянутому очерку. Въ этомъ очеркѣ,—какъ уже было мною замѣчено,—я пытался выяснить себѣ, какимъ образомъ человѣкъ пріобрѣталъ, вначалѣ, элементарныя познанія внѣшняго міра и своего собственнаго существа.

Всѣмъ, болѣе или менѣе, извѣстно, что ощущаемъ мы все во времени, видимъ все—протяженнымъ и въ пространствѣ.

«Въ описанномъ мною процессѣ выработывающагося познанія, я пришелъ къ заключенію, что *время есть форма и мѣра пассивнаго состоянія или ощущенія жизни*, а *протяженіе есть форма и мѣра активнаго состоянія или ощущенія жизни* самочувствующаго и самодвигающагося существа. Пространство же есть, для него, наполняемая представленіями сфера, въ которой, болѣе или менѣе, возможны движенія живаго существа по всѣмъ направленіямъ.—Живое существо устроено такъ, что можетъ производить движеніе по тремъ основнымъ направленіямъ, а потому три измѣренія необходимы для опредѣленія направленія движенія.

«*Пространство заявляется съ движеніемъ живаго существа.* Если человѣкъ могъ бы имѣть представленія, находясь только лишь въ пассивномъ состояніи, то, при отсутствіи всякаго движенія тѣла, онъ никакъ не могъ бы перейти къ понятію внѣшняго міра, а стало быть—и пространства. Онъ не отдѣлилъ бы своихъ ощущеній отъ представленій. Измѣненія въ представленіяхъ были бы только для него перемѣною пассивнаго состоянія. При движеніи же, измѣненія въ представленіи, въ картинѣ,—въ картинѣ движущагося тѣла представляющаго и неподвижной сферы (какъ бы фона) его окружающей,—послужили къ составленію понятія о внѣшнемъ, а значитъ—также и о пространствѣ.

«Такъ какъ человѣкъ имѣетъ (судя по собственному моему внутреннему опыту) два постоянно

пребывающіе центра (какъ постоянныя точки): центръ самочувствія и центръ воли и мысли, то имъ, человѣкомъ, и замѣчаются не разрозненныя смѣны ощущеній и представленій безъ взаимной ихъ, между собою, связи, а сюксессивныя (послѣдовательныя) измѣненія въ ощущеніяхъ и въ представленіяхъ. Человѣкъ какъ бы присутствуетъ, такимъ образомъ, при разъигрывающейся, во времени или, лучше, въ продолженіи времени, связной хроникѣ своей жизни и своихъ представленій. Неподвижный, не шевелящійся, но живой человѣкъ чувствовалъ бы жизнь, ея послѣдовательные (сюксессивные) моменты, перемѣною ощущеній, перемѣною состоянія.

«Но, когда человѣкъ начинаетъ двигаться, то онъ отдѣляетъ внѣшнее отъ своихъ ощущеній, и начинаетъ видѣть, умственнымъ взоромъ, свои представленія (и въ томъ числѣ—и самого себя—какъ представленіе) наполняющими сферу объективной дѣятельности или пространство. Наполняющія пространство представленія и самъ человѣкъ (какъ представленіе) дѣлаются объектомъ мысли представляющаго и мыслящаго существа.

«Если кажущуюся продолжительность чувственной жизни, пассивной и активной, измѣрять количествомъ пассивныхъ ощущеній и пассивныхъ же ощущеній отъ движенія, то моментъ чувственной жизни человѣка (принимая этотъ моментъ за единицу для сравненія съ подобными же моментами жизни другихъ чувственныхъ существъ)

долженъ былъ бы чувствоваться весьма продолжительнымъ, напримѣръ, для *стоножки*.

«Точно также можно себѣ представить, что сумма, совокупность многихъ моментовъ или продолжительность всей жизни человѣка должна казаться, можетъ быть, весьма короткимъ промежуткомъ для существа другой организаціи. Если протяженіе измѣрять количествомъ моментовъ движенія живыхъ существъ въ сферѣ ихъ объективной дѣятельности (въ пространствѣ), то протяженіе или длина человѣческаго шага, напримѣръ, могла бы казаться весьма большой для ползующаго червя и весьма малой для летающей птицы.

«Стало быть, мы не можемъ утверждать, что время и протяженіе, равно какъ и пространство, играютъ одну и ту же роль въ познаніяхъ существъ хоть и чувственныхъ, но имѣющихъ разныя организаціи [1]).

---

[1]) Чѣмъ учащеннѣе происходятъ въ человѣкѣ (какъ самочувствующемъ лишь существѣ) моменты ощущенія дѣйствій, тѣмъ продолжительнѣе кажется время между двумя крайними опредѣленными моментами, тѣмъ длиннѣе кажется протяженіе между двумя опредѣленными пунктами, тѣмъ обширнѣе кажется пространство заключенное въ извѣстныхъ предѣлахъ, тѣмъ крупнѣе кажется всякая обозрѣваемая величина.

Напротивъ, чѣмъ моменты ощущенія дѣйствій происходятъ въ человѣкѣ (какъ самочувствующемъ лишь существѣ) рѣже, тѣмъ короче кажется время между тѣми же двумя крайними опредѣленными моментами, тѣмъ короче кажется протяженіе между тѣми же двумя опредѣленными пунктами, тѣмъ менѣе обширнымъ кажется пространство заключенное въ тѣхъ

«Внутренній опытъ,—какъ я говорилъ уже выше,—привелъ меня къ заключенію, что, въ существѣ человѣка, имѣется два центра (для меня неизвѣстно гдѣ пребывающіе): центръ самочувствія или центръ пассивной жизни, и центръ воли и мысли или центръ активной жизни. Ощущенія и движенія какъ *ощущенія*, чрезъ внѣшніе сенсы, передаются центру самочувствія; движенія же произвольно принимаемыя и мысли идутъ изъ второго центра, изъ центра активной жизни сложной системы человѣческаго существа. Болевыя ощущенія относятся къ области пассивной жизни и даютъ о себѣ, непосредственно, знать центру самочувствія страдающаго существа.

«Когда человѣкъ только что началъ отдѣлять свое живое тѣло отъ окружающаго,—отъ окружающаго не живаго для него,—тогда блеснулъ, во второмъ центрѣ (въ центрѣ воли и мысли), первый лучъ живаго бытія, и человѣкъ получилъ

же извѣстныхъ предѣлахъ, тѣмъ менѣе крупною кажется одна и та же обозрѣваемая величина.

Совершенно наоборотъ выходитъ относительно человѣка —какъ мыслящаго и нравственнаго существа.

Чѣмъ бо́льшимъ количествомъ идей и нравственныхъ чувствъ впечатлѣвается человѣкъ чрезъ посредство внѣшнихъ и внутреннихъ сенсовъ и сенса нравственной отвѣтственности, чѣмъ упорнѣе предается онъ этимъ идеямъ, чѣмъ онѣ труднѣе и возвышеннѣе и чѣмъ шире обнимаемая ими область, чѣмъ пылче и чище охватывающее человѣка нравственное чувство, и, наконецъ, чѣмъ учащеннѣе идутъ впечатлѣнія идей и чувствъ,—тѣмъ время кажется человѣку короче.

Примѣч. автора.

полу-ощущеніе, полу-мысль *причинной связи* (нѣчто въ родѣ вступленія въ мысль-сужденіе).

«Вступая въ ознакомленіе со внѣшнимъ, человѣкъ,—по полученнымъ имъ впечатлѣніямъ, чрезъ свои ощущенія, чрезъ возбуждаемыя ими движенія и чрезъ движенія произвольно принимаемыя по распоряженію центра активной жизни,—сталъ, подаваясь въ познаніи внѣшняго, переносить свои ощущенія, не замѣчая этого, на свои представленія и ощущать-мыслить въ нихъ, равно какъ и въ самомъ себѣ: температуру, цвѣта, размѣры, твердость, мягкость, гладкость, шероховатость, плотность, жидкость въ различныхъ степеняхъ, вкусъ, запахъ, число, вѣсъ или тяжесть, отсутствіе во всемъ окружающемъ пустоты (все казалось ему наполненнымъ).

«Между представленіями онъ видѣлъ: одни —живущія подобно ему, и, какъ казалось ему, въ своихъ движеніяхъ свободныя и замѣчающія его присутствіе; другія живущія, но не подобно ему, и, какъ казалось ему, въ своихъ движеніяхъ не свободныя и незамѣчающія его присутствія, и третіи—не живущія, не самодвижущіяся, но сопротивляющіяся, ставящія препятствія. Первое расположеніе къ классификаціи, къ раздѣленію представленій, для познанія ихъ, на роды и виды, оказалось при фактахъ удерживающагося наблюденія.

«Въ соприкосновеніи съ представленіями, человѣкъ пришелъ къ смутному ощущенію внутренней жизни и присутствія въ себѣ расположеній

и способностей, которыхъ тѣло его оказывалось приспособленнымъ орудіемъ.

«Величественныя, грозныя явленія природы возбудили, въ первомъ человѣкѣ, мысль, что, кромѣ того, что́ онъ могъ видѣть, осязать и мыслить, провѣряя мысли ощущеніемъ, имѣется нѣчто сильное и таинственное,—нѣчто такое, до чего не могутъ достигнуть ни глаза, ни руки, ни мысль, провѣряющая ощущеніемъ [1]).

«Встрѣча со вторымъ человѣческимъ существомъ, съ женщиной, зажгла, въ глубинѣ существенности человѣка, неугасаемое пламя нравственнаго сенса,—пламя, которое озарило человѣческую интеллигентность первою мыслью о Богѣ.

«Любовь и самоотверженіе породили *слово*, и дали ему наружное выраженіе въ гармоническихъ звукахъ, въ разговорныхъ словахъ, впервые произнесенныхъ устами любящихся друзей.

«Такимъ образомъ, человѣкъ получалъ элементарныя познанія, и такимъ образомъ являлся или производился, имъ самимъ, чувственный міръ его представленій.

«Это былъ—міръ человѣка на землѣ. Не таковымъ міръ является четвероногому, не такимъ —птицѣ, не такимъ—рыбѣ, не такимъ—насѣкомому. Всякое чувственное существо представляетъ

---

[1]) «*Высокое*», по Канту, находится въ нашемъ умѣ, гдѣ пробуждается идея безконечнаго, а не въ самихъ предметахъ, изъ которыхъ ни одинъ дѣйствительно не безконеченъ.

себѣ среду существованія сообразно характеру своихъ ощущеній, приспособленій къ движенію. инстинктовъ или средствъ познанія, а потому для каждой породы животныхъ является свой особый чувственный міръ ея представленій.

«Для того, чтобы это было наглядно понимаемо, вообразимъ себѣ слѣпого отъ рожденія человѣка и слѣпую отъ рожденія собаку. И тому, и другой приходилось бы знакомиться, съ внѣшнимъ, своимъ осязаніемъ, своимъ слухомъ, своимъ обоняніемъ, своимъ вкусомъ. Ясно, что міръ, который построенъ былъ бы, для себя, слѣпорожденнымъ человѣкомъ, былъ бы не тѣмъ міромъ, который построенъ былъ бы, для себя, слѣпорожденною собакой. Еслибы у слѣпорожденнаго человѣка и у слѣпорожденной собаки открылись бы вдругъ глаза, то, понятно, что міры того и другой перестроенные ими съ участіемъ открывшагося зрѣнія, были бы, все-таки, весьма различными [1])»...

«Мыслящій человѣкъ, въ согласіи заключеній ума съ фактами дѣйствительности, открываемыми въ природѣ вещей и ихъ отношеній, видитъ подтвержденіе телеологическаго жизненнаго процесса міросданія. Какъ существо любящее, это его радуетъ такъ же, какъ радуетъ открытіе заботливаго расположенія къ себѣ другого человѣка. Въ упоминаемомъ согласіи человѣкъ видитъ родство

[1]) См. «Пути къ раціональному міровоззрѣнію» Ч. II. Стр. 203—210.

ума, вложеннаго въ міроустроеніе, съ своимъ собственнымъ умомъ. И въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ, умомъ своимъ, можетъ воспроизводить отчасти живую поэму творенія, то нельзя не заключить, что міръ устроенъ Умомъ, котораго человѣческій умъ есть подобіе. Міръ, устроенный умомъ совершенно иного рода, умомъ гетерогеннымъ, не однороднымъ съ умомъ человѣческимъ, съ точки зрѣнія послѣдняго ума не могъ бы быть познаваемъ.

«И человѣкъ нескончаемо углубляется въ безчисленные тайники природы, входитъ въ нихъ съ свѣтильникомъ своего ума. Онъ анализируетъ, изслѣдываетъ, расчленяетъ, разрѣзаетъ, разлагаетъ, растворяетъ, составляетъ, и т. д. Чувственный опытъ и рефлексія идутъ рука объ руку и провѣряютъ другъ друга. Въ развертывающихся для него представленіяхъ внутренняго міра природы, человѣкъ видитъ также согласіе устройства этого міра съ законами своего ума, чрезъ рефлексію образующаго сужденія. Выходитъ это, конечно, опять потому, что, какъ въ процессъ открыванія, такъ и во вновь открываемыя представленія, человѣкъ вкладываетъ законы своего ума, прототипъ котораго есть умъ Всеустроителя.

«Съ цѣлью изслѣдованія болѣзней тѣла, человѣкъ разрѣзывалъ трупы, разсматривалъ части ихъ въ микроскопъ и былъ пораженъ согласіемъ, открываемымъ, въ цѣломъ трупѣ и въ разныхъ частяхъ его, механизмовъ съ механизмами разслѣдованныхъ уже имъ, по ихъ наружному виду,

другихъ представленій внѣшняго міра, и съ механизмами имъ, самимъ человѣкомъ, устраиваемыми.

«Какъ человѣкъ (умъ человѣка) разбираетъ механизмъ извѣстнаго назначенія машины, построенной неизвѣстнымъ ему человѣкомъ (умомъ человѣка), такъ человѣкъ (умъ человѣка) разбираетъ механизмъ своихъ представленій. Но человѣкъ не можетъ довольствоваться тѣмъ, чтобы только разобрать и изучить механизмъ и промежуточныя его цѣли. Изучая механизмъ, онъ не можетъ не думать, что, построивая механизмъ, механикъ, конечно, имѣлъ въ виду конечную цѣль, для чего такъ искусно и устроилъ достиженіе промежуточныхъ цѣлей.

«Человѣкъ получилъ сначала отдѣльныя представленія; но, затѣмъ, мысль о связи представляемаго съ нимъ самимъ, съ представляющимъ, неизбѣжно должна была породить, въ умѣ, телеологическое воззрѣніе на развертывающуюся, предъ нимъ, связную картину, а потому онъ во всемъ и сталъ замѣчать механизмъ и необходимость.

«Какъ геометръ строитъ фигуры изъ линій, угловъ, кривыхъ, плоскостей, поверхностей, и пр., такъ слово науки стало воспроизводить міръ явленій... Линіи, углы, плоскости, поверхности, объемы,—изъ всего этого состоялъ движущійся механизмъ человѣческаго тѣла, приводимый въ дѣйствіе невидимою и неощущаемою силою жизни и сознательною силою воли. Дерево, напримѣръ, человѣкъ видѣлъ фигурнымъ и окрашеннымъ разными цвѣтами во всѣхъ его частяхъ: въ кор-

няхъ, въ стволѣ, въ вѣтвяхъ, въ листвѣ. Фигурность дерева воспроизводилась въ линіяхъ прямыхъ и кривыхъ, въ плоскостяхъ, въ поверхностяхъ, въ объемахъ. Всѣ эти элементы фигурности, человѣкъ видѣлъ въ своемъ живомъ тѣлѣ, потому что элементъ протяженія былъ первоначальною формой сознанія внѣшняго міра. Цвѣта же были субъективными ощущеніями.

«Человѣкъ видѣлъ дерево своеобразнымъ, единственно человѣку свойственнымъ образомъ; и никто не можетъ быть увѣренъ, что собака, птица, рыба, червякъ видятъ дерево въ тѣхъ же фигурахъ и окрашеннымъ такими же цвѣтами, въ какихъ видитъ его человѣкъ.

«Все, въ мірѣ явленій, въ мірѣ представленій, оказывалось устроеннымъ и дѣйствующимъ по закону естественной причинности, потому что человѣкъ не могъ мыслить иначе явленія, какъ по принципу причинности. Этотъ принципъ или законъ мысли такъ же первоначаленъ, какъ и понятія пространства и времени.

«Съ точки зрѣнія этого необходимаго закона, человѣкъ сталъ разсматривать всякое настоящее явленіе чувственной природы, и для того ему необходимо понадобилось знаніе прошедшаго, предъугадываніе будущаго. Въ положительное познаніе его необходимо входили элементы познанія, полученные первоначальнымъ откровеніемъ, и элементы предполагаемаго будущаго (будущее, по аналогіи, —которая есть его же человѣка основоположеніе, —онъ предполагалъ долженствующимъ необхо-

димо быть таковымъ, каковымъ онъ выводилъ его, впередъ, по закону естественной причинности, провѣряя свои предположенія опытомъ въ настоящемъ),—элементы, которые онъ, процедируя, въ мысли по закону причинности, распространилъ на весь міръ, вполнѣ захватывающій прошедшее, настоящее и будущее.

«Когда человѣкъ, впервые, началъ связывать міръ своихъ представленій съ самимъ собою, то онъ сталъ видѣть все какъ бы устроеннымъ механически, потому что движеніе міра не могъ понимать, — какъ я уже говорилъ выше,—иначе какъ идущимъ телеологически, а потому не могъ не ощущать, не мыслить своего *чувственнаго* существа не механизмомъ. Въ средѣ, устроенной иначе, онъ не могъ представить себѣ возможность чувственнаго существованія.

«Когда же онъ началъ свои изслѣдованія видимаго міра, то движеніе, ростъ (произрастаніе), происхожденіе стали, безсознательно, казаться устроенными какъ бы по модели тѣхъ же элементовъ его собственнаго существа.

«Потомъ человѣкъ, уже сознательно, сталъ разбирать и свой внутренній механизмъ по модели открываемыхъ и строившихся имъ механизмовъ во внѣшнемъ мірѣ: не мудрено, что выходило согласіе механизмовъ внутренняго и внѣшняго, ибо какъ тотъ, такъ и другой были построены или воспроизведены на основаніи законовъ человѣческаго ума.

«Изслѣдовавъ разныя физическія явленія, гдѣ

свѣтъ и глазъ играютъ перекрещивающіяся роли, человѣкъ обратился къ изслѣдованію глаза вообще, своего собственнаго глаза, и къ выясненію себѣ его чувственнаго устройства. Многія физическія открытія въ области свѣта дали возможность разъяснить, болѣе точнымъ образомъ, механизмъ глаза. Такъ зрительныя трубы, телескопы, микроскопы, фотографическіе аппараты и пр. оказали важныя услуги для возможности наилучшаго изученія глаза. Въ глазѣ находятъ такія же устройства, какъ и въ оптическихъ снарядахъ и инструментахъ, камеръ-обскурахъ, трубахъ, стеклахъ и т. п.

«Такъ точно и въ области звука (въ области музыки) уже давно изобрѣтенъ всѣмъ извѣстный музыкальный инструментъ фортепьяно. Гораздо позднѣе, физикъ *Корти* нашелъ въ улиткѣ нашего уха органы, названные *Кортіевыми*. Образованіе ихъ живо напоминаетъ внутренность фортепьяно.

«Предъ нами, — говоритъ физіологъ Бернштейнъ,—музыкальный аппаратъ, который предназначенъ не для произведенія звуковъ, но для воспринятія ихъ; аппаратъ, который по своему устройству похожъ на самые лучшіе музыкальные инструменты, но далеко превосходитъ ихъ какъ по тонкости, такъ и по простотѣ выполненія. Именно: въ фортепьяно каждая струна должна имѣть свой молоточекъ, приводящій ее въ колебаніе, тогда какъ въ ухѣ мы имѣемъ только крайне искусно сдѣланный молоточекъ въ слу-

ховыхъ косточкахъ, обладающихъ способностью приводить въ колебаніе всѣ струны Кортіева органа отдѣльно другъ отъ друга.

«Въ ухѣ мы находимъ: молотокъ, наковальню, стремя, и пр.

«Это сходство музыкальнаго инструмента (фортепьяно), фотографическаго аппарата и тому подобныхъ изобрѣтеній человѣческаго ума съ устройствомъ уха и глаза, равно какъ и другихъ органовъ человѣка,—можетъ ли быть отнесено къ дѣйствію *слѣпыхъ* силъ природы, и существованіе такихъ сходствъ не доказываетъ ли намъ, что все въ мірѣ устроено, телеологически, Умомъ который,—какъ мы уже не разъ говорили,—есть прототипъ человѣческаго ума,—устроено телеологически для возможности существованія въ соотвѣтственной средѣ и для познанія этой среды данными для сего намѣренно средствами» [1]).

«При развитіи знанія, самопознаніе оказывается главнѣйшею и настоятельнѣйшею цѣлью изслѣдованій. Устройство физическаго организма, ощущенія, чувства, наклонности, способности, приспособленности,—все это становится объектомъ познанія, все это причисляется къ элементамъ того зданія знанія, которое воздвигается человѣкомъ, вмѣстѣ съ прогрессивнымъ ходомъ его мысли,—все это входитъ, наравнѣ съ другими, воздвигающимися, передъ человѣкомъ, предметами, въ составъ того, что каждый изъ насъ называетъ «міромъ».

[1]) См «Пути къ раціональному міровоззрѣнію» Ч. II. Стр. 212—218.

«Но «само познающее» въ человѣкѣ можетъ ли оно стать объектомъ познанія, можетъ ли оно быть зачислено въ число элементовъ того міра, который составляетъ постоянный предметъ нашихъ изслѣдованій?

«Конечно—нѣтъ. «Познающее» не можетъ противопоставить себѣ «познающее». Оно можетъ, про себя, только сказать: «есмь познающее». Что̀ оно *есть* такое, могло бы сказать только высшее сознаніе.

«Я говорилъ: что начало всему, такъ-называемому матеріальному и не матеріальному, есть *Слово* (сознаніе); что сознаніе есть *условіе бытія*, а стало быть—и условіе самой возможности что-либо говорить о немъ.

«Говорить можно о проявленіяхъ сознанія, то-есть *говорить-судить*, но искать его корень—невозможно.

«Начиная искать *кого-то* или *чего-то* обосновывающаго сознаніе и наблюдая внимательно, нельзя не убѣдиться, что самъ процессъ, что сама процедура, такъ-сказать, разъискиванія является, необходимо, восхожденіемъ мысли по ступенямъ *сознанія*, и что никогда не можетъ выдти такъ, чтобы, выше той или другой ступени, не находилась слѣдующая высшая ступень,—ступень съ которой возможно опять восхожденіе, но никакъ—не достиженіе того, чего ищутъ, то-есть—начала *сознанія*.

---

[1]) См. мою брошюру: «Еще о сознаніи какъ условіи бытія». 1888 г. Стр. 14, 15.

«Кто спрашиваетъ? — Сознаніе.—Что составляетъ вопросъ?—Сознаніе.—Самъ фактъ вопроса, сама процедура его есть—сознаніе. Въ самой процедурѣ сознанія заключается то, что и составляетъ вопросъ. *Вопросъ* сливается съ *вопрошающимъ* и разъединиться они не могутъ. Самъ вопрошающій оказывается тѣмъ, что для него составляетъ вопросъ.

«Вводитъ въ заблужденіе, касательно возможности разъискивать происхожденіе или корень сознанія, то обстоятельство, что претендующій разъискивать, стоящій въ положеніи познающаго *на одной сторонѣ*, разсуждаетъ такъ, какъ будто бы онъ, дѣлаясь, во время разсужденія, двойникомъ, находится или можетъ находиться *на другой сторонѣ*, противостоящей, вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ для него вообще—объектъ познанія, то-есть вмѣстѣ со всѣмъ познаваемымъ.

«Какимъ же образомъ, разсуждающій не разбираетъ того, что, въ такомъ случаѣ, все было бы объектомъ (но—кого же?), что тогда было бы одно лишь познаваемое! Допускать же одно лишь познаваемое безъ познающаго не значитъ ли то же, что признавать—что ничего въ дѣйствительности не существуетъ, потому что, тогда,—кто бы о существующемъ зналъ?

«Познанію нашему доступенъ человѣкъ только лишь въ качествѣ высшаго члена естественнаго ряда живыхъ существъ. Но не можетъ быть доступно познанію человѣка мыслящее и познаю-

щее въ немъ начало,—не можетъ быть доступно какъ нѣчто непосредственное, какъ нѣчто могущее утверждать, про себя, только лишь *фактъ* своего существованія.

«Синтезъ познающаго и познаваемаго конституирующій человѣка какъ нѣчто цѣлое, тѣмъ не менѣе, конечно, существуетъ, но существуетъ только лишь какъ фактъ. Какъ объектъ же познанія, можетъ онъ существовать только лишь для такого сознанія, которое стояло бы выше нашего человѣческаго сознанія; а потому—искать его, въ естественномъ порядкѣ вещей, мы, разумѣется, не можемъ...» [1])

Натуралисты говорятъ, что они не касаются области закрытой для человѣческаго знанія,—говорятъ такъ, а между тѣмъ, весьма часто, вторгаются въ эту область, дѣлаютъ предположенія и ставятъ заключенія, которыя хотя и не могутъ быть приняты серьозно-мыслящими, но смущаютъ недоучившуюся молодежь, и даютъ пищу или опору все болѣе и болѣе распространяющейся газетной литературѣ, для мудрствованія, при случаѣ, по вопросамъ жизни и нравственности. Авторитетъ, который иные натуралисты пріобрѣли работая въ своей области, переносится, читателемъ, и на заключенія, даваемыя ими по вопросамъ относящимся къ другой области, а именно —къ области недоступной человѣческому знанію.

---

[1]) См. мою брошюру «Еще о сознаніи какъ условіи бытія». 1888 г. Стр. 4—7.

Ученый *пытается* дать отвѣтъ, а недоучка, благоговѣющій передъ его авторитетомъ, думаетъ и утверждаетъ, что отвѣтъ уже *данъ*.

Д. Г. Льюисъ, въ своей *Исторіи философіи*, говоря о системѣ Кондильяка, выражается, между прочимъ, такъ: «Идея связи Психологіи съ Біологіей не была еще тогда (средина XVIII вѣка) вполнѣ сознана. Хотя головной мозгъ былъ всѣми признанъ какъ «органъ ума», однако, по странному недосмотру, «умъ» не считался функціей этого органа [1]), вслѣдствіе чего никому не приходило въ голову—соединить изученіе ума съ изученіями нервной системы, никто не думалъ, что физіологическое основаніе необходимо для психологіи».

Мало или совсѣмъ не знакомый съ этимъ вопросомъ человѣкъ, прочтя эти строки, и строки, написанныя такимъ извѣстнымъ ученымъ писателемъ, какъ Льюисъ, — не можетъ ли сначала подумать, а потомъ и утверждать, что то́, что

[1]) Здѣсь Льюисъ оговаривается въ Примѣчаніи: «Я долженъ здѣсь, въ краткихъ словахъ, оговориться на счетъ заключенія, что я считаю умъ «функціею мозга». Здѣсь не мѣсто останавливаться на столь обширномъ вопросѣ; но я скажу только, что я не согласенъ съ грубой формой, въ которой это мнѣніе часто высказывается. Я считаю *идеацію* —одной изъ функцій мозга; но умъ есть нѣчто болѣе общее, чѣмъ эта спеціальная функція идеаціи; у мозга есть другія функціи, кромѣ идеаціи, кромѣ такъ-называемыхъ умственныхъ функцій». См. *Исторія философіи Льюиса, перев. подъ редак. В. Чуйко. 1889. Стр. 573, 574.*

«умъ есть функція мозга», есть научная истина, вполнѣ доказанная и признанная. Подите потомъ говорить ему, что никакой ученый, а стало быть —и физіологъ, не можетъ давать точныхъ заключеній по вопросамъ принадлежащимъ къ области недоступной человѣческому знанію. Прочитавшій Льюиса, и, вмѣстѣ со многими другими, вѣрующій въ непогрѣшимость его разслѣдованій, не станетъ васъ слушать. «Это утверждаетъ Льюисъ», —скажетъ онъ,—«и кончено»...

Вотъ такого-то легкомысленнаго отношенія къ вопросамъ жизни и не желательно было бы видѣть ни въ ученыхъ, ни въ ихъ псевдо-образованныхъ почитателяхъ. Вредъ, причиняемый этимъ умственному и нравственному настроенію общества, очевиденъ.

Ф. Г. Якоби говорилъ: «Когда, въ движеніяхъ небеснаго свода, не видятъ уже ничего другого, кромѣ вѣчнаго механизма, то любуются уже не красотою небесной фаланги, а удивляются генію Коперника, Кеплера, Ньютона, Лапласа, которые, наукой, съумѣли объяснить ея чудеса. Но и это изумленіе, возбуждаемое геніемъ человѣка, прекратится въ тотъ день, когда какой либо философъ захочетъ намъ доказать, что умъ есть также не что иное, какъ механизмъ. Тогда ни наука, ни добродѣтель не будутъ уже болѣе возбуждать ни почитанія, ни удивленія».

Робертъ Майеръ (Robert Mayer) [1]), въ рѣчи своей, обращенной къ натуралистамъ, собравшимся въ Инспрукѣ въ 1869 году, между прочимъ. сказалъ нижеслѣдующее:

«Въ теченіи довольно долгаго времени допускалось вообще, что спинной мозгъ и въ особенности головной мозгъ (le cerveau) содержитъ въ себѣ свободный фосфоръ, и воображеніе приписывало, этому *свободному фосфору*, большую роль въ дѣйствованіяхъ ума. Но новѣйшія, и самыя тщательнѣйшія изслѣдованія, дѣлавшіяся въ области органической химіи, показали что никакой живой организмъ, а слѣдовательно и головной мозгъ не содержатъ въ себѣ живого фосфора [2]). Но хотя подобныя заблужденія и и должны исчезнуть предъ результатами точной науки, тѣмъ не менѣе, однако, установлено, что въ головномъ мозгѣ постоянно производятся ма-

---

[1]) *Robert Mayer*, это — тотъ ученый, которымъ былъ установленъ *законъ сохраненія энергіи*.

[2]) Разумъ даетъ смыслъ представленіямъ, опредѣляетъ какъ ихъ, такъ и ихъ многообразныя отношенія. Поэтому, въ дѣлѣ познанія, *притязаніе* объяснить разумъ или само представляющее, восходя отъ *чего-либо* изъ міра представленій, надо считать совершенно несообразнымъ, или, точнѣе сказать, нелѣпымъ. Опредѣляемое разумомъ или представленіе конечно никакъ не можетъ сдѣлаться источникомъ разъясненія разума; ибо представленіе, какъ нѣчто воздвигаемое только лишь опредѣленіемъ, обязано своимъ существованіемъ не какому либо другому представленію, а самому же разуму.

Примѣч. автора.

теріальныя модификаціи, видоизмѣненія, которыя обозначаютъ выраженіемъ «молекулярныя дѣятельности», и что дѣйствованія ума всякаго индивидуума тѣсно связаны съ упомянутымъ мозговымъ матеріальнымъ дѣйствіемъ.

«Но отождествлять эти двѣ дѣятельности, происходящія или идущія параллельно, было бы грубымъ заблужденіемъ. Слѣдующій примѣръ вполнѣ выяснитъ вопросъ. Мы знаемъ, что никакая телеграфическая депеша не можетъ осуществиться безъ происходящаго совмѣстно съ нею химическаго дѣйствія. Но *то*, *что* говорится въ депешѣ, то есть содержаніе депеши, не можетъ, никакимъ образомъ, быть разсматриваемо какъ функція электро-химическаго дѣйствія. То же самое, и еще съ бо̀льшимъ основаніемъ, слѣдуетъ сказать относительно головного мозга и мысли. Головной мозгъ, это—не самъ умъ, а есть не что иное, какъ—органъ» [1]).

Извѣстный Германскій ученый Г. *Дю Буа-Реймонъ* (Du Bois-Reymond), обращаясь къ германскимъ натуралистамъ, собравшимся въ Лейпцигѣ, представилъ, по занимающему насъ вопросу, слѣдующія соображенія.

Указавъ на тайну скрывающую отъ насъ природу матеріи и силы, онъ сказалъ:

«Въ ту или другую эпоху развитія жизни на земномъ шарѣ, въ эпоху, срока которой мы

[1]) См «La physique moderne», par Ernest Naville, p. p. 49—50.

опредѣлить не можемъ,—да и онъ, въ настоящій моментъ, насъ вовсе не интересуетъ, возникло вдругъ нѣчто новое, нѣчто непостигаемое, какъ непостигаема сущность матеріи и силы. Нить нашего разумѣнія природы, восходящая до нескончаемаго отрицательнаго времени, прерывается, и мы оказываемся, лицомъ къ лицу, съ непереступаемою пропастью.

«Это новое, непонятное явленіе есть—мысль. Я имѣю претензію выказать теперь, и если я не ошибаюсь, выказать точнымъ образомъ, что мысль не можетъ быть объяснена, ея матеріальными условіями, не только при настоящемъ состояніи нашихъ познаній (въ чемъ и всѣ мы согласны), но, въ силу природы вещей, и никогда. Мнѣніе противоположное заключается въ томъ, что нѣтъ основанія отказываться отъ всякой надежды объяснить мысль ея матеріальными условіями, и что проблема эта можетъ быть рѣшена человѣческимъ умомъ когда-нибудь въ будущемъ, благодаря умственнымъ побѣдамъ, которыя человѣку предстоитъ одерживать въ теченіи грядущихъ вѣковъ. Такое мнѣніе есть второе изъ заблужденій, противъ которыхъ я хотѣлъ высказаться въ этой моей рѣчи.

«Въ томъ, что́ я сейчасъ сказалъ, и въ томъ, что́ буду говорить далѣе, я употреблялъ и буду употреблять слово «*мысль*». Прошу замѣтить, что, при употребленіи этого слова, я имѣю въ виду не однѣ только высшія ступени нашей интеллектуальной дѣятельности. Напротивъ, подъ

«мыслью», я разумѣю,—какъ Декартъ,—интеллектуальную дѣятельность во всѣхъ ея модификаціяхъ, и мое предложеніе обнимаетъ ихъ всѣхъ до самой простой или, такъ сказать, до самой нисшей ступени въ лѣстницѣ. Для того, чтобы имѣть примѣръ умственнаго явленія необъяснимаго своими матеріальными условіями, вовсе не необходимо представить себѣ Джемса Уатта (James Watt), придумывавшаго свой параллелограммъ, или Шекспира, Рафаэля, Моцарта—создающихъ самые высокіе образцы своихъ чудныхъ произведеній. Точно такъ, какъ самое энергическое и самое сложное мускульное дѣйствіе человѣка или животнаго не болѣе понятно въ конечномъ анализѣ, чѣмъ простое сокращеніе одного мускульнаго фибра, точно такъ, какъ одна выдѣляющая (sécrétoire) клѣточка заключаетъ въ себѣ тайну всего выдѣленія (sécrétion) вполнѣ,—точно такъ и самая высокая интеллектуальная дѣятельность представляетъ не болѣе трудностей, для объясненія, ея, матеріальными ея условіями, чѣмъ такая же дѣятельность въ первоначальной, зачаточной (rudimentaire) ея формѣ, то-есть—ощущеніе

«Да; тогда, когда, при возникновеніи животной жизни на землѣ, самое простое существо испытало въ первый разъ чувство благосостоянія или неудовольствія,—непереступаемая пропасть, о которой я только-что говорилъ, разверзлась, ...и міръ, съ тѣхъ поръ, сталъ вдвойнѣ непонятнымъ» [1]).

[1]) См. «La physique moderne» par Ernest Naville. 1883. p. p. 258—260.

«Я полагаю,—говоритъ извѣстный физикъ *Джонъ Тиндаль* (John Tyndall), что всѣ сильные мыслители, изучавшіе этотъ вопросъ, готовы допустить гипотезу, состоящую въ томъ: что всякій актъ сознанія,—происходитъ ли онъ въ области чувствъ (сенсовъ), въ области мысли или въ области душевнаго движенія (émotion),—соотвѣтствуетъ нѣкоторому опредѣленному молекулярному состоянію мозга; что это отношеніе физическаго къ сознанію существуетъ неизмѣнно такимъ образомъ, что когда дано состояніе мозга, то изъ него (изъ этого состоянія) возможно было бы выводить мысль или соотвѣтствующее чувство, а когда даны мысль или чувство, то изъ этой мысли или изъ этого чувства возможно было бы выводить состояніе мозга.

«Но какъ, какимъ образомъ дѣлать такое выведеніе? Конечно уже это не есть одинъ изъ случаевъ выведеній логическихъ. Можно сказать развѣ только то́, что это есть случай эмпирической ассоціаціи...

«Еслибы наше пониманіе и наши сенсы настолько были бы усовершенствованы, настолько были бы сильны и настолько были бы просвѣтлены, чтобы дозволять намъ видѣть и чувствовать молекулы мозга, ихъ самихъ; еслибы мы могли слѣдить за всѣми движеніями, за всѣми группировками, за всѣми электрическими разряженіями (если таковыя существуютъ) этихъ молекулъ; если бы мы знали совершенно хорошо молекулярныя

состоянія соотвѣтствующія тому или другому состоянію мысли или чувства,—мы, все-таки, стояли бы столько же далеко, какъ далеко стоимъ и всегда отъ разрѣшенія проблемы. Связь между этими физическими состояніями и фактами сознанія —что̀ она есть такое?.. Бездна, существующая между этими двумя классами явленій, не будетъ ли всегда для ума непереступаемою?... Допустимъ, что чувство «любовь», напримѣръ, соотвѣтствуетъ правому спиральному движенію молекуловъ мозга, а чувство «ненависть»—лѣвому спиральному движенію молекуловъ мозга. Допустивъ это, что̀ знали бы мы тогда? Мы знали бы, что, когда мы *любимъ*, движеніе происходитъ въ такомъ-то направленіи, а когда мы *ненавидимъ*, движеніе происходитъ въ другомъ направленіи; но «почему» (le pourquoi), все-таки, осталось бы безъ отвѣта»[1]).

Знаменитый французскій Академикъ, химикъ *Дюма*, по случаю вступленія въ Академію *Тэна*, (Taine), произнесъ рѣчь. Говоря о высокихъ преградахъ, раздѣлющихъ міръ нравственный отъ міра физическаго, Дюма, между прочимъ, выразилъ, что геній и добродѣтель суть вещи индивидуальныя и таинственныя,—такія вещи, въ сущность которыхъ проникнуть невозможно, и появленіе которыхъ невозможно объяснить идя методами механическими или химическими[2]).

---

[1]) См. книгу «О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ» 1882 г. Стр. 35-37.

[2]) См. «Пути къ раціональному мировоззрѣнію» Часть II, Стр. 241.

Робертъ Майеръ, Дю Буа-Реймонъ, Тиндаль, Дюма, высказанныя ими заключенія, основывали на ученыхъ изслѣдованіяхъ въ тѣхъ отрасляхъ знанія, которыя они разработывали.

По тому же вопросу, о которомъ не мало думалъ, высказался и я въ книгѣ моей: «*О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ*», но высказался ,разсматривая вопросъ просто съ логической точки зрѣнія и вникая прилежно въ смыслъ употребляемыхъ словъ.

Я прочелъ въ одной *Антропологіи* слѣдующія слова: «Медикъ ищетъ въ мозгу способъ выработки мысли и превращенія ея въ дѣятельный актъ».

Указавъ на это, я писалъ:

«Медикъ, разъискивающій въ мозгу способъ выработки мысли, конечно, говоритъ себѣ: «я мыслю, мозгъ, производителемъ мысли», и онъ, медикъ, намѣревается разъискивать, *въ мозгу*, это производящее могущество.

«Между тѣмъ, я полагаю, что онъ никакъ не принялъ-бы такого рѣшенія, еслибы придерживался строго правила «*различать*», и не упустилъ бы изъ вида слѣдующихъ соображеній:

«Человѣкъ можетъ познавать только лишь міръ своихъ человѣческихъ представленій, который есть вовсе не то, что̀ есть міръ представленій *рыбы*, что̀ есть міръ представленій птицы, и т. д.

«*Мозгъ*—это есть одинъ изъ предметовъ міра человѣческихъ представленій, и то̀, что̀ мы, люди,

называемъ «мозгомъ»,—для рыбы, для птицы, для червя представляется вовсе не тѣмъ, *чѣмъ* представляется намъ.

«Говоря «*мозгъ*», я разумѣю *нѣчто* такое, что́ уже получило опредѣленіе и названіе отъ человѣческой мысли, какъ одинъ изъ предметовъ міра человѣческихъ представленій. Это *нѣчто*, всѣ свои опредѣленія,—отъ самаго элементарнаго, поставившаго его (это *нѣчто*), какъ предметъ, до самаго подробнаго, дѣлающаго его объектомъ научнаго разслѣдованія,—получило отъ человѣческой мысли. Мысль, опредѣляя это нѣчто, то-есть ставя его предметомъ въ мірѣ человѣческихъ представленій, назвала и называетъ этотъ предметъ «мозгомъ».

«Мысль, стало быть, относительно своего предмета (мозга), есть *опредѣляющее*; предметъ же этотъ (т.-е. мозгъ), относительно мысли, есть—*опредѣляемое*.

«По какой же, спрашивается, логикѣ можетъ быть признано раціональнымъ производить *опредѣляющее изъ опредѣляемаго?!...*» [1])

Въ книгѣ моей »*Пути къ раціональному міровоззрѣнію*» (Ч. II; Стр.225-228), я писалъ:

«Физіологъ говоритъ:...«представленіе о внѣшнемъ мірѣ есть результатъ психической дѣятельности, происходящей въ полушаріяхъ головного мозга; органъ же чувства доставляетъ только ма-

[1]) См. книгу «О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ»Стр. 37. 38.

теріалъ, переработываемый въ чувственныя представленія».

«Во всякомъ случаѣ,—писалъ я,—это есть предположеніе, составившееся изъ подбора констатированныхъ соотношеній между нашими, такъ-называемыми, душевными состояніями и состояніями полушарій головного мозга.

«По поводу этого предположенія замѣчу нижеслѣдующее:

«Человѣкъ, кромѣ зрительнаго, слухового, осязательнаго, обонятельнаго и вкусового аппаратовъ, имѣетъ еще аппаратъ въ полушаріяхъ головного мозга.

«Ощущенія осязанія передаются мнѣ чрезъ кожу; ощущенія звука — чрезъ уши; ощущенія зрѣнія — чрезъ глаза; ощущенія обонянія— чрезъ носовую полость; ощущенія вкуса — чрезъ полость рта. Всѣ эти ощущенія мыслятся какъ ощущенія своеобразныхъ характеровъ — чрезъ мозгъ.

«Я мыслю чрезъ мозгъ: то̀, что̀ осязаю чрезъ кожу; то̀, что̀ слышу чрезъ уши; то̀, что̀ вижу чрезъ глаза; то̀, что̀ обоняю чрезъ носовую полость; то̀, что̀ вкушаю чрезъ полость рта.

«Осязаетъ кожа, но она не можетъ, сама, сознавать-осязать свое непосредственное чувство или ощущеніе. Слышатъ уши, но они не могутъ, сами, сознавать-слышать свое непосредственное чувство или ощущеніе. Видятъ глаза, но они не могутъ, сами, сознавать-видѣть свое непосредственное чувство или ощущеніе. Обоняетъ носовая полость, но

она не можетъ, сама, сознавать-обонять свое непосредственное чувство или ощущеніе. Вкушаетъ полость рта, но она не можетъ, сама, сознавать-вкушать свое непосредственное чувство или ощущеніе.

«Я (мое-я), чрезъ мозгъ, сознаю всѣ эти ощущенія моими, различаю ихъ, и внутренній, такъ-сказать, вкусъ-характеръ или *суть* каждаго изъ упоминаемыхъ ощущеній чувствую-мыслю непосредственно.

«По этому, я не могу описать другимъ внутренняго вкуса-характера или *сути* каждаго изъ ощущеній, то-есть не могу описать того, *чѣмъ* каждое ощущеніе отзывается во мнѣ. Такъ я не могу, напримѣръ, передать другому *точно* внутренняго такъ-сказать *вкуса-характера* или *сути* боли, болевого моего ощущенія.

«Значитъ,—я, чрезъ мозгъ, ощущаю, то-есть мыслю-ощущаю.

«Но *кто* же, теперь, мыслитъ-ощущаетъ или сознаетъ то̀, что я чрезъ мозгъ мыслю—что ощущаю, что я, чрезъ мозгъ, мыслю-ощущаю?

«Этотъ *кто-то* съ мыслью, эта *мысль* такъ же точно не можетъ сидѣть въ мозгу, какъ мысль-ощущеніе осязанія не можетъ сидѣть въ кожѣ; какъ мысль-ощущеніе слуха не можетъ сидѣтъ въ ушахъ; какъ мысль-ощущеніе зрѣнія не можетъ сидѣть въ глазахъ; какъ мысль-ощущеніе обонянія не можетъ сидѣть въ носовой полости; какъ мысль-ощущеніе вкуса не можетъ сидѣть въ полости рта.

«*Мыслитъ*, что я чрезъ мозгъ мыслю—что ощущаю, мыслю-ощущаю,—*мыслитъ* это—коренное *мое-я* человѣческое (коренное и принадлежащее какъ чувственому міру, такъ и міру *въ себѣ*)... [1])

«Гдѣ, въ человѣкѣ (въ человѣкѣ какъ представленіи) имѣетъ мѣсто это коренное *я*—разбирать мы не можемъ.

«Механизмъ чувственнаго міра и свой собственный чувственный механизмъ можетъ разбирать и воспроизводить желающій и мыслящій субъектъ, но себя, желающаго и мыслящаго, разбирать не можетъ, и свой мыслящій умъ не можетъ сдѣлать предметомъ или объектомъ познанія.

«Еслибы субъектъ мысли могъ сдѣлаться объектомъ познанія, то ему долженъ былъ бы быть противопоставленъ (выше) другой субъектъ. Еслибы этотъ послѣдній, въ свою очередь, могъ бы сдѣлаться тоже объектомъ познанія, то ему долженъ былъ бы быть противопоставленъ (выше) опять новый субъектъ, и т. д. до безконечности.

То, что, выше сего, я далъ своего по вопросу о самопознаніи, помѣщено въ моихъ прежнихъ книгахъ. Здѣсь же считаю умѣстнымъ вставить замѣчаніе (въ сущности по тому же вопросу), —замѣчаніе весьма натурально встающее въ томъ. кто стремился и стремится выставить на видъ

[1]) Александрійскіе философы говорили, что *есть* нѣчто выше мысли, нѣчто выше бытія: это *то, что*, мыслитъ, *что* существуетъ». *Смотр. «Исторія философіи Льюиса, пер. подъ редак. В. Чуйко. 1889; стр. 321.*

истину уже подлинно неопровержимую, а именно —истину того, что *ничего не имѣется первѣе сознанія.*

Нѣкоторые ученые писатели, нынѣ, даютъ *первенство организации* мозга (отвлекая отъ послѣдняго всѣ тѣ внѣшнія чувственныя свойства, которыя видитъ въ немъ глазъ анатома) *предъ сознаніемъ*, и говорятъ, что сознаніе есть продуктъ не матеріи, а организаціи. Это мнѣніе выдается за неопровержимую истину!

Но,—скажите, пожалуйста:—*что* такое есть эта организація мозга (безъ всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ чувственныхъ свойствъ, которыя въ немъ видитъ глазъ анатома), какъ не *концепція* сознанія, какъ не *идея*, составившаяся въ умѣ, при наблюденіи импозирующихся намъ, въ мірѣ человѣческихъ представленій, явленій, и при стараніи разъяснить являющееся?

Какимъ же теперь образомъ организація эта, какъ *концепція* сознанія, какъ *идея* ума, можетъ быть *первѣе* сознанія?! Какимъ образомъ также послѣднее можетъ оказываться продуктомъ организаціи?!

Вводитъ въ заблужденіе, вѣроятно, то обстоятельство, что сознаніе наступаетъ, повидимому, тогда, когда организація мозга предполагается уже сложившеюся. Но обстоятельство это не даетъ права заключать, что сознаніе есть продуктъ организаціи. Человѣкъ въ корнѣ есть—жизнь сознательная. Видимое *начинаніе* сознанія не есть *начало* (principe) сознанія, лежащее въ обоснованіи

человѣческой жизни. Когда зачалась жизнь въ человѣческомъ существѣ, и жизнь, какъ въ таковомъ, сознательная,—знать мы этого не можемъ. Электричество обнаруживаетъ свое цѣлесообразное дѣйствіе, въ какой либо электрической системѣ, уже послѣ того, какъ организація системы сложилась вполнѣ, но изъ этого никто не станетъ заключать, что *организація* системы первѣе электричества.

Словомъ «сознаніе», выражающимъ начало и начинаніе всего, что̀ есть, такъ много злоупотребляютъ, такъ неумѣстно и неправильно имъ пользуются въ литературѣ, что становится неудивительнымъ тотъ фактъ, что многіе не приходятъ къ пониманію его настоящаго значенія.

Выше я говорилъ, что человѣкъ, входя въ состояніе самочувствія, чувствуетъ себя находящимся въ предметной средѣ. Вводятъ его, въ предметную среду, ощущенія или сенсы: зрѣнія, осязанія, слуха, обоняія, вкуса. Предметъ и предметная среда, собственная фигура самочувствующаго, картина (картина—во всякомъ случаѣ, какъ бы мало она ни была широка), представившіеся его взору, дались такъ же непосредственно, какъ дались: звукъ, твердость, мягкость, запахъ, вкусъ.

Но, какимъ, теперь, образомъ ощущеніе становится чѣмъ то внѣшнимъ, ощущенія и идеи—предметами? Или, наоборотъ, какимъ образомъ внѣшнее, внѣшніе предметы становятся ощуще-

ніями и идеями?—Ставить такіе вопросы напрасно. Дать на нихъ положительные отвѣты невозможно человѣку. Всего раціональнѣе, по поводу этихъ вопросовъ, сказать, прежде всего, что сознаніе человѣка есть фактъ, и имѣетъ дѣло съ импозирующимися ему фактами.

Мы воспринимаемъ являющееся намъ, въ земной жизни, сообразно со средствами и возможностями, установленными Богомъ, и воспринимать иначе не можемъ, почему не можемъ также и не мыслить творящій, всеподдерживающій и правящій Умъ—прототипомъ своего ума.

Положеніе это не противорѣчитъ разуму, хотя доказать его (положеніе) осязательнымъ образомъ мы не можемъ. Во всякомъ случаѣ, оно гораздо понятнѣе и правильнѣе гипотезы, состоящей въ томъ, что все устроено безличной, безсознательной, но разумной (!?) властью природы или какой либо силы или способности. Первое положеніе точнымъ, озязательнымъ образомъ, доказать,—повторяю я,—нельзя, но доказывать можно. Второе же положеніе принадлежитъ къ числу такихъ гипотезъ, которыя должны быть отвергаемы безъ разсмотрѣнія. Гипотеза эта—абсурдъ. Всевозможныя опытныя усилія, клонящіяся къ тому, чтобы освободить гипотезу эту отъ послѣдняго ея охарактеризованія, останутся, всеконечно, навсегда тщетными.

Ньютонъ говоритъ:

«Богъ безъ самодержавія, безъ провидѣнія и безъ цѣли въ своихъ произведеніяхъ и дѣлахъ,

былъ бы или судьбою, или природою. Но изъ слѣпой метафизической необходимости, которая, вездѣ и всегда, все одна и та же, никакой различности, никакого разнообразія породиться или произойти бы не могло. Все это разнообразіе вещей, созданныхъ соотвѣтственно мѣстамъ и временамъ (разнообразіе, которое образуетъ, конституируетъ строй и жизнь вселенной), могло быть произведено не иначе, какъ мыслью и волею существа, которое было бы существомъ чрезъ себя, и чрезъ себя же – необходимо».

Никто не станетъ оспаривать того, что физическая форма человѣка, во всѣхъ ея видимыхъ и чувствуемыхъ отправленіяхъ, во всѣхъ движеніяхъ, находится въ неразрывной связи съ его (человѣка) сознаніемъ. Связь эта не можетъ подлежать сомнѣнію. А между тѣмъ, человѣческая форма, со всѣми ея отправленіями, относительно *моего* со знанія, есть *внѣшнее;* принадлежитъ она, какъ и всѣ другіе предметы, къ такъ-называемому внѣшнему, объективному міру.—Не смотря на это, я, однако, не сомнѣваюсь въ томъ. что, въ мірѣ, который стоитъ предъ моимъ умственнымъ взоромъ, я, въ своей физической организаціи или формѣ, есть именно то, *что* знаю себя. Рука моя, съ ея отправленіями, есть дѣйствительно такая, какою я ее знаю. Еслибы это было не такъ, то тогда можно было бы утверждать, что внутренній характеръ-вкусъ всякаго моего ощущенія можетъ быть не тотъ, каковымъ я его ощущаю...Въ такомъ случаѣ, о чемъ же говорить далѣе въ дѣлѣ

познанія міра? Какимъ образомъ, могу я тогда претендовать на познаніе чего либо, на познаніе истиннаго, когда *я въ моихъ ощущеніяхъ* есть не не то, чѣмъ кажусь себѣ?!... Сознаніе, чрезъ которое *я* знаю себя, есть сознаніе человѣка съ опредѣленными познавательными средствами. Инымъ образомъ, чѣмъ я знаю, я не буду знать ни себя, ни того, что̀ есть мой міръ, —міръ человѣческаго сознанія.

Мнѣ отрѣзали, положимъ, палецъ. Пусть я медикъ. Я беру мой отрѣзанный палецъ, и начинаю изучать его устроеніе... Могу ли я усомниться въ томъ, во первыхъ, что онъ принадлежалъ моему организму (я его ощущалъ—связаннымъ съ моимъ организмомъ, имъ дѣйствовалъ), и, во вторыхъ, въ томъ, что онъ, относительно моего сознанія, есть такое же внѣшнее, какъ и стоящее предо мною дерево, и былъ таковымъ внѣшнимъ, относительно моего сознанія, и тогда, когда не былъ еще отдѣленъ отъ моей органической формы? Если я признаю это внѣшнее за то̀, каковымъ я его знаю, то долженъ, конечно, признавать и дерево за то̀, каковымъ я его знаю. Въ дѣлѣ познанія пальца и дерева, я иду одинаковымъ процессомъ и съ одними и тѣми же познавательными средствами.

Въ сознаніи, какъ условіи бытія, имѣется, конечно, прежде всего, чувство жизни. Опредѣляется это чувство чрезъ ощущенія, мысль, волю. Но ощущенія, мысль, воля предполагаютъ уже наступившимъ чувство жизни, а стало быть—и

сознаніе. Ощущенія, мысль, воля становятся агентами сознанія. Чрезъ нихъ я знаю себя съ своими отправленіями и возможностями, чрезъ нихъ я двигаюсь и дѣйствую въ неразрывной связи съ сознаніемъ—какъ чувствомъ жизни. Я испытываю тепло, холодъ, покой, усталость страданіе, боль, удовольствіе, звукъ, запахъ, соленое; я хочу поднять руку, и—поднимаю ее; хочу ходить, и—хожу; хочу закрыть глаза, чтобъ ничего не видѣть, и закрываю ихъ, и ничего не вижу; гляжу и мыслю, и *хочу смотрѣть* и думать.

И все это происходитъ во мнѣ въ связи съ сознаніемъ, какъ условіемъ жизни, какъ чувствомъ ея.—Если я не сомнѣваюсь въ томъ, что всѣ мои ощущенія, движенія, дѣйствія, хотѣнія, мысли,—всѣ, наконецъ, отправленія оживленной сознаніемъ формы суть таковы для меня, въ общей жизни человѣческаго міра, каковыми я ихъ узнаю и знаю, то почему я долженъ сомнѣваться въ томъ, что и прочая, внѣшняя, относительно моей субъективной жизни, среда, что предметы ея —не таковы, въ общей жизни человѣческаго міра, каковыми они мнѣ кажутся или представляются?

Посредниками между моимъ сознаніемъ и всѣмъ, что̀ связано съ моею собственной организаціею, служатъ ощущенія, мысль, воля. Они же служатъ посредниками между моимъ сознаніемъ, и, вотъ хотя бы, напримѣръ, и этимъ деревомъ съ его листьями и вѣтромъ, шевелящимъ ихъ. Вѣдь и рука моя, и волосы мои, относи-

тельно моего сознанія, суть такіе же внѣшніе предметы, какъ дерево, листья, вѣтеръ...

Сознаніе мое чувствуетъ и мыслить себя какъ бы въ родной ему стихіи. Но, однако, не все, въ связанной неразрывно съ моимъ сознаніемъ, моей собственной организаціи, способно познавать оно; не все также можетъ познавать оно во внѣшней, относительно моей организаціи, средѣ.

Я вижу ноготь, волосы; замѣчаю, что они ростутъ. Я вижу также дерево, цвѣтокъ,—замѣчаю, что они ростутъ и цвѣтутъ. Но процесса роста ногтя, волосъ, дерева, цвѣтка, процесса ихъ цвѣтенія и колоризаціи я не ощущаю, и того, что̀ заставляетъ, какъ тѣ, такъ и другіе, рости, цвѣсти и приносить плодъ,—этого я не узнаю никогда. Для познанія удѣлена намъ область обширная, но все-таки ограниченная. Человѣкъ можетъ познавать настолько, насколько этого требуетъ его положеніе. Всезнаніе въ человѣческомъ мірѣ, для человѣка, таковаго, каковымъ онъ уже есть, не составило бы для него блага. Оно тяготило и пугало бы его. Совершенно справедливы слѣдующія слова *Канта*: «Непроницаемая Мудрость, чрезъ которую мы существуемъ, не менѣе достойна удивленія въ томъ въ чемъ она отказала намъ, какъ и въ томъ, что дала намъ въ удѣлъ».

Не все также принадлежащее моему организму повинуется моей волѣ. Многое происходитъ (ростетъ, развивается возстановляется) помимо ея. Я не могу приказать, напримѣръ, ногтю, волосамъ,

не рости. Въ такомъ же отношеніи къ моей волѣ находится и дерево. Я не могу приказать ему не рости, не цвѣсти и не приносить плода. Между моею рукой и моею волей, которой я хочу, чтобы повиновалась рука, долженъ быть посредникъ, и мы ищемъ его въ нашемъ организмѣ. Для того, чтобы дѣйствовать на внѣшній предметъ, на дерево, напримѣръ, въ виду нуждъ моего положенія, я самъ придумываю посредника, хотя разумѣется никогда не придумаю такого совершеннаго посредника, каковой существуетъ между моею волею и движеніями моей руки.

Какая нужда, зависящая отъ моего положенія въ мірѣ, заставляетъ меня не довольствоваться *фактомъ* того, что у меня есть рука, а спрашивать, думая о ней: какимъ образомъ данная матерія (т.-е. напримѣръ, рука) становится ощущеніемъ? какимъ образомъ ощущеніе преобразовывается въ представленіе, въ идею руки? Точно такъ же, никакая нужда не заставляетъ меня задавать такіе же вопросы по поводу «дерева». Не все ли это равно, что спрашивать: «какимъ образомъ мы имѣемъ ощущеніе»? и пытаться опредѣлить его въ его *сути*?

Всего этого мы не узнаемъ никогда; все это непознаваемо, какъ непознаваемъ вообще міръ *въ себѣ*. Да и какимъ образомъ *міръ въ себѣ* можетъ быть познанъ?!... Вмѣсто того, чтобы, тщетно, въ теченіи вѣковъ, искать его или скорбѣть объ его непознаваемости, не правильнѣе ли будетъ признать, что *міръ въ себѣ*, что *вещь въ*

себѣ—суть не что иное какъ элементы Верховной Воли. За представленіемъ нашимъ, за вещью нашею, не имѣется никакой *вещи въ себѣ*. Имѣется за ними просто—Божественная воля...

«Вообще, — говорилъ Беркли (Berkeley), — я склоненъ думать, что бо́льшая часть трудностей, если даже не всѣ, которыя забавляли до сихъ поръ философовъ и преграждали путь къ знанію, созданы ими самими. Мы сами подняли пыль, а потомъ жалуемся, что ничего не можемъ видѣть».

Вотъ, что превосходно высказалъ *Локкъ* (Locke), говоря о направленіи своихъ трудовъ:

«Если въ этомъ изслѣдованіи природы разума я раскрою силы его, какъ велики ихъ размѣры, какіе предметы могутъ быть имъ доступны, и гдѣ онѣ (силы) ничего не могутъ сдѣлать, то полагаю, что это принесетъ ту пользу, что дѣятельный умъ человѣка будетъ осмотрительнѣе вмѣшиваться въ то́, что́ превышаетъ его пониманіе; что онъ остановится, достигнувъ крайнихъ предѣловъ доступнаго ему, и примирится съ полнымъ незнаніемъ того, что́, послѣ изслѣдованія, окажется превышающимъ наши способности. Такъ, быть-можетъ, мы не будемъ, изъ хвастовства нашимъ всемірнымъ знаніемъ, стремиться поднимать вопросы и затруднять, себя и другихъ, такими вещами, для которыхъ нашъ разумъ не пригоденъ, и о которыхъ мы не можемъ составить въ нашемъ умѣ никакихъ ясныхъ и отчетливыхъ представленій, или (какъ это часто случается) о которыхъ у насъ нѣтъ ровно никакихъ понятій.

Люди должны довольствоваться тѣмъ, что́ Богъ счелъ за нужное предоставить имъ,—какъ говоритъ Святой Петръ,—«все потребное для жизни и благочестія»,—все, что́ необходимо для удобства жизни и для познанія добродѣтели; Онъ далъ людямъ возможность открывать все, что способствуетъ счастію въ этой жизни, и избирать путь ведущій къ лучшей жизни. Какъ бы ни далеко было ихъ знаніе отъ всеобъемлющаго или совершеннаго пониманія всего существующаго, но оно обезпечиваетъ имъ ихъ главныя работы, показывая, что у нихъ достаточно свѣта, чтобы идти къ познанію ихъ Творца и къ уразумѣнію собственныхъ обязанностей. Люди всегда могутъ найти довольно дѣла, чтобы занять свои головы и руки разнообразнымъ, пріятнымъ и удовлетворяющимъ ихъ трудомъ, если перестанутъ дерзко спорить съ своею природою и отбрасывать дары, которыми полны ихъ руки,—отбрасывать только потому, что эти руки недостаточно велики, чтобы удержать ихъ.

«*У насъ не будетъ основанія жаловаться на узость нашего ума, если мы употребимъ его на то́, что́ можетъ быть намъ полезно, и на что́ онъ способенъ*; съ нашей стороны было бы непростительнымъ дѣтскимъ капризомъ не цѣнить всѣхъ выгодъ нашего знанія, и не заботиться объ усовершенствованіи его для цѣлей, для которыхъ оно дано намъ, оттого только, что существуютъ вещи находящіяся внѣ его предѣловъ. Нельзя извинить лѣниваго и своенравнаго слугу, кото-

рый не сталъ бы заниматься своимъ дѣломъ при свѣчахъ, и вздумалъ бы отговариваться тѣмъ, что ему нуженъ солнечный свѣтъ. *Свѣча, зажженная въ насъ, свѣтитъ достаточно ярко для всѣхъ нашихъ цѣлей.*

«Зная свою собственную силу, мы будемъ лучше знать, что̀ предпринять съ надеждою на успѣхъ; обозрѣвъ свои умственныя способности и разсчитавъ насколько мы можемъ ждать отъ нихъ, мы не захотимъ спокойно сидѣть на мѣстѣ, не откажемся отъ всякой работы мысли, отчаяваясь въ возможности чего-либо достигнуть, и, съ другой стороны, перестанемъ во всемъ сомнѣваться и отрицать всякое знаніе потому только, что есть что-то непостижимое.—Для моряка очень важно знать длину своего лота, хотя онъ и не можетъ измѣрить имъ глубины всего океана. Для него достаточно знать, что лотъ его достигаетъ дна въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ онъ направляетъ свой путь, и можетъ предостеречь его противъ мелей, и тѣмъ предотвратить его гибель... [1])»

[1]) См. «Исторія философіи» Льюиса, пер подъ редакціею В. Чуйко, стр 497—499.

ГЛАВА III.

Жизнь. Знаніе. Свобода. Необходимость.

Сознательная жизнь, съ момента таинственнаго возникновенія или появленія въ существѣ человѣка, начинаетъ сказываться ощущеніями и образами. Ощущенія и образы эти даются ребенку съ тѣми *характерами-вкусами* такъ-сказать, съ тѣми очертаніями, въ какихъ воспринимаетъ, предметъ и предметную среду, установившееся, уже затѣмъ, сознаніе съ своими, мало-по-малу, развивающимися чувственными и разсудочными средствами.

Мы говоримъ про ту среду, которая заявляется сознанію по мѣрѣ того, какъ человѣкъ начинаетъ дѣйствовать, побуждаемый присущимъ ему стремленіемъ къ самосбереженію и къ самоудовлетворенію.

Вступивъ въ періодъ активнаго состоянія жизни, человѣкъ непосредственно чувствуетъ себя свободнымъ въ мысляхъ, въ намѣреніяхъ и въ рѣ-

шеніяхъ воли на какое бы то ни было дѣйствіе,— чувствуетъ это не ожидая,— ни инстинктивно, ни сознательно,—чтобы разсудокъ повѣстилъ его объ этой свободѣ. Но сознаніе даетъ ему чувствовать. —такъ же непосредственно, какъ—и о свободѣ, —что въ мысляхъ, намѣреніяхъ и рѣшеніяхъ онъ долженъ считаться съ чѣмъ-то невидимымъ, но импозирующимъ, и что, предъ этимъ невидимымъ и импозирующимъ, онъ является лицемъ *обязываемымъ* и *отвѣтственнымъ*. Непосредственное чувство, слѣдовательно, свидѣтельствуя вступающему на жизненное поприще, что онъ свободенъ, указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на то, что онъ обязываемъ, а потому и призванъ ограничивать, свою свободу, самъ [1]).

Начиная дѣйствовать (въ виду самосбереженія и самоудовлетворенія) въ предметной средѣ, являющейся ареною для его дѣятельности,—въ средѣ, въ которой оказывается, предметомъ, и его человѣческій организмъ, человѣкъ замѣчаетъ, что результаты его дѣйствій, равно какъ и самыя дѣйствія въ процессѣ ихъ, не всегда выходятъ таковыми, каковыми субъектъ воли, при отправленіи къ дѣйствію, желалъ получить ихъ. Повторенія того же самаго явленія, при разныхъ рѣшеніяхъ воли, стали научать человѣка тому, что, въ предметной средѣ, онъ далеко не вполнѣ хо-

---

[1]) До сихъ поръ, не открыто такого человѣческаго существа, которое не считало бы себя *отвѣтственнымъ* предъ чѣмъ-то высшимъ. *Примѣч. автора.*

зяинъ; что не все, въ ней, подчиняется его свободной волѣ, и что въ ней, въ средѣ, установлены порядки, съ которыми надо стараться знакомиться, дабы имѣть возможность надѣяться на полученіе желаемыхъ результатовъ.

Затѣмъ опытъ побуждаетъ человѣка отъискивать, въ установленныхъ порядкахъ, постоянные законы, поддерживающіе, въ объективной средѣ, въ мірѣ представленій человѣка, тотъ или другой опредѣленный строй. Не обладая, конечно, всемогуществомъ, умъ человѣка оказывался, однако, способнымъ воспроизводить, въ дѣлѣ познанія, свои представленія съ ихъ законами (которые, для него, суть тоже представленія),—изъ чего онъ и не могъ не признавать Умъ Бога своимъ прототипомъ.

Съ упоминаемыми законами, воля человѣка не могла не считаться при преслѣдованіи достиженія желаемой, въ чувственной средѣ, цѣли. Самъ процессъ опыта убѣдилъ его, что *невозможно обойти* предѣловъ импозированныхъ возможностями познавательныхъ средствъ, данныхъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ и въ опредѣленныхъ характерахъ.

Тогда *необходимость* была признана за законъ предметной или объективной среды земнаго существованія. Но, законъ этотъ сказался только при воспроизведеніи объективной среды въ человѣческомъ сознаніи, внѣ котораго никакая объективная среда съ ея законами не могла бы опредѣлиться. Еслибы объективная среда не оказы-

валась, для насъ, правимою опредѣленными законами, а въ ней царилъ бы случай, то земная дѣятельность человѣка была бы невозможна.

Свобода есть непосредственное чувство; необходимость же есть выводъ опыта, выводъ, признанный послѣднимъ за законъ опытной среды. То, что́ дѣлаетъ возможнымъ опытъ: «сознаніе человѣческое, съ данными, вмѣстѣ съ нимъ, для познанія средствами», не подлежитъ закону необходимости, закону имъ (опытомъ) самимъ выведенному или воспроизведенному. Оно есть свободный даръ Бога. Оказываясь условіемъ всякаго опредѣленнаго бытія въ томъ, что́ мы называемъ «нашимъ міромъ», но будучи, само для себя, бытіемъ неопредѣленнымъ, оно свидѣтельствуетъ, этимъ, о сознаніи высшемъ, какъ условіи *опредѣленія* не только его (человѣческаго сознанія) бытія, но и бытія рѣшительно всего въ вѣчномъ теченіи жизни.

Абсолютное, Божіе сознаніе, Слово, вотъ *начало* (не начинаніе, а производящая Причина) всякаго бытія, и такого, какое мы можемъ себѣ представить, и такого, какого не въ состояніи сообразить.—Это не мое мнѣніе, а *фактъ*. Наше сознаніе есть, *на фактѣ*, условіе всякаго опредѣленнаго бытія въ чувственномъ мірѣ. Будучи условіемъ всякаго бытія, оно (сознаніе), конечно, и само есть *бытіе*, но бытіе, однако, для насъ, *неопредѣленное*. Существуетъ оно какъ *фактъ*. Для того же, чтобы быть *бытіемъ опредѣленнымъ*, необходимо другое высшее сознаніе, которое *опре-*

дѣляло бы его. Если, теперь, бытіе нашего сознанія есть *фактъ*, то какимъ образомъ не будетъ *фактомъ* существованіе самого условія его опредѣленнаго бытія, существованіе Того, кто опредѣляетъ бытіе нашего сознанія, опредѣляетъ все?!

Мы ничего не знаемъ о жизни непосредственной, о непосредственной жизни самоопредѣляющагося сознанія Божія; несомнѣнно только то́, что она существуетъ и есть *Первое*, первый *фактъ*.

Въ чувственной же жизни нашей мы все воспринимаемъ чрезъ опытъ. Но, однако, никакой опытъ не откроетъ намъ—*какимъ образомъ* и *когда* мы получаемъ сознаніе, и, съ сознаніемъ: чувство своей *обособленности*, чувство *свободы* и вмѣстѣ *обязываемости*, непосредственныя ощущенія и образы объективной среды (представленія). Вся наша чувственная жизнь есть непрерывный опытъ, производящійся на *канвѣ* такъ-сказать *необходимости*; но свобода, дарованная нашимъ мыслямъ, существующая въ *размышленіи*, уноситъ насъ далеко за предѣлы опыта въ стремленіи къ чему-то полнѣйшему, полнѣе удовлетворяющему, и уноситъ неустранимо. Съ этимъ фактомъ надо тоже считаться при заключеніяхъ, дѣлаемыхъ отъ имени науки, касательно вопросовъ жизни.

Мы познаемъ нашу чувственную жизнь, нашу жизнедѣятельность, въ предѣлахъ максимума и минимума нашихъ ощущеній,—въ предѣлахъ возможностей, предоставляемыхъ намъ человѣческими познавательными средствами. Всѣ чувства, акты

и даже непосредственныя *данныя* ощущеній (напримѣръ: картина, холодно, стукъ, горько, ароматно, больно, душно, и т. д,) мы, такъ или этакъ, получаемъ въ нашемъ сознаніи; но, мы никогда не узнаемъ: *какъ*, *когда* и *для чего* сознаніе входитъ въ форму; *какъ*, *когда* и *куда* оно изъ этой формы выходитъ». Никакое ощущеніе или чувство, никакая опредѣленная мысль не повѣщаютъ насъ объ этомъ. Какъ вступленіе въ форму (то, что̀ мы считаемъ возникновеніемъ жизни), такъ и выхожденіе (то, что̀ мы называемъ концомъ жизни, смертью),—все это для насъ—непроницаемая тайна. Одно для насъ несомнѣнно, а именно то̀, что, при выходѣ изъ формы, жизнь стоитъ далеко не съ одними тѣми элементами, съ какими входила въ форму. Вступая, въ форму, съ смутнымъ сознаніемъ ощущеній и образовъ, затѣми обособляясь, мало-по-малу, сознаніемъ объективной среды, чувствами своей свободы и обязываемости, непосредственная жизнь, въ моментъ выхода изъ формы, стоитъ, въ экономіи вселенной, съ болѣе или менѣе развившимся сознаніемъ вообще, и, при нормальномъ ходѣ земной жизни, непремѣнно съ сознаніемъ своей отвѣтственности, – съ такимъ сознаніемъ, которое обусловливаетъ особую, отдѣльную нравственную личность...

Ладья, съ находящимся въ ней кормчимъ, предназначенная для движенія въ опредѣленной стихіи, представляетъ, на первый взглядъ, вмѣстѣ съ пра-

вящимъ ею кормчимъ, нѣчто единое цѣлое, движущееся въ этой стихіи. И вотъ, ладья разламывается отъ ветхости или разбивается о подводные камни. Кормчій выброшенъ за бортъ... выброшенъ въ пучину міровой жизни. Одушевляющая его сила остается; жизнь, просто какъ жизнь, остается, потому что, въ міровой жизни, нѣтъ мѣста для абсолютной смерти: все, въ ней, жизнь.—Но, освободившаяся изъ формы жизнь, разойдется-ли безслѣдно, не сознательно для жившаго въ формѣ, въ міровой жизни, или сохранитъ свою обособленность, пріобрѣтенную пребываніемъ въ формѣ? Еслибы эта обособленность не сохранилась, то къ чему тогда опредѣлено было бы кормчему странствовать въ ладьѣ, и въ странствованіи этомъ стремиться все къ лучшему и лучшему?...

Но непроницаемая для насъ тайна возникновенія жизни въ формѣ (вступленіе въ форму) и выхожденія изъ формы не можетъ оставаться *абсолютною тайной* въ жизни вселенной, которая не можетъ быть совокупностью опредѣленнаго съ абсолютно неопредѣленнымъ, извѣстнаго съ абсолютно неизвѣстнымъ. А потому и тайна эта тоже свидѣтельствуетъ намъ неотразимо о Сознаніи высшемъ, абсолютномъ,—о Словѣ, для котораго нѣтъ тайны, и все-опредѣленно.

* *
*

Въ ученомъ мірѣ нашего времени,—какъ я замѣчалъ выше,—если и не прямо отрицаютъ Бога, то обходятъ Его въ заключеніяхъ касающихся міровой жизни, или, просто, намѣренно Его игнорируютъ.

Я обращаюсь теперь къ кому либо изъ подобныхъ мыслителей съ вопросомъ:

«Вы, устраняющій или игнорирующій, въ своихъ заключеніяхъ о міровой жизни, Бога, можете ли вы, затѣмъ, представить себѣ *что-либо* (напримѣръ: начало происхожденія, причину, строй, порядокъ, законъ, вещь), о чемъ никто и никогда бы не зналъ, никто и никогда бы не узналъ, — можете ли вы представить себѣ, въ полнотѣ вселенской жизни, *что-либо абсолютно* неизвѣстное?»

Вы, вѣроятно, отвѣтите: «Я не могу представить себѣ такого неизвѣстнаго въ конкретномъ выраженіи или видѣ, но все-таки скажу, что оно *есть*.

Вы скажите это; но, разбирая поглубже вашъ отвѣтъ, вы, однако, должны будете согласиться, что, употребивъ слово «есть», которымъ вы утверждаете *бытіе* этого «*что-либо*», вы, вмѣстѣ съ тѣмъ, утверждаете и *знаніе* объ этомъ бытіи, потому что «есть» означаетъ отношеніе *бытія* къ *знанію*

Быть, для нашего земного человѣческаго знанія, неизвѣстнымъ — это *что-либо* можетъ; но «быть» *абсолютно* неизвѣстнымъ, конечно, не можетъ, потому что «быть» значитъ находиться

въ какомъ либо сознаніи, или, что̀ то же, состоять въ томъ или другомъ отношеніи къ какому либо сознанію или знанію.—Но знаніе неизвѣстнаго не можетъ быть вашимъ земнымъ человѣческимъ знаніемъ. Слѣдовательно: существуетъ знаніе другое, Знаніе высшее, и существуетъ какъ неотразимый фактъ.—Сказать: «*быть*» *абсолютно неизвѣстнымъ*», значитъ—говорить совершенную безсмыслицу.

Все это трудно понять человѣку, не занимающемуся общими вопросами; но, ученымъ людямъ, провозглашающимъ о томъ, что они любятъ истину, нельзя не совѣтовать настоятельно: *вникнуть, поглубже, въ смыслъ или значеніе выраженія «быть»*.

«*Есмь*», «*есть*», «*было*», «*будетъ*» и «*быть*»... безъ этихъ выраженій не можетъ составиться никакая мысль, никакое понятіе, никакое опредѣленіе,—не могутъ быть формулированы никакіе: дѣйствіе, дѣло, порядокъ, законъ. Слово «быть», оно *одно*, есть слово не выражающее ни мысли, ни дѣйствія, ни представленія, ни понятія, ни чувства, ни ощущенія, ни плода, такъ-сказать, опыта, рефлексіи или отвлеченія. *Есмь, есть, было, будетъ, быть,* это—проявленія непосредственной, вѣчной, всеопредѣляющей жизни, или,—что̀ то же, Творческаго Знанія, Слова,—проявленія выражающіяся, въ человѣкѣ, самосознаніемъ, констатированіями и опредѣленіями въ ходѣ познанія имъ (человѣкомъ) той среды, которая раскрывается для его дѣятельности,—въ ходѣ познанія, предѣлы кото-

раго находятся въ зависимости отъ данныхъ ему, человѣку, чувствъ и возможностей.

* *
*

Мы оказываемся, при вступленіи въ нашу жизнь, уже съ намѣченными, прорѣзанными, такъ-сказать, въ сознаніи, чувствами *свободы* и *обязываемости* [1]). Мы *естественно* должны дѣлать нѣчто, къ чему-то стремиться, дѣйствовать въ общеніи съ другими подобными намъ дѣятелями. Дѣйствовать же мы можемъ только въ средѣ правимой неизмѣнными законами, въ средѣ необходимости; —иначе, при данныхъ намъ для дѣйствованія возможностяхъ, дѣйствовать, съ опредѣленными цѣлями на земномъ поприщѣ, мы бы не могли.

Мы имѣемъ чувство *свободы*, но не знаніе жизни вполнѣ свободной, не пониманіе объективно и безусловно властвующей свободы. Это, —жизнь Бога, ставящая въ опредѣленныя условія, но сама безусловная: опредѣляющее, производящее, творческое Слово.

Жизнь вошла въ форму, изъ царства свободы, для жизни, опредѣляемой Словомъ, для жизни въ мірѣ необходимости. Вошла она (жизнь) въ

---

[1]) Человѣку обязанность импозируется *естественно*. Это-то и составляетъ особливое, исключительное его достоинство, и есть та печать, которой отмѣченъ онъ, а не кто другой на землѣ. Отсюда можно по праву заключать, вмѣстѣ съ Кантомъ, къ нашей нравственной свободѣ; ибо тотъ, кто *естественно* обязываемъ, долженъ быть, поэтому, и *естественно* свободенъ. *Примѣч. автора.*

форму съ чувствами свободы и обязываемости, значитъ—съ импозированіемъ ей нѣкоторой миссіи. Она (жизнь) должна дѣйствовать, и дѣйствованія ея не могутъ не оказываться борьбою свободы съ необходимостью. Еслибы борьбы не было, то какимъ образомъ могла бы быть понимаема нами, жизнь, какъ нѣчто опредѣленное? Дѣятельность вполнѣ свободная, ничѣмъ неограничиваемая, не встрѣчающая никакихъ препятствій, это—жизнь Бога, какъ мы уже сказали выше сего. Съ другой стороны, дѣятельность, при отсутствіи въ самомъ дѣятелѣ (приводителѣ въ движеніе) всякаго элемента свободы, можетъ ли считаться тѣмъ, что̀ мы привыкли называть «*жизнью*»?

Такая дѣятельность, скорѣе, походила бы на дѣятельность башенныхъ часовъ, изъ среды которыхъ, въ опредѣленные сроки, выскакиваютъ какія-то фигуры, выдѣлывающія какія-то опредѣленныя движенія и, въ опредѣленные моменты, исчезающія въ средѣ, а затѣмъ, въ опредѣленный срокъ, снова, такимъ же образомъ появляющіяся и исчезающія. Еслибы жизнь опредѣлялась только необходимостью, то существовала бы не жизнь, а былъ бы лишь одинъ механизмъ [1]).

[1]) Человѣкъ придумываетъ и изобрѣтаетъ разныя механическія системы: скачущія, поющія, говорящія,—и вотъ имѣются писатели, настроенные такъ, чтобы объснять жизнь на подобіе движеній изобрѣтаемыхъ аппаратовъ.—Нисходить, въ рядѣ заключеній, отъ жизни къ механизму—можно; но восходить отъ механизма къ жизни—нелѣпо. *Примѣч. автора.*

Вошла жизнь въ форму изъ міра свободы; выходитъ, изъ формы, далеко не тою, какою вошла. Выходитъ—куда? Не знаю; но выходитъ она, во всякомъ случаѣ, жизнью.

Но, выходя, сохраняетъ ли жизнь ту обособленность, которую выработала за время пребыванія въ формѣ, сохраняетъ-ли ту личность, каковою она сознаетъ себя? Это-то, именно, всего болѣе и всего мучительнѣе интересуетъ насъ...

Жизнь вошла въ форму *сознаніемъ* съ его непосредственными элементами, и не имѣется никакого положительнаго основанія предполагать, чтобы она вышла изъ формы не съ тѣми, по крайней мѣрѣ, элементами, съ какими вошла. Тѣло разрушено;—почему же, вмѣстѣ съ этимъ, должна быть уничтожена сознательная жизнь? Вѣдь вошла она, въ тѣло, не по его приглашенію, а по волѣ Верховнаго Разума... [1])

Я признаю Бога, признаю верховный Разумъ, верховную Волю, творческое и нравственное Начало, Слово, Любовь безкорыстную, несамоогладывающуюся, таковую, каковую мы видимъ во Христѣ.

---

[1]) «Безумцы!»—восклицаетъ Эмпедоклъ.—«Кто думалъ, что то̀ можетъ возникнуть, чего прежде не было, или что то̀, что̀ было, можетъ погибнуть и совершенно разрушиться,

«Другую истину я теперь возвѣщаю: Нѣтъ естественнаго рожденія чего либо смертнаго, ни конечнаго разрушенія смертью; нѣтъ ничего, кромѣ *смѣшенія и раздѣленія смѣшаннаго*, а это называется рожденіемъ и смертью невѣжественными людьми.» *См.* «*Исторію Философіи*»—*Льюиса пер. подъ редакціей В. Чуйко. Стр.* 112, 113.

Верховный Разумъ предполагаетъ и дѣйствованія цѣлесообразныя Жизнь была введена въ форму съ опредѣленною цѣлью, и цѣль эту никакъ нельзя представить себѣ подобною цѣли мастера механизма башенныхъ часовъ. Этотъ послѣдній придумалъ и построилъ машину, при ходѣ которой, въ опредѣленные сроки, изъ внутренней среды механизма, механическимъ же образомъ, выскакиваютъ фигурки, которыя попляшутъ, помахаютъ руками, прокричатъ что-то, и, затѣмъ, скроются. Появляются ли онѣ, или не появляются—это безразлично. Машина не прерываетъ своего хода, и, какъ съ появленіемъ ихъ въ сроки, такъ и безъ появленія, все равно, исполняетъ свое назначеніе.

Подобной цѣли и подобнаго отношенія къ живымъ фигурамъ, мы не можемъ допустить въ Верховномъ Разумѣ, который, прежде всего, есть Любовь.

Жизнь наша, вообще, состоитъ въ борьбѣ противоположностей. Характеръ этой жизни,—повторяю я,—это—борьба свободы съ необходимостью, Въ виду чего идетъ борьба? Никто не станетъ спорить, что ведется она въ виду стремленія все къ лучшему и лучшему, въ виду достиженія блага. Можетъ ли человѣкъ, на земномъ поприщѣ, достигнуть блага совершеннаго? Можетъ ли его достигнуть, на землѣ, даже и тотъ, который оказался бы если и не совершеннымъ побѣдителемъ, то все-таки побѣдившимъ въ борьбѣ? Нѣтъ, не можетъ. Если же теперь, съ выходомъ жизни изъ формы, она теряетъ выработанную борьбою

обособленность, индивидуальность, то, тогда, для чего вложено было, въ жизнь, стремленіе, изъ чего велась борьба, къ чему послужила побѣда?

Имѣя въ виду то́, что человѣкъ *естественно* есть существо не только свободное, но и *обязываемое* вмѣстѣ, и не сомнѣваясь въ томъ, что все идетъ открыто предъ взоромъ верховнаго Разума, и что стремленіе обусловливается цѣлью намѣченною, верховною Волею, въ глубинѣ человѣческаго сердца,—я не могу допустить, чтобы разрушеніе формы влекло за собою и разрушеніе стремящагося, и лишало бы его возможности, съ большей или меньшей степенью успѣха, выполнять миссію [1]), къ которой онъ предназначенъ самымъ уже дарованіемъ ему сознательной жизни и свободы.

Но имѣются и побѣжденные въ борьбѣ, и ихъ не мало?... Я не знаю, конечно, что́ отвѣтить; но,—признаюсь,—все-таки не могу не представлять себѣ добраго отца, который, видя, что назначенная имъ для сына карьера не удалась послѣднему, вдвигаетъ его въ другую карьеру; предоставляетъ ему третью, и т. д...

А дѣти,—такія дѣти, жизнь которыхъ покидаетъ форму тогда еще, когда носителя жизни надо считать вполнѣ безотвѣтственнымъ?... Жизнь дѣтей, научая насъ многому, ничего не теряетъ и покидая форму, и, конечно, имѣетъ подобающее

---

[1]) Миссію эту я чувствую какъ дѣятельное стремленіе къ совершенствованію самого себя. *Примѣч автора.*

значеніе въ Жизни Бога, которая,—повторяю я,—прежде всего, есть Любовь...

Тутъ встаетъ вопросъ. Къ чему, Тому, кто ни въ чемъ не нуждается, кому ничего не надо, къ чему Ему—нравственно-свободные индивидуумы и стремленіе ихъ къ достиженію намѣченныхъ цѣлей?—Спрашивать объ этомъ напрасно и неразумно. Это все равно, что спрашивать о причинѣ побуждающей верховную Волю къ дѣйствованію, все равно, что искать причины для того, кто есть Причина безъ причины: абсолютно безкорыстная, не самооглядывающаяся, объективная, такъ-сказать, любовь. Такая любовь безпричинна На любовь нѣтъ закона; теоріи любви неимѣется. Она, по самому внутреннему смыслу своему, есть *практика*. Подумайте. На землѣ неимѣется любви, которая была бы безкорыстнѣе любви матери. Не получивъ часто отъ дѣтей ничего кромѣ усталостей и страданій, забываемая, неоцѣниваемая ими, пренебрегаемая, отвергнутая иногда, она, не обращая никогда заботливаго вниманія на самое себя, все-таки продолжаетъ любить ихъ. Почему любитъ она? Любитъ просто потому, что *любитъ*...

Разныя прискорбныя случайности, разныя противорѣчія, повергающія насъ часто въ отчаяніе, и которымъ мы не можемъ дать, въ теченіи нашей земной жизни, никакого успокоивающаго объясненія въ естественномъ порядкѣ вещей, уже самою этою невозможностью открыть ихъ смыслъ здѣсь, самымъ сознаніемъ нашего безсилія свидѣ-

тельствуютъ о существованіи другой жизни, гдѣ, на вопросы наши, по Волѣ Бога, мы можемъ получить отвѣты. *Абсолютно необъяснимаго въ жизни вселенной быть не можетъ*,—о чемъ я уже говорилъ въ этой главѣ.

Про все то, что̀ написано выше въ этой главѣ (кромѣ развѣ констатированія мною факта неоспоримаго, а именно того, что необходимость есть не законъ вселенной, а законъ лишь нашего земного существованія), могутъ сказать, что все это не болѣе, какъ личныя мнѣнія религіознаго человѣка, которыя могутъ раздѣляться только людьми подобно мнѣ религіозными, и что, съ моими мнѣніями, могу я обращаться только къ такимъ лицамъ. Пусть-такъ.

Но я все-таки попробую обратиться, теперь, не къ однимъ этимъ лицамъ, а къ ученымъ писателямъ и къ тѣмъ изъ нихъ именно, которые считаютъ себя какъ-бы вынужденными, успѣхами точнаго знанія, не признавать существованія Бога, Божьяго Сознанія, Слова, или Его игнорировать.

«Одни изъ васъ,—говорю я имъ,—изучаютъ проявленія такъ-называемаго физическаго міра; другіе, спеціально,—проявленія жизни. Проявленія предполагаютъ *нѣчто*, что̀ проявляется. Вы изучаете, напримѣръ, проявленія электричества,—значитъ вы предполагаете самосостоятельное существованіе электричества; вы изучаете проявленія

жизни,—значитъ вы предполагаете самосостоятельное существованіе жизни [1]).

Разрушьте электрическую баттарею, телеграфную систему, телеграфный аппаратъ, и, по разрушеніи, вы никакъ не скажете, что разрушили электричество. Разрушьте тѣло человѣка, и... вы никакъ не должны сказать, что разрушили жизнь. Въ общей экономіи вселенной ничего не пропадаетъ Электричество остается; жизнь остается.

— Пусть такъ,—отвѣтите вы.—Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что *жизнь человѣка* остается, что остается жизнь личности послѣ разрушенія тѣла. Остается просто жизнь: сила, движеніе, энергія..., мы не знаемъ—*что*. Остается просто жизнь, которая сольется съ міровою жизнью.

«Но «міровая жизнь», въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы о ней говорите, то-есть въ смыслѣ *жизни безъ сознанія* и даже безъ формы,—что это такое, какъ не пустое лишь слово? Въ строгомъ смыслѣ, жизни не имѣется безъ сознанія...»

— Какъ—не имѣется!?—скажите вы, и укажите на находящееся предъ нами растеніе и на ползущаго, по его вѣтвямъ, червяка...

Напоминая здѣсь о томъ, что разсужденія наши суть разсужденія *человѣка*, а не какого либо другого интеллигентнаго существа, и что касаются они міра представленій *человѣческихъ*, я отвѣчаю:

---

[1]) «Жизнь», далеко отъ того, чтобы быть качествомъ вещей, есть, напротивъ, то, что опредѣляетъ свойство, натуру вещей *Ф Г. Якоби.*

Представленія наши даютъ намъ, объектами для познанія, состоянія неорганическія, растительныя и животныя, включая и состояніе человѣка, на сколько онъ есть физическое существо. Эти состоянія даются намъ въ явленіяхъ, которыя мы не можемъ мыслить—не предопредѣленными неизбѣжными и постоянными законами. Они (состоянія эти) суть, стало быть, для насъ, состоянія не свободныя.—И вотъ, по этому-то именно, *я*, въ качествѣ лица, чувствующаго свою свободу и наблюдающаго со стороны, состоянія или существованія эти, по сравненію съ сознаваемымъ мною состояніемъ *моей* жизни, считаю не жизнью, а *автоматизмомъ*.

О томъ же, имѣютъ ли животныя вообще ощущеніе или, лучше, откликъ своего существованія, какъ существованія только, я не могу сказать ничего опредѣленнаго. Непосредственное чувство жизни можетъ сказываться только своему носителю. О чувствѣ жизни другого человѣка я могу говорить, потому что вижу въ немъ существо совершенно подобное мнѣ, и потому, что онъ самъ можетъ мнѣ разсказать о себѣ. Растенія же и животныя и не подобны мнѣ, и не могутъ никакимъ образомъ передать мнѣ что-либо о своей внутренней жизни. И тѣ, и другія суть мои представленія. Наблюдая, дающіяся мнѣ послѣдними, проявленія жизни животныхъ и растеній, я истолковываю, внутренній смыслъ этихъ проявленій, по аналогіи съ чувствами жизни своими, съ чувствами жизни человѣка, съ мане-

рами его жизнепроявленій и жизнедѣятельности. Такъ идетъ дѣло въ мірѣ человѣческаго сознанія.

Но, съ абсолютнымъ исчезновеніемъ человѣческаго сознанія (еслибы таковое исчезновеніе послѣдовало), должны были бы исчезнуть и всѣ представленія человѣка на землѣ. Осталась бы одна лишь непосредственная жизнь, но осталась бы, конечно, при какомъ либо носителѣ для насъ неизвѣстномъ, и о которомъ мы, разумѣется, ничего не можемъ сказать. Наши же черви, пауки, муравьи, птицы, рыбы, четвероногія,—всѣ они, *таковые*, *каковыми* намъ представляются, должны были бы сойдти, со сцены міровой жизни, вмѣстѣ съ нами [1]).

Еслибы я только чувствовалъ, ощущалъ и дѣйствовалъ не опредѣляя *самъ* своихъ чувствъ, своихъ ощущеній, своихъ дѣйствій, и *не зная* о нихъ, то это состояніе, со всею его дѣятельностью, было бы состояніемъ автоматизма, а—не жизнью.

По разрушеніи электрической баттареи, вы можете сказать, что освободившееся электричество разсѣялось, разлилось (что-ли) въ той или другой области «мірового пространства» (опредѣлите, однако, прежде, что́ такое есть—«мировое пространство»), что оно (электричество) займетъ то или другое положеніе, въ механическомъ движеніи міра. Но, по разрушеніи тѣла,—повторяю я,—что́ вы можете сказать объ освободив-

---

[1]) См. *Примѣчаніе* въ концѣ этой III главы

шейся, изъ него или отъ него, жизни? Вы говорите, что жизнь, точно такъ, какъ и электричество, не пропадетъ въ общей экономіи вселенной, что она будетъ существовать, что она останется, но останется не тою сознательною живою личностью, какою проявлялась на земномъ поприщѣ, а *просто* жизнью.

Но что̀ такое есть это «просто жизнь»? Какъ вы опредѣлите ее? Не трудно сказать: «просто жизнь», но понять такую міровую жизнь невозможно.

Можете ли вы ее представить себѣ: а) Какъ *ничто*, въ пониманіи вашемъ, подобное электричеству? Конечно—нѣтъ. Вѣдь электричество, безъ тѣхъ явленій, которыя оно производитъ на чувствующее существо, будетъ не чѣмъ инымъ, какъ только лишь движеніемъ. Движеніе же безъ движущагося, это—одно лишь пустое слово. б) Какъ «чувство» или «самочувствіе»? Но тогда надо предположить «чувствующее». в) Какъ «мышленіе» или «мысль»? Но тогда надо предположить или допустить «мыслящее» и «мыслимое», то-есть содержаніе мысли. д) Какъ *просто* то̀, что̀ мы привыкли называть «существованіемъ»? Да́: мы привыкли говорить: «существуетъ», «существованіе», но не вникали во внутренній смыслъ этого понятія. Существованіе, это, въ концѣконцовъ, *наличность* существа. наличность существъ. Наличностью же какихъ существъ будетъ ваша «жизнь»,—жизнь безъ сознанія и безъ сознающаго?

Что́ бы вы ни отвѣчали, вамъ неизбѣжно придется, при отсутствіи человѣческаго сознанія въ этой *міровой* жизни, признать (и признать отъ имени незаблуждающейся науки) вѣчное присутствіе Божественнаго Сознанія (Знанія), Слова, присутствіе Бога, котораго понять нельзя, но безъ котораго обойтись мы не можемъ ни въ практической жизни, ни въ представленіяхъ себѣ «жизни» какъ общаго понятія.

Съ признаніемъ же вѣчнаго присутствія, въ міровой жизни, Божественнаго Сознанія, Бога, мы пріобрѣтаемъ разумное основаніе надѣяться на то́, что жизнь, выходя изъ формы человѣка, въ которой совершила свое земное призваніе, сохранитъ выработанную ею, въ этой формѣ, обособленность или личность.

«Жизнь», это—наличность свободнодѣятельнаго сознанія или знанія, неимѣющая ни начала, ни перерыва, ни конца.

Все есть «жизнь», или — принадлежность «жизни».

Но ничего не жило бы безъ сознанія того—что живется, или знанія объ этомъ.

Можете ли вы представить себѣ «бытіе», о которомъ никто бы не зналъ и никто никогда бы не узналъ? [1])

[1]) Въ мірѣ человѣческомъ, всякое бытіе необходимо должно имѣть, оборотною стороною своею, *знаніе* объ этомъ

Можете ли вы представить себѣ міръ,—таковой, каковымъ вы его построиваете,—существующимъ *абсолютно безъ всякаго знанія* о его существованіи?

Нѣтъ,—не можете.

бытіи,—иначе—какимъ образомъ что-либо могло бы быть для насъ «бытіемъ»?

Монтень (Montaigne) сказалъ, что «бытіе» невозможно опредѣлить, потому что, для того, чтобы его объяснить себѣ, надо пользоваться самимъ же «бытіемъ», говоря «это *есть* то, или другое». (Qui sait même ce que c'est qu'un être, puisqu'il est impossible de le définir, qu'il n'y a rien de plus générale, et qu'il faudrait, pour l'expliquer, se servir de l'Être même, en disant: c'*est* telle ou telle chose) *). Въ сущности, это все равно, что говорить нижеслѣдующее: «Для того, чтобы *было то или другое*, для того, чтобы *быть тѣмъ или этимъ*, надо уже «быть».

Это послѣднее «*быть*» и выражаетъ неизбѣжное и вѣчное пребываніе непосредственной жизни, непосредственнаго существованія. Надо «*быть*» *тому*, безъ чего не было бы ничего опредѣленнаго, ни чувства, ни представленія, ни мысли,—*тому*, къ чему или къ кому относится всякое чувство, всякое представленіе жизни, всякая мысль, надо быть—непосредственной жизни сознанія.

«Есть» означаетъ уже само собою отношеніе чего-либо къ сознанію или знанію. Чувство—мысль—слово «*есть*» (безъ добавленія нашихъ опредѣленій: «такъ» или «такъ»; «то» или «другое»; «красное» или «твердое»), это фактъ существованія какъ существованія *въ себѣ*,—фактъ того, что́ не порождено, не измѣняется и не преходитъ,—фактъ жизни непосредственной и вѣчной,—фактъ *животворящаго* Сознанія, вызывающаго всякое сознаніе и бытіе.

---

*) Кто знаетъ даже что́ такое и само «бытіе»,—такъ какъ невозможно его опредѣлить и не имѣется понятія болѣе его общаго, и такъ какъ для того, чтобы его объяснить себѣ, надо пользоваться самимъ же бытіемъ, говоря это «*есть*» то или другое. *Переводъ словъ Монтеня*...

Только *знаніе* можетъ дать ему существованіе, можетъ дать ему жизнь.

Такъ какъ только лишь *знаніе дастъ жизнь, дастъ бытіе*, то оно, *знаніе, и есть—жизнь.*

Признавая сказанное предъ симъ за истинное, я не могу, затѣмъ, не мыслить слѣдующимъ образомъ.

Въ существѣ человѣка, опредѣляющее могущество сознанія заключено въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Опредѣляющее могущество Божіяго сознанія безгранично и безусловно.

Знаніе наше отправляется, такъ-сказать, съ точки зрѣнія *возможностей* человѣка.

Знаніе Божіе свободно отъ всякаго закона.

Мысль наша, идя къ знанію, гадаетъ, колеблется, ищетъ.

Мысль Божія знаетъ прямо.

Носителемъ жизни, носителемъ знанія въ импозированномъ ей земномъ поприщѣ, есть, конечно, человѣкъ, и только онъ одинъ.

Бытіе вселенной, ея опредѣленное бытіе, предполагаетъ также знаніе этого бытія вселенной. Знаніе же предполагаетъ знающаго, и таковымъ знающимъ можетъ быть только Богъ, Творецъ вселенной [1]).

---

[1]) Нашими познавательными средствами мы *опредѣляемъ* (дефинируемъ) все то, въ средѣ *чего* вращается человѣческая жизнь, со включеніемъ въ эту среду и нашего физическаго естества. Идя въ познаніи, многіе приходятъ къ заключенію, что *все* это, какъ цѣлое, есть механизмъ. «Объ-

Всѣ наиболѣе великіе мыслители, когда либо появлявшіеся въ исторіи человѣчества, не могли не признавать Верховнаго Разума, Верховной Воли, а Святой Евангелистъ Іоаннъ съ неотразимою силой настаивалъ на томъ, что Богъ есть любовь. *Эмпедоклъ* (Греческій философъ, получившій извѣстность около 444 года до Р. Х.) справедливо училъ, что «любовь» есть творческая сила.

Разумъ же, Воля и Любовь, уже по самому внутреннему смыслу ихъ, требуютъ Носителя, требуютъ Личности, которую мы и признаёмъ въ Богѣ.

«*Нѣтъ разума безъ личности*», — говорилъ цитируемый мною уже много разъ Ф. Г. Якоби.

ективный міръ, это—механизмъ»,—говоритъ опредѣляющіи и познающій субъектъ. Но тотъ же субъектъ не можетъ не мыслить и о такомъ состояніи, въ которомъ онъ, познающій въ связи съ познаваемымъ объективнымъ міромъ, составляли бы, въ синтезѣ, также одно опредѣленное цѣлое (вселенную). Такое цѣлое, познающій уже не можетъ разсматривать какъ опредѣленный механизмъ, такъ какъ одна изъ составныхъ частей мыслимаго цѣлаго, а именно *само* познающее не можетъ, *самимъ же* познающимъ, быть опредѣлено, и остается, для послѣдняго, неопредѣленнымъ. Познать упоминаемое цѣлое мы не можемъ уже потому, что, для этого, приходилось бы *опредѣлять опредѣляющее*, приходилось бы *познавать* самое *познающее*. — Говорить о наступленіи, когда либо, возможности «*опредѣленія опредѣляющаго*»,—значитъ—говорить безсмыслицу, если, притомъ, не признавать, выше нашего опредѣляющаго сознанія, существованіе опредѣляющаго и самоопредѣляющагося Сознанія.

Примѣчаніе автора.

Въ такомъ мірѣ, существованіе котораго вы допустили бы и въ предположеніи абсолютнаго отсутствія всякаго знанія о его существованіи, было бы невозможно допустить, въ роляхъ элементовъ существованія міра: пространство, время, покой, движеніе, послѣдованіе, ростъ, растительную, животную или, вообще, органическую жизнъ [1]), свѣтъ, входящій совершенно необходимымъ элементомъ въ астрономическія науки, основываясь на которыхъ и строятся разныя гипотезы, касающіяся міроздания. Все это, со включеніемъ и нашего физическаго организма, есть—наши представленія, орудія и элементы среды, въ которой мы призваны дѣйствовать.

Неорганическія, растительныя и животныя состоянія, со включеніемъ существованія и нашего собственнаго тѣла, не имѣютъ самостоятельнаго существованія, потому что, безъ человѣческаго сознанія, они не могли бы быть познанными, схваченными, понятыми, признанными *таковыми*, каковыми мы воспринимаемъ ихъ теперь, таковыми, *каковыми* они суть для нашего человѣческаго сознанія.

---

[1]) Такъ-называемый нами «міръ», въ своихъ элементахъ, съ каждымъ моментомъ измѣняется, и всѣ эти измѣненія ведутся въ хроникѣ сознанія. Отъ этого то именно всѣ упоминаемые элементы и имѣютъ опредѣленный смыслъ.—При отсутствіи сознанія, измѣненія никѣмъ не могли бы быть обнимаемы. Были бы только отрывочныя смѣны явленій (?)

Примѣч. автора.

Предположите неорганическія, растительныя и животныя состоянія—существующими при отсутствіи человѣческаго сознанія! Утверждая ихъ существованіе (при отсутствіи человѣческаго сознанія), вы не можете не подразумѣвать оборотной стороны бытія—*знанія* о немъ. Можете ли вы теперь знать—*каковыми* они были бы или будутъ для другого нечеловѣческаго знанія; ибо *таковыми*, каковыми мы воспринимаемъ ихъ нынѣ, существуютъ они только для человѣческаго сознанія.

Вообразите себя живушимъ безъ самосознанія! *Знали ли* бы вы, тогда, что живете? Конечно—нѣтъ. Знать объ этомъ могло бы только сознаніе какого либо другого интеллигентнаго существа. —Это разсужденіе можно приложить, напримѣръ, къ вышеупоминаемой рѣчи о растеніи и червякѣ. Существованіе ихъ можетъ признаваться только лишь чрезъ наше сознаніе. Если бы этого послѣдняго не было, то не было бы ни вашего растенія, ни вашего червяка, ни ихъ жизни,—потому что не было бы знанія о нихъ. *Есть* только *то́*, *что́ познается*.

Но, однако, что̀ же нибудь все-таки должно было бы быть, не смотря на совершенное отсутствіе сознанія. Что̀ же бы было?—спро́сите вы.

Я отвѣчаю:

«Было бы то́, что̀ *есть* вѣчно, и безъ чего непосредственная жизнь не могла бы сказываться въ человѣкѣ такою, какою ее воспринимаетъ человѣкъ, и *представляться* ему сказывающеюся: въ птицѣ,

такою, какою,—*намъ кажется*,—воспринимаетъ ее птица; въ деревѣ, такою, какою, · *намъ кажется*, — она заявляется въ деревѣ; въ камнѣ, такою, какою,—*намъ кажется*, - она заявляется въ камнѣ [1]).

Прошу, теперь, читателя обратить вниманіе на нижеслѣдующее,—частью изложенное мною выше сего.

Подъ терминомъ «сознаніе» я разумѣю не одну лишь пассивную способность отражать въ себѣ жизненное движеніе во всѣхъ его проявленіяхъ [2]), а *активное знаніе* (знаніе—не какъ науку, а просто знаніе какъ знаніе) о существованіи, о жизни. Сознаніе, это, прежде всего, есть —условіе бытія міра,—условіе всякаго бытія. Не все то, что́ мы привыкли называть «жизнью», есть, дѣйствительно, настоящая жизнь. Растеніе, животное, человѣкъ, какъ лишь животное только, не живутъ въ сущности, не живутъ въ строгомъ смыслѣ слова. Они существуютъ конечно, но существуютъ не абсолютно, а только лишь при условіи существованія нашего сознанія. Таковыя

---

[1]) По отношенію къ человѣку, камень,—равно какъ и всякій другой предметъ неорганической природы,—какъ бы живетъ, такъ какъ оказываетъ сопротивленіе,—почему требуетъ, для преодолѣнія послѣдняго, какъ физическаго, такъ и умственнаго отъ человѣка усилія.

[2]) Въ дѣйствительности, всякое ощущеніе, всякое движеніе (сопровождаемое вниманіемъ), всякое чувство, всякая мысль, всякое слово—все это или исходитъ отъ сознанія, или получается имъ. *Примѣчанія. автора.*

существованія, въ той или другой изъ упомянутыхъ формъ, могутъ,—какъ органическіе или физическіе процессы въ мірѣ нашихъ представленій,—прекращаться или быть прекращены; жизнь же, какъ *знаніе* о существованіи, не можетъ ни прекратиться сама, ни быть прекращена; ибо если бы знанія о существованіи не было, то не было бы и никакого существованія. Сознательная жизнь не зависитъ отъ органической жизни, а напротивъ, ее обусловливаетъ. Существуетъ *абсолютно* только лишь сознаніе, только оно одно.

Въ сознаніи, *таковомъ*, *каковымъ* я его принимаю (то-есть въ смыслѣ знанія о существованіи, а не пассивнаго зеркала), многія изъ моихъ чувствъ, дѣйствій или движеній могутъ и не быть занесенными. Для знанія о существованіи—это вовсе не необходимо. Такъ называемыя «безсознательныя состоянія» могутъ оказываться въ человѣкѣ (какъ это и дѣйствительно бываетъ) нисколько не свидѣтельствуя этимъ о будто-бы не первенствующемъ, не предшествующемъ всему положеніи сознанія—какъ условія бытія, какъ знанія о существованіи [1]).

---

[1]) Въ своей «Исторіи философіи» Льюисъ справедливо замѣчаетъ:

«Во мнѣ есть сознаніе извѣстнаго умственнаго состоянія, а съ этимъ связывается воспоминаніе о какомъ либо прежнемъ состояніи, находившемся также въ связи съ предшествовавшимъ состояніемъ, и такъ далѣе. Цѣпь эта состоитъ изъ многихъ звеньевъ, и хотя нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть упущены изъ вида, но ни одного не вырвано.

Prius сознанія, это—СознаніеБожіе, и только Оно одно. Сознаніе (таковое, каковымъ я его принимаю) схватываетъ жизнь, прежде всего, *въ корнѣ*, а *не непремѣнно* во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ. Схватываетъ оно жизнь въ ея развѣтвленіяхъ только тогда, когда ставитъ проявленіе жизни объектомъ знанія.

Сознаніе не есть качество или свойство чего либо или кого либо. Для того, чтобы «качество» или «свойство» существовали какъ таковыя въ инвентарѣ понятій міра, необходимо преждебытное имъ существованіе сознанія; ибо «качества», «свойства», какъ таковыя, суть не что иное, какъ опредѣленія сознанія. Оно, сознаніе, не есть, безъ сомнѣнія, и производное изъ чего либо или отъ чего либо...

Уже много времени послѣ написанія мной этой книги, я прочелъ, въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, что извѣстный Германскій ученый Г. Дю Буа-Реймонъ, въ 1880 году, говоря въ засѣданіи Берлинской Академіи наукъ, признавалъ неразрѣшимыми *семь* міровыхъ, какъ онъ выразился,

---

Я связанъ съ своимъ дѣтствомъ правильнымъ рядомъ послѣдовательныхъ актовъ сознанія. Я могу забыть тысячу вещей, но не забылъ *самого себя*; если какой либо фактъ вчерашняго дня забыть сегодня, то не *всѣ* забыты, а помнить объ одномъ, хотя бы и не ясно, достаточно для непрерывности сознанія. Но пусть тѣ, которые не признаютъ что чувство личной идентичности заключается въ сознаніи личной идентичности, покажутъ въ чемъ же именно состоитъ это чувство». *См.* «*Исторія философіи*» *Льюиса, пер. подъ ред. В. Чуйко Стр. 588—589.*

загадокъ. Читая объ этомъ, я не мало удивился [1]), что эти такъ-называемыя загадки перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) сущность вещества и силы; 2) происхожденіе движенія; 3) происхожденіе жизни; 4) цѣлесообразность природы; 5) происхожденіе ощущенія; 6) происхожденіе разума и языка; 7) происхожденіе свободы воли.

Въ этомъ порядкѣ мы видимъ что 3-я міровая загадка, это—«*происхожденіе жизни*» (!); 6-ая—«*происхожденіе разума и языка*» (!); 7-ая – «*происхожденіе свободы воли*» (!).

Я полагаю, что невозможно сомнѣваться въ томъ, что *Жизнь* есть фактъ существующій отъ вѣчности, какъ отъ вѣчности же существуетъ неразрывно связанное съ нею Слово (Разумное Сознаніе, Знаніе), безъ котораго не только не могло *начать быть* ничего изъ того, что̀ было, есть или произошло, но не мыслима даже и сама *жизнь*.

Если бы не было, прежде всего, жизни, живого дѣятельнаго Разумнаго сознанія, то, тогда, конечно, не было бы ни вещества, ни силы, ни движенія.

Принявъ же все это въ соображеніе, нельзя не спрашивать: «Какимъ это образомъ, въ ряду *семи* такъ-называемыхъ міровыхъ загадокъ, «про-

---

[1]) Мое удивленіе имѣетъ основаніе только тогда, когда упоминаемый порядокъ дѣйствительно установленъ Г. Дю Буа-Реймонъ, а не есть простая случайность въ рѣчи или въ ея передачѣ. *Примѣчаніе автора*

исхожденіе жизни» поставлено на 3-мъ мѣстѣ; «происхожденіе разума и языка»—на 6-мъ мѣстѣ; «происхожденіе свободы воли»—на 7-мъ мѣстѣ?

ПРИМѢЧАНІЕ.

Къ странипѣ 122 этой III главы.

Манеры житія и дѣйствованія животныхъ свидѣтельствуютъ намъ объ ихъ какъ бы психической жизни. Но, отъ этихъ манеръ, заключать, съ полной увѣренностью, къ тому, что животныя надѣлены умомъ, функціонирующимъ совершенно свободно, подобно нашему уму,—нельзя.

Мы замѣчаемъ у животныхъ дѣйствованія, которыя явно свидѣтельствуютъ о *намѣренномъ* или *умышленномъ* приспособленіи ими *средствъ къ цѣлямъ*.—Однако, если, на основаніи этого, мы станемъ заключать о высокомъ развитіи ума у нѣкоторыхъ животныхъ, то тогда придется признавать умъ и за растеніями.—Для разъясненія сейчасъ сказаннаго приведу слѣдующіе факты:

Я видалъ, въ Швейцарскихъ горахъ, деревья, растущія на скалахъ, въ положеніи ствола горизонтальномъ (перпендикулярно къ отвѣсной стѣнѣ скалы) и удерживающіяся въ такомъ положеніи, на вѣсу, развѣтвленіями своихъ корней, закрѣпляющихся въ разныхъ расщелинахъ и расщелинкахъ скалы (какъ бы деревомъ *замѣчаемыхъ*) такъ цѣлесообразно и съ такимъ искусствомъ, съ какимъ подобное закрѣпленіе могло бы быть сдѣлано ученымъ инженеромъ.

Въ Швейцаріи же, на горномъ хребтѣ (Малый Шейдекъ, въ Бернскомъ Кантонѣ), идя по которому вы любуетесь какъ бы параллельно вашему пути развертывающейся панорамой ряда Швейцарскихъ исполиновъ: Эгера, Монховъ, Юнгфрау Веттергорна,—на горномъ хребтѣ этомъ я видѣлъ разбросанныя, по его поверхности, въ одиночку, деревья, которыя, сначала, показались мнѣ какъ бы искусственно посаженными.

Всякій изъ насъ знаетъ и видѣлъ, что когда посадятъ новое дерево, то, для приданія ему устойчивости и прямизны (дабы вѣтеръ не могъ кривить ствола, а буря не могла бы вырвать дерево съ корнемъ), его подпираютъ кольями. Колья эти, въ системѣ подпиранія, представляютъ какъ бы ребра конуса, основаніе котораго находится на горизонтѣ земли, а вершина на стволѣ дерева (гдѣ верхніе концы всѣхъ кольевъ привязаны къ нему), на одинъ аршинъ, на два аршина и болѣе отъ земли, смотря по высотѣ дерева.

Такія точно подпорки я увидѣлъ у деревьевъ, растущихъ, въ одиночку, на Маломъ Шейдекѣ, представляющемъ большую горную возвышенность, доступную, разумѣется, сильнѣйшимъ вѣтрамъ. Когда же я приблизился къ упоминаемымъ деревьямъ, то не мало удивился, увидѣвъ, что казавшіяся мнѣ подпорки были не чѣмъ инымъ какъ живыми корневыми вѣтвями самого дерева, расходящимися отъ ствола не въ землѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, а выше, на аршинъ и болѣе отъ горизонта земли. Эти корневыя вѣтви образовывали коническую систему природныхъ подпорокъ, точь-въ-точь такую, какую разумный садовникъ дѣлаетъ при посадкѣ деревъ. Альпійскія деревья какъ бы сами позаботились о своей устойчивости, въ виду какъ будто бы замѣчаемой или

ощущаемой ими горной, открытой вѣтрамъ, высоты, на которой они росли.

Въ Финляндіи, на откосѣ горной возвышенности, мнѣ случилось видѣть почти совершенно обнажившуюся, вслѣдствіе обваловъ земли, систему корней сосны, еще растущей въ вертикальномъ положеніи. Система эта была расположена такъ разумно, что сдѣлала бы честь и сообразительности человѣка, которому привелось бы придумывать укрѣпленіе. Сосна росла,—какъ я упомянулъ выше,—на обвалившемся откосѣ, и, въ системѣ природнаго укрѣпленія ея на немъ, одни корни играли роль задерживающихъ якорей а другіе—прочныхъ подпорокъ...

Но, не смотря на факты ,подобные вышеприведеннымъ. никто, однако, не скажетъ, про деревья, то, что жизнь они имѣютъ свободную. Свободной жизни, въ такомъ смыслѣ, не имѣютъ, по моему мнѣнію, и животныя

Человѣкъ, начиная свое существованіе на землѣ, стоитъ, предъ импозирующимися ему представленіями, безъ всякаго знанія о нихъ и совершенно беззащитнымъ. Имѣетъ инстинкты, такъ-сказать, онъ только нравственные: чувства свободы, справедливости и отвѣтственности, и расположеніе къ добру. Всякое знаніе о представляющемся ему, о представленіяхъ, пріобрѣтаетъ онъ умственнымъ трудомъ и опытомъ. Всему онъ долженъ научиться.

Животное же начинаетъ свое существованіе въ соотвѣтственной средѣ уже впередъ, какъ намъ представляется, *наученнымъ* тому, за *что* принимать ея разнообразные элементы и *какъ* дѣйствовать въ этой средѣ въ виду самосохраненія самоудовлетворенія. И вотъ, поэтому, изученіе инстинктивной дѣятельности животныхъ чрезвычайно полезно. Оно знакомитъ человѣка, какъ-бы въ прит-

чахъ, со многимъ изъ того, *что* ему необходимо знать и *чего* бы онъ безъ животныхъ не зналъ. Такъ-называемый «міръ животныхъ» помогаетъ ему оріентироваться какъ въ физической, такъ и въ нравственной областяхъ его существованія. Это — школа, въ которой человѣкъ выучивается отчасти грамматикѣ и логикѣ жизни.

ГЛАВА IV.

Непреложные законы.

«Отецъ Мой донынѣ дѣлаетъ, и Я дѣлаю».
Ев. Св. Іоанна Гл. 5, Ст. 17

Порядки предметной среды или такъ-называемаго объективнаго міра установлены не нами. Они даны для возможности существованія въ предоставленной намъ для сего области. Наблюдая эти порядки въ явленіяхъ органической и не органической природы, мы, для уясненія ихъ себѣ и для полученія возможности наиболѣе удобнымъ образомъ оріентироваться въ мірѣ представленій, выводимъ, силою нашего ума, законы, и, если не ошибаемся въ нашихъ наблюденіяхъ и предположеніяхъ (гипотезахъ), то законы неизмѣнные, такъ какъ и самые порядки представляются намъ неизмѣнными. Законы эти суть выводы нашего ума и касаются міра нашихъ человѣческихъ представленій, а не жизни «Вселенной».

«Если, въ познавательныхъ способностяхъ или средствахъ человѣка, имѣются всѣ элементы для возможности построенія представленія *таковымъ*,

каковымъ оно ему является, то работа разъобъясненія себѣ представленія или познаваніе его есть не что иное какъ воспроизведеніе или воспостроеніе представленія (открытіе его характера или его свойствъ), есть улавливаніе элементовъ изъ которыхъ представленіе какъ-бы составлено, и отношеній, между собою, этихъ элементовъ.

«Пространство и время суть формы нашей чувственности, формы человѣческаго сознанія. Видимъ мы все въ пространствѣ; чувствуемъ—во времени. Пространство мы понимаемъ имѣющимъ три измѣренія; время имѣющимъ одно измѣреніе. Изображаемъ мы пространство *à priori* тоже тремя линіями.

«Положимъ, теперь, что человѣкъ, неимѣвшій никакого понятія о Геометріи, чертитъ на бумагѣ, непосредственно или спонтанентно, разныя фигуры: треугольники, квадраты, круги и т. п. Фигуры эти ему нравятся. Онъ хочетъ начертить, на другомъ листѣ, точно такія же фигуры, и такія же фигуры, но размѣровъ меньшихъ или бо́льшихъ. И вотъ, онъ придумываетъ цравила, посредствомъ которыхъ, или съ помощью которыхъ, чертитъ фигуры. Разсматривая свою работу, онъ радуется согласію и соотвѣтствію построенныхъ фигуръ съ фигурами набросанными, или начерченными имъ непосредственно.

«Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: фигуры начертанныя непосредственно и фигуры построенныя, и тѣ и другія, суть произведенія одного и того же ума, одной и той же интеллигентности.

«Непосредственно начертанныя фигуры суть непосредственныя представленія ума въ формахъ чувствуемости.

«Построенныя фигуры суть воспроизведенія этихъ представленій.

«Формы фигуры суть формы нашей чувствуемости.

«Свойства фигуры суть, въ сущности, правила нашего разсудка

«Такъ и въ мірѣ представленій вообще. Наши непосредственныя представленія вообще, это—какъ бы непосредственно, спонтанентно, начертываемыя нами вышеупоминаемыя геометрическія фигуры.

«Представленія эти, въ познаніи ихъ, — это какъ бы постраиваемыя или воспроизводимыя нами вышеупоминаемыя геометрическія фигуры.

«Представленія наши даются намъ въ элементахъ нашихъ познавательныхъ средствъ.

«Свойства и отношенія ихъ, нами открываемыя, это—наши ощущенія и правила нашего разсудка, и, какъ таковыя, суть элементы нашихъ познавательныхъ способностей.

«Я вижу, осязаю или вообще ощущаю явленіе согласно условіямъ своей представляющей (способной имѣть представленія) натуры, и уясняю его себѣ согласно внутреннимъ вкусамъ-характерамъ своихъ сенсовъ, и согласно законамъ своего разсудка.

«Согласіе нашихъ воспроизведеній съ непосредственными представленіями становится понятнымъ—когда мы сообразимъ, что, въ эти пред-

ставленія, вложенъ Умъ,—прототипъ человѣческаго ума» [1]).

Законовъ правящихъ,—какъ говорятъ,—міромъ не было бы, если бы не существовало человѣческаго сознанія, если бы не существовало *жизни* въ томъ смыслѣ, въ какомъ я ее принимаю, то-есть—жизни сознательной, живого знанія.

Въ вопросѣ этомъ я встрѣтилъ единомысліе. —Вотъ что говоритъ *Г. Эрнестъ Навиль* (Ernest Naville) въ своей книгѣ «*La physique moderne*» (1883 г.), стр. 262—263.

«Человѣкъ воспринимаетъ и ощущаетъ; ученый хочетъ дать себѣ отчетъ объ объектѣ своихъ воспріятій и о причинѣ своихъ ощущеній. Физикъ старается объяснить явленія чрезъ открытіе ихъ законовъ. Законы эти суть концепціи ума, концепціи интеллигентности. Не трудно понять, что, при отсутствіи существъ чувствующихъ или ощущающихъ, явленія, въ которыхъ предполагается какой либо элементъ ощущенія, не могли бы существовать. Но требуется нѣкотораго усилія мысли для того, чтобы понять—что если бы не имѣлось умовъ, то не было бы и законовъ. А между тѣмъ это такъ. Предположимъ себѣ, что матеріальная вселенная существуетъ одна, сама по себѣ. Небесныя свѣтила, тогда, не будутъ ли они, все-таки, реализировать законъ тяготѣнія? Мыс-

[1]) См. «*Пути къ раціональному міровоззрѣнію*» (1880). Ипполита Панаева. Часть II. Стр. 109—111.

лится ли законъ или не мыслится, вещи не будутъ ли онѣ происходить точно такъ, какъ происходятъ теперь?.. Но это (то-есть—что вещи будутъ происходить *точно такъ*) только намъ кажется. И дѣйствительно, если поразмыслить глубже, то тогда нельзя не придти къ пониманію того, что выраженіе «*такъ*» (ainsi) предполагаетъ отношеніе фактовъ къ мысли, которая ихъ соображаетъ. Пусть не имѣется никакой интеллигентности, ни активной, ни виртуальной, ни реальной, ни возможной, И что же? Вещи будутъ, но не будутъ «*такъ*» (ainsi); ихъ нельзя будетъ разсматривать, какъ сообразныя или соотвѣтственныя порядку, котораго никакой умъ не могъ бы формулировать. Идея закона исчезнетъ точно такъ, какъ исчезаютъ идеи свѣта и теплоты вмѣстѣ съ существованіемъ существъ способныхъ испытывать впечатлѣнія... Утвержденіе это правильно и цѣнно; но трудно понять его потому, что приходится мыслить о состояніи вещей, при которомъ мысль совершенно бы не существовала» [1]).

---

[1]) L'homme perçoit et sent; le savant veut se rendre compte de l'objet de ses perceptions et de la cause de ses sensations. Le physicien cherche à expliquer les phénomènes en découvrant leurs lois. Les lois sont des conceptions de l'intelligence. On arrive facilement â entendre que, sans la présence d'êtres sensibles, les phénoménes qui supposent un élément de sensation ne pourraient pas exister. Il faut un peu plus d'effort pour entendre que, s'il n'existait pas d'intelligences, il n'y anrait pas de lois; et pourtant cela est. Supposons que l'univers matériel existe seul; les astres ne réaliseront-ils pas

Тотъ же г. Эрнестъ Навиль, въ письмѣ отъ 14/2 іюля 1882 года, которымъ онъ почтилъ меня по поводу моей книги «*О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ*» (1882 г.), посланной къ нему, мною, въ Женеву [1]), говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Voici qui vous démontrera, je le pense, que nous sommes bien d'accord.

«J'ai enseigné que si l'esprit n'existait pas, les *lois de la nature matérielle* n'existeraient pas. Je l'ai démontré à mes auditeurs par le raisonnement que voici: En pensant une loi physique, nous disons: les choses sont *ainsi*. Le mot «ainsi» suppose un rapport entre les choses et la pensée qui détermine leur manière d'être. Enlever la pensée: les choses ne

---

toutefois la loi de gravitation? Que la loi soit pensée ou ne le soit pas, les choses ne seraient-elles pas ainsi?—Il le semble, mais lorsque l'on réflechit sérieusement, on arrive à comprendre que le terme *ainsi* suppose le rapport des faits à une pensée qui les conçoit. Qu'on supprime toute intelligence actuelle ou virtuelle, réelle ou possible, les choses seront, mais elles ne seront pas *ainsi*; elles ne pourront pas être dites conformes à un ordre qu'aucun esprit ne pourrait formuler. L'idée de la loi disparaitra, comme les idées de la lumière et de la chaleur disparaissent avec l'existence des êtres capables d'éprouver des impressions. Cette affirmation est valable, mais elle est difficile à entendre, parce qu'il faut penser à un état de choses dans lequel la pensée n'existerait pas.

[1]) Сынъ г. Эрнеста Навиля знаетъ русскій языкъ, и, при томъ, Отдѣлъ V упоминаемой моей книги, о которомъ идетъ рѣчь, посланъ былъ въ переводѣ на французскій языкъ, въ рукописи.

peuvent plus être *ainsi* Donc, sans l'esprit qui pense il n'y a plus de lois.

Vous reconnaitrez, je le pense, une similitude, dont je me félicite, entre mon argumentation et le développement de votre pensée.. [1])

Непреложные законы нашего человѣческаго міра исполняютъ, безъ сомнѣнія, свою роль въ жизни Вселенной, но далеко не имѣютъ въ ней того всеобъемлющаго и преобладающаго значенія, которое приписываютъ имъ многіе люди науки. Возстаю я, конечно, не противъ законовъ, а противъ установившейся *вѣры* въ ихъ абсолютную всеобщность, противъ вѣры въ то, что законы эти суть законы не только одного нашего объективнаго, человѣческаго міра, но и безграничной Вселенной; что имъ подлежатъ даже мысль и слово,—мысль и слово опредѣляющія міръ, осмысливающія жизнь

[1]) «Вотъ что выкажетъ вамъ, я полагаю, что мы совершенно согласны другъ съ другомъ.

«Я училъ, что если бы ума не существовало, то и законы матеріальной природы не существовали бы тоже. Я доказывалъ это, моимъ слушателямъ, слѣдующимъ разсужденіемъ: Мысля физическій законъ, мы говоримъ: вещи происходятъ *такъ* (ainsi). Выраженіе «*такъ*» (ainsi) предполагаетъ отношеніе между вещами и мыслью, которая опредѣляетъ ихъ манеру бытія. Выкиньте мысль! вещи тогда уже не могутъ быть «*такъ*». Слѣдовательно, безъ ума, который мыслитъ, не имѣется законовъ.

«Вы согласитесь, я полагаю, что между моею аргументаціею и развитіемъ вашей мысли имѣется сходство, которое меня радуетъ...»

и концептирующія самые же эти законы. Однихъ она, эта вѣра, приводитъ къ отчаянію [1]); другихъ, —какъ ни противорѣчиво, повидимому, это сказать, — къ полной распущенности мысли и нравовъ. Хорошо живи или худо, въ сущности это—все равно. Ни начинанія твои, ни ихъ результаты не свободны отъ законовъ, и всѣмъ, и всему одинъ неизбѣжный, опредѣляемый ими, конецъ.

Удивленіе и даже восхищеніе, доставляемыя ученому открытіемъ или соображеніемъ новаго закона, вполнѣ понятны. Оказавшееся согласіе предположеній ума съ фактами дѣйствительности не можетъ не радовать мыслящаго и трудящагося человѣка. Сила нашего ума, въ дѣлѣ открытія такого согласія, по-истинѣ, изумительна. Все это такъ.—Но *вѣрить* въ то̀, что умъ нашъ открываетъ не законы міра нашихъ представленій только, а законы безграничной Вселенной,—*вѣрить* въ то̀, что законы наши правятъ ею, тогда какъ въ ней господствуетъ, напротивъ, свободная и не перестающая дѣйствовать Воля, — значитъ обнаруживать непростительную и вредную самонадѣянность.

Я вѣрю не потому только, что хочу вѣрить, а потому, что не могу не вѣрить,—вѣрю, разумомъ, разсудкомъ и чувствомъ, въ совершенную

---

[1]) «Отчаянье одно на сумрачныхъ крылахъ
«Неслось на встрѣчу мнѣ, крича: всему законы...
«Природа властвуетъ...

Изъ стихотворенія Я. Полонскаго «Монологъ». 1892 г.

свободу и въ справедливость Божіихъ опредѣленій; вѣрю въ Причину безъ причины, въ смыслъ и цѣль всякой жизни и даже Жизни Божественной, —въ Любовь.

Но не могу я вѣрить никакъ въ то, чтобы, выведенные нами, непреложные, законы, необходимые для существованія нашего въ мірѣ такъ-называемой природы, которая и сама есть тоже нашъ выводъ,были бы законами жизни Вселенной, законами для самого Бога.

Мнѣ скажутъ: «Вы, въ разсужденіяхъ своихъ, которыми какъ бы хотите установить истину, говорите: «вѣра», «вѣрю», «вѣрить». То, что мы при знаемъ за истину, обусловливается не бездоказательнымъ убѣжденіемъ, не вѣрою, а точнымъ знаніемъ и опытомъ. Наука принимаетъ за истину только то, что выведено на свѣтъ точнымъ знаніемъ,—знаніемъ основаннымъ и опирающимся на опытѣ».

— Но, позвольте,—отвѣчу я,—вы признаете за научную истину то, что выведенные вами непреложные законы суть объективные законы жизни безграничной вселенной... Какой же это опытъ, скажите, открылъ и подтвердилъ это мнѣніе?... Вы не можете мнѣ на это отвѣтить. Вы просто *вѣрите* въ непогрѣшимость вашего заключенія, основаннаго на аналогіи, а не на точномъ знаніи. Между моей вѣрой (если это только одна вѣра) и вашею вѣрой разница только въ томъ, что моя вѣра охотно и горячо одобряется идущимъ ей навстрѣчу нравственнымъ чувствомъ, а

ваша вѣра леденитъ чувство и заставляетъ его скорбно молчать [1]).

Между преклоненіемъ предъ универсальностью будто-бы непреложныхъ законовъ въ вѣчной жизни вселенной и упорнымъ почитаніемъ субботы Іудействомъ существуетъ, по моему мнѣнію, большая аналогія. При томъ и другомъ исповѣданіи, свобода Божіихъ опредѣленій предполагается абсолютно остановившейся, и, вслѣдствіе этого, свобода человѣческихъ рѣшеній и дѣйствій признается, одними, естественно отмѣненною, другими—преслѣдуемою и порицаемою.—Для направляющихъ свои мысли согласно съ упоминаемыми исповѣданіями, напрасны дѣла милосердія, совершавшіяся Христомъ, демонстративно, въ Субботы; напрасны и сказанныя Имъ слова: «*Отецъ Мой донынѣ дѣлаетъ, и Я дѣлаю*»... Разрушайтесь и замерзайте міры, гибни не самооглядывающаяся Любовь, и... *да здравствуетъ Суббота!*... вотъ къ какому заключенію можетъ придти іудействующій мыслитель.

Въ своихъ утвержденіяхъ по вопросу жизни я опираюсь, между прочимъ (вы, можетъ быть,

---

[1]) Якоби справедливо говорилъ: «Надо имѣть возможность указать на источникъ всякаго знанія,—на источникъ, который есть или *чувственное воззрѣніе,* ощущеніе (Sinnes-Empfindung), или *чувство духа* (Geistes-gefuhl). То, что̀ мы знаемъ посредствомъ послѣдняго, про то мы говоримъ, что въ него *вѣримъ*. Мы вѣримъ въ добродѣтель, въ свободу, въ Бога, и это знаніе, чрезъ вѣру, настолько же выше знанія чувственнаго, которое считаютъ знаніемъ по преимуществу, насколько человѣкъ выше животныхъ, міръ интеллектуальный выше міра физическаго, Богъ выше природы.

засмѣетесь), на младенческій умъ, на младенческое нравственное чувство. Скажите младенцу (такому младенцу, котораго вы еще не успѣли научить думать по вашему), — скажите ему, что у насъ всѣхъ имѣется одинъ добрый и всемогущій Отецъ. Вѣсть эта видимо обрадуетъ ребенка; онъ приметъ ее охотно, и, по крайней мѣрѣ какъ невольное чувство, она навсегда останется въ его сердцѣ. Но прибавьте къ этой вѣсти другую вѣсть, а именно—что Богъ не свободенъ, что выше Его стоитъ непреложный законъ, котораго и Онъ измѣнить не можетъ,—и нашъ младенецъ опечалится и, прежде всего, на законъ будетъ смотрѣть какъ на врага, хотя, можетъ быть, и ничего не скажетъ.—Если же вы скажете ему, что неимѣется Отца, что неимѣется ничего, кромѣ неизмѣннаго закона, то онъ не пойметъ васъ, но свѣтъ его развивающагося ума ,конечно , помрачится, и на сердце преждевременно ляжетъ тяжелый гнётъ.

Въ исторіи движенія человѣчества мы видимъ, что, въ тѣ или другія эпохи, на сценѣ человѣческаго міра появлялись геніальные и замѣчательные люди, философы, поэты, художники, ученые, полководцы, завоеватели,—такіе люди, которыхъ ученія и дѣла, равно какъ и примѣры жизни, вліяя, рѣшительнымъ образомъ, на измѣненіе мыслей, вѣрованій, знаній, нравовъ и самого склада жизни людей на многіе и многія поколѣнія, оставили неизгладимые слѣды своего пребыванія на землѣ навсегда.

— Какой,—спрашиваю я,—непреложный законъ выдвигалъ геніевъ, выдвигалъ этихъ людей въ ту или другую эпоху?

Говорить, по поводу этого, о ходѣ, предшествущаго появленію этихъ людей, историческаго движенія, о сложившихся, въ зависимости отъ послѣдняго, обстоятельствахъ, о вліяніи той или другой степени достигнутаго, въ тѣ эпохи, знанія,—говорить объ этомъ, въ виду выясненія неизбѣжности появленія такихъ людей, конечно можно. Но доказать, хотя бы и всѣмъ этимъ, самый фактъ появленія этихъ людей, въ то или другое время, совершенно невозможно. (Надо надѣяться, что сторонниковъ чудовищнаго объясненіе геніальности съумасшествіемъ не много)

Тогда, вмѣсто объясненія, мнѣ укажутъ, просто, на *случай*. *Случай* воздвигъ великаго человѣка въ ту или другую эпоху, случай же и доставилъ ему непрекращающееся вліяніе на людей.

Вы говорите: «*случай*»? - Тогда, я спрашиваю: Гдѣ же непреложный, неизмѣняемый законъ?

Васъ не смутитъ мой вопросъ. Вы скажете, что «случай», это—не раскрытая еще знаніемъ причина въ мірѣ естественной причинности, правимомъ непреложными законами.

Вы скажете это.. Но, я увѣренъ, что если, отстранивъ мысль о спорѣ какъ спорѣ только, вы, наединѣ, станете вопрошать себя о предметѣ спора, то по совѣсти должны будете сознаться, что въ «случаѣ», о которомъ идетъ рѣчь, человѣческій разумъ не будетъ, никогда, въ состоя-

ніи открыть *причину*, или нѣчто неизбѣжно долженствовавшее наступить въ естественномъ порядкѣ вещей

Умъ ученаго разслѣдователя природы, возрастающій при постоянномъ пребываніи въ мысли предположенія, что все, въ изучаемомъ имъ мірѣ, шло и идетъ естественнымъ путемъ и иначе идти не можетъ, сообразно этому предположенію и направляетъ свой взоръ на всякое явленіе

Такъ какъ, по его убѣжденію, все въ мірѣ происходитъ *естественно*, то *сверхъестественнаго* для него (для такого ученаго) не существуетъ реально; оно, для него,—фикція, пустое безсодержательное слово. Онъ признаётъ, конечно, что имѣются извѣстное и неизвѣстное, но признаетъ съ оговоркою, что неизвѣстное можетъ и должно когда нибудь слѣлаться извѣстнымъ въ естественномъ порядкѣ вещей. Онъ согласится, пожалуй, съ тѣмъ, что имѣется и такое неизвѣстное, которое никогда не сдѣлается извѣстнымъ; но и это послѣднее неизвѣстное онъ не можетъ никакъ мыслить внѣ ряда естественныхъ явленій [1]).

Какъ же, однако, онъ, ученый изслѣдователь, не видитъ того, что сверхъестественъ самъ фактъ существованія его собственнаго «*я*»?

---

[1]) Гёте говорилъ: «Въ природѣ всегда остается нѣчто загадочное, неразрѣшимое для человѣческихъ способностей». «*Разговоры Гете» собранные Эккерманномъ. Перев. Д. В. Аверкіева. 1891 г. Стр. 328.*

И въ самомъ дѣлѣ, въ изучаемомъ имъ мірѣ, гдѣ все находится въ движеніи и въ страданіи (въ пассивности), гдѣ умъ мыслителя никогда не можетъ уловить ни абсолютнаго *начинанія*, ни абсолютнаго *конца*,—мы не можемъ не видѣть: что онъ, умъ, самъ, одинъ, *начинаетъ* произвольно, свободно, рядъ дѣйствій; что отъ него самого идетъ движеніе по всѣмъ возможнымъ направленіямъ Не показываетъ ли это, въ немъ, носителя элемента Творческаго Слова, безъ котораго «ничто же бысть еже бысть»?

«Человѣкъ только чувствуетъ такъ, а чувства его обманываютъ»,—могли бы мнѣ отвѣтить изслѣдователи природы:—«Это—иллюзія, хотя и надо сознаться, что иллюзія всеобщая».

Иллюзія? Но фактъ таковой иллюзіи (если иллюзія имѣется) можетъ ли онъ самъ быть причисленъ къ явленіямъ естественнымъ? Вы говорите: что *все есть природа*; что выше власти природы нѣтъ никакой другой власти. И вотъ, всемудрая (!) природа, въ цѣлесообразности дѣйствій которой вы ежедневно все болѣе и болѣе убѣждаетесь и которую поэты не могутъ представлять себѣ иначе, какъ въ образѣ *разумнаго* существа (?), всемощной женщины, выработала, въ насъ и для насъ, чувство зрѣнія, чувство слуха, чувство осязанія, чувство обонянія, чувство вкуса, и выработала ихъ не для того конечно, чтобы они насъ обманывали, ибо, тогда, невозможно было бы и само человѣческое существованіе въ чувственномъ мірѣ. Для чего же, теперь, выработа-

тала бы она, съ ними вмѣстѣ, и *чувство свободы*, когда въ элементахъ природы свободы не имѣется; для чего природа *восхотѣла* (?) насъ обманывать именно чрезъ это *чувство*? Жизнь, это—борьба свободы съ необходимостью. Безъ одного изъ этихъ элементовъ не знаю что̀ будетъ, но вѣрно то̀, что не могла бы быть и сама человѣческая жизнь на землѣ...

Иллюзія?! Но позвольте васъ спросить: «чувствуете ли вы, что ваша мысль, ваше утвержденіе—«*это иллюзія*», выражено вами совершенно произвольно, свободно, и что отъ васъ зависитъ вполнѣ сказать: «*это иллюзія*», или на оборотъ: «*это не иллюзія*»?

— Если вы отвѣтите, что въ васъ самихъ имѣется *чувство* того, что отъ васъ зависитъ выразить *такое* или *совсѣмъ другое* утвержденіе, и что это чувство васъ не обманываетъ, тогда вы должны будете согласиться, что, имѣющееся во мнѣ, да и во всѣхъ людяхъ безъ исключенія, *чувство-мысль*: «Отъ меня вполнѣ зависитъ начинать, произвольно и свободно, рядъ дѣйствій», точно такъ же не можетъ меня обманывать.

— Если же вы отвѣтите, что ваше утвержденіе изошло отъ васъ не свободно, что *чувство-мысль* того, что оно произошло произвольно и свободно —иллюзія тоже,—тогда я спрашиваю: «о чемъ же идетъ рѣчь? О чемъ мы споримъ»?

— Я—человѣкъ, и вы—человѣкъ: *оба мы—люди*. Оба чувствуемъ, *по-человѣчески*, данными, намъ или имѣемыми нами чувствами; оба разсуж-

даемъ, *по-человѣчески*, данными намъ или имѣемыми нами средствами для разсужденія. Иначе, ни чувствовать, ни разсуждать, принимая во вниманіе имѣемыя нами для сего *естественно* человѣческія средства, мы не можемъ Разсуждаемъ мы о предметахъ являющихся намъ въ области *человѣческаго* міра, а не въ области какого либо другого міра, и—орудіями разсужденія *человѣка*, а не какого либо другого существа! ..

Непосредственное чувство, непосредственная мысль человѣка, это—жизнь человѣка, а не иллюзія; другого непосредственнаго чувства, въ томъ или другомъ данномъ случаѣ, *для насъ*, быть не можетъ, какъ не можетъ быть на землѣ и другого рода (вкуса), *для насъ*, чувства жизни. Если это чувство—иллюзія, то и сама жизнь—иллюзія.

— Вы, пожалуй, согласитесь съ послѣднимъ заключеніемъ: жизнь наша—илюзія! Но, признавъ это, что̀ же мы выиграемъ для нашей практической жизни и для нашей науки?

Иллюзія или не иллюзія, она все-таки остается жизнью,—таковою, каковою ее намъ импозировано чувствовать и знать данными намъ чувствами и разсудкомъ.—Отрицать, *въ человѣческой* наукѣ, *реальность* непосредственнаго чувства, *человѣкомъ*, жизни, не только противорѣчиво, но и нелѣпо.

О той области, которая *импозируетъ*, мы ничего не знаемъ, но, тѣмъ не менѣе, не можемъ не принимать жизнь таковою именно, *каковою* она намъ импозируется.

Жизнь наша, для насъ, есть, конечно, реальность,— реальность во всякомъ случаѣ, хотя бы вы и захотѣли считать и называть ее иллюзіею.

По всему этому, я нахожу себя вправѣ сказать, что тотъ *фактъ*—что человѣкъ, въ мірѣ, гдѣ все находится въ перманетномъ движеніи и страданіи, *самопроизвольно и свободно, начинаетъ рядъ дѣйствій* и т. д., есть такой фактъ, который нельзя вмѣстить въ область естественнаго. Его, несомнѣнно, надо считать *сверхъестественнымъ*.

Я думаю, что не ошибусь, если выражу нижеслѣдующее:

Тотъ, кто рабски относится къ кому-либо или къ чему-либо (хотя бы и къ наукѣ), не можетъ ни понимать, ни признавать свободы.

Или же:

Тотъ, кто отрицаетъ свободу, непремѣнно относится, искренно или лицемѣрно, рабски къ чему-либо или къ кому-либо. Доказательствъ, на живыхъ примѣрахъ, можно найти не мало.

Мысль и чувство сознательно живущихъ людей, ежеминутно на практикѣ, свидѣтельствуютъ имъ объ ихъ свободѣ. Чувствовать или мыслить себя свободнымъ есть, для чувствующаго и мыслящаго, дѣло совершенно *естественное*, такое же естественное, какъ мыслить и чувствовать свѣтъ и тьму; а между тѣмъ, многіе представители современнаго научнаго движенія, чувствующіе и мыслящіе такъ же, какъ и всѣ другіе люди, добровольно и даже съ какимъ-то злорадствомъ,

лѣзутъ сами и тянутъ другихъ подъ ярмо необходимости, усиливаясь найдти законъ и для самой мысли.

Не замѣчаютъ эти псевдо-передовые мыслители, что, уже самимъ своимъ *противоестественнымъ* направленіемъ, они доказываютъ то, что желаютъ отрицать, — доказываютъ присущую мысли свободу. Свободой этой они пользуются до того широко, что, безъ всякаго стѣсненія, дозволяютъ себѣ выражать, въ ученой статьѣ, мнѣнія, подобныя даже нижеслѣдующему сообщенію, къ которому, разумѣется, нельзя относиться серьезно:

«Сила, которую мы развиваемъ, двигая губами для того, чтобы сказать *да* или *нѣтъ*, для того чтобы согласиться или отказаться, пребывала уже, нечувствительнымъ образомъ, въ нашемъ мозгу; съ самого момента нашего рожденія можно было бы уже прочесть въ немъ эти: *да* или *нѣтъ*, которые мы произносимъ нынѣ» [1])

Выдавать, читателямъ, такое невѣроятное предположеніе за предположеніе, какъ бы оправдываемое современной наукой и чуть ли ею не провѣренное, по меньшей мѣрѣ, непростительно.

Не *естественнѣе* ли, на основаніи того, что мы дѣствительно чувствуемъ, дозволить себѣ слѣдующее разсужденіе:

Считать себя *абсолютно* свободными мы не имѣемъ права,—не имѣемъ права въ томъ смыслѣ,

[1]) См. «*Revue de deux mondes*». 15 Octobre, 1891. статья: Les grandes conclusions da la psychologie contemporaine», par *Alfred Fouillée*.

что, надъ нашею волею, какъ и надъ всѣмъ сущимъ, господствуетъ Воля высшая.—Но эта Воля высшая дала нашей жизни,—жизни, которая внутренно сказывается чрезъ: «*я есмь и я долженъ*»,— чувство свободы, безъ котораго мы были бы не мыслящими изобрѣтателями и дѣятелями, спо собными видоизмѣнять импозируюшуюся намъ, въ земной жизни, картину міра, не дѣятелями (что бы, тамъ, ни говорили *со стороны*) чувствующими себя *отвѣтственными*, а автоматическими куклами.

Человѣкъ борется съ анархическими элементами своей природы, и вы желаете, конечно, что бы онъ побѣждалъ. Давайте же ему средства, могущія способствовать образованію, въ немъ, благого рѣшенія, а не парализируйте, въ борящемся, энергію, провозглашеніемъ, отъ имени будто-бы науки, того, что результатъ борьбы,— побѣда или пораженіе,—во всякомъ случаѣ, отъ него не зависитъ. Вычисляя всѣ шансы побѣды или пораженія, можете ли вы, въ самомъ дѣлѣ, предсказать навѣрное—тѣмъ или другимъ разрѣшится, въ концѣ-концовъ, борьба? Не весьма ли часто оказывается такъ, что результатъ (фактъ окончательнаго рѣшенія) выходитъ совершенно противоположнымъ тому результату, котораго вы ожидали?

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Свѣтъ жизни.

«Въ Немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ.»

Ев. Св. Іоанна. Гл. 1, Ст. 4.

Во главѣ Положеній, которыя я поддерживалъ во всѣхъ моихъ Трудахъ, изданныхъ, мною, подъ общею имъ всѣмъ рубликою: *«Къ раціональному міровоззрѣнію»*, и, выше сего, въ этой моей книгѣ, стоятъ нижеслѣдующія мои положенія:

1) Сознаніе есть не способность, а условіе всякаго бытія.

2) Нелѣпо мыслить «бытіемъ» какое либо состояніе міра, въ которомъ отсутствовало бы совершенно сознаніе.

3) Нелѣпо, стало быть, не мыслить Сознаніе Божіе, Сознаніе абсолютное, началомъ всякаго сознанія и бытія.

4) Тотъ міръ, который мы познаемъ и имѣемъ притязаніе познавать все точнѣе и точнѣе, есть міръ нашихъ человѣческихъ представленій,—от-

личный отъ міра представленій птицы, отъ міра представленій рыбы, и т. д., а не міръ *въ себѣ*, и не вселенная въ ея цѣломъ.

Эти положенія мои, я, по мѣрѣ силъ, старался поддерживать въ моихъ книгахъ. Самъ я въ истинности ихъ не сомнѣваюсь; но не знаю—успѣлъ ли я, кому либо изъ моихъ читателей, сообщить такое же убѣжденіе въ ихъ несомнѣнности, какое имѣю самъ.

Возраженій, въ печати, я не читалъ, хотя, неоднократно, вызывалъ, несоглашающихся со мной, къ добросовѣстной и серьезной полемикѣ.

Но то́, что возраженій или опроверженій не было, ничего не свидѣтельствуетъ. При полномъ равнодушіи къ общей истинѣ, которое, къ сожалѣнію, господствуетъ въ наши дни, мои *положенія*, хотя и касающіяся самыхъ существеннѣйшихъ вопросовъ жизни и философіи, могли пройдти незамѣченными. Это тѣмъ болѣе возможно, что исходили они отъ лица, не пользующагося достаточною извѣстностью въ области научнаго вѣянія времени. Я гоню отъ себя прочь предположеніе, что многіе изъ современныхъ мыслителей болѣе заботятся о пріобрѣтеніи себѣ репутаціи передового ученаго въ вышеупомянутой области, чѣмъ объ общей истинѣ, и стараюсь примириться съ игнорированіемъ моихъ положеній, хотя и не могу не сознаться, что удовольствія мнѣ это не доставляетъ.

Утѣшаетъ же меня—слѣдующее: У нѣсколькихъ ученыхъ писателей и философовъ, имена

которыхъ извѣстны всему читающему міру, я нашелъ такія мнѣнія и разсужденія, которыя если не прямо и не намѣренно, то косвенно подтверждаютъ справедливость положеній, которыя никогда не выходятъ у меня изъ мысли.

Цитируя выбранныя мѣста и излагая мои собственныя мысли въ соотвѣтствіи съ упоминаемыми положеніями, я, можетъ быть, успѣшнѣе достигну того, чтобы быть понятымъ читателями и передать имъ мое убѣжденіе въ справедливости выставленнаго мною [1]).

Можетъ быть, въ моихъ изложеніяхъ, я буду повторяться, буду возвращаться къ тому, о чемъ уже говорено выше. Но, при работѣ такого характера, какъ моя работа (назовите ее какъ хотите: философіей или метафизикой), весьма трудно избѣжать этого. Работа ума по вопросамъ жизни, это—сама умственная и духовная жизнь въ ея процессѣ. Преслѣдуя эти вопросы, она, съ горячностью, переходитъ отъ одной появляющейся искры свѣта къ другой; затѣмъ снова иногда возвращается

[1]) Ниже сего, мы приводимъ значительныя выборки изъ «Исторіи философіи» Д. Г. Льюиса а именно—изъ его разбора ученія «*Новой Академіи*» и философіи «*Беркли*».

Дабы невозможно было подумать, что мы что-либо перефразируемъ,—въ виду достиженія нашей цѣли,—въ содержаніи выборокъ, мы даемъ ихъ текстъ неизмѣненнымъ,—въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ читатель можетъ ихъ прочесть, самъ, въ книгѣ Д. Г. Льюиса. При этомъ, мы не можемъ не обратить вниманіе на то, что г-нъ Льюисъ замѣчательно ясно излагаетъ то, что́, хочетъ сказать.

Примѣч. автора.

къ первой, бросается къ третьей, и т. д.—Такая работа, поэтому, не можетъ быть строго систематизирована. Но не смотря на этотъ серьезный недостатокъ, она не впадаетъ въ тонъ, какъ бы такъ-сказать, свода какихъ либо постановленій, и не дѣлается мертвой логической аргументаціей...

Приводя довольно большія выборки изъ изложенія ученій «Новой Академіи» и философа «Беркли», я сопровождаю ихъ своими разъясненіями и замѣчаніями, изъ которыхъ явствуетъ, что я далеко не во всемъ согласенъ съ этими ученіями. Но для меня важно здѣсь только то, чтобы читатель могъ убѣдиться, что ученіе «Новой Академіи», съ разъясненіями г-на Льюиса, и ученіе *Беркли* (Льюисомъ же изложенное), въ ходѣ своихъ аргументацій, доказываютъ, хотя и не намѣренно, то, *что* я признаю за истинное.

I.

Книга Д. Г. Льюиса «Исторія философіи» [1]) доставила намъ желаемый матеріалъ, и мы просимъ *г. Чуйко*,—подъ редакціей котораго вышелъ переводъ книги,—извинить насъ за то, что мы позволяемъ себѣ сдѣлать изъ нея довольно значительныя выборки.

Глава IV книги посвящена разбору ученія «*Новой Академіи* [2]), причемъ г. Льюисъ имѣлъ,

---

[1]) «Исторія философіи» Д. Г. Льюиса, переводъ, съ послѣдняго англійскаго изданія, подъ редакціею В. Чуйко. 1889 г.

[2]) Академическая школа древней Греціи, разсматриваемая вообще, продолжалась около 400 лѣтъ, отъ Платона, ея основателя, до Антіоха. По причинѣ существеннаго различія въ началахъ многихъ представителей этой школы, въ ней различается нѣсколько видоизмѣненій. — Одни допускаютъ двѣ Академіи, другіе—три, третьи—четыре, а нѣкоторые—даже пять. Тѣ, которые находятъ двѣ Академическія школы, раздѣляютъ Академію» на *Древнюю* и *Новую*. Къ *первой* относятъ самого основателя ея Платона и послѣдователей его; къ *Новой*—Аркезилая, Карнеада и др. *См.* «*Философскій Лексиконъ*» *С. Гогоцкаго.*

преимущественно, въ виду философа Аркезилая (род. въ 316 году до Р. Х.) и философа Карнеада (род. въ 213 году до Р. Х.).

«Новая Академія, - говоритъ г. Льюисъ,—заслуживаетъ нашего вниманія уже потому, что была прославлена Цицерономъ и Гораціемъ; но возбуждаетъ интересъ не съ одной только литературной точки зрѣнія. Борьба, которой она была театромъ, имѣла, и до сихъ поръ имѣетъ особенное значеніе. Съ нею связаны жизненные вопросы о происхожденіи и достовѣрности человѣческаго знанія, которые такъ долго занимали философовъ, и послѣдствія отъ того или другого рѣшенія этой задачи имѣютъ чрезвычайную важность...»

> «Что́ такое — представленіе? Наши чувства извѣщаютъ насъ о присутствіи предмета на столько, на сколько они подвергаются его дѣйствію. Но въ чемъ состоитъ это дѣйствіе? Не *мы* ли подвергались дѣйствію, не *мы* ли терпимъ измѣненіе? Да и это измѣненіе обнаруживаетъ какъ самое себя, такъ и предметъ, причинившій его. Оно, подобно свѣту, который, проявляя себя, освѣщаетъ и предметы, на которые падаетъ; подобно свѣту [1]),

[1]) Свѣтъ этотъ, не есть ли онъ свѣтъ сознанія? «Представленіе есть особенное *измѣненіе души*».— Но, *измѣненіе* души не есть ли элементъ жизни души, а что́ такое—жизнь души, какъ не сознаніе. Свѣтъ сознанія «проявляя себя, освѣщаетъ и предметы, на которые падаетъ»... «показываетъ предметъ въ своемъ *собственномъ цвѣтѣ*». — *Прим. автора.*

оно показываетъ предметы *въ своемъ собственномъ цвѣтѣ*... Представленіе есть особенное *измѣненіе души*.. Вся задача, которую надо рѣшить, состоитъ въ слѣдующемъ: *въ точности-ли соотвѣтствуетъ всякое измѣненіе души внѣшнимъ предметамъ, причиняющимъ это измѣненіе?*

«Такова, задача представленная Академиками. Они отвѣтили, но не рѣшили ее. Они предоставили своимъ противникамъ трудъ—доказать соотвѣтствіе между объектомъ и субъектомъ. Попробуемъ (*говоритъ Льюисъ*) развить ихъ начала, и постараемся рѣшить эту проблему, такъ какъ она, до сихъ поръ, волнуетъ умы метафизиковъ.

«Ощущеніе ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствуетъ объекту, ни въ какомъ случаѣ измѣненіе не соотвѣтствуетъ внѣшней причинѣ, за исключеніемъ отношенія причины и дѣйствія. Древніе мыслители вполнѣ понимали, что, для того, чтобы признать какую-нибудь достовѣрность чувственнаго знанія, необходимо допустить, что чувства передаютъ намъ *копіи* вещей. Демокритъ первый сознался необходимость подобной гипотезы и предположилъ, что наши идеи суть *eidola*, или изображенія предметовъ, чрезвычайно тонкія, которыя выдѣляются отъ предметовъ въ видѣ испареній, и входятъ въ мозгъ чрезъ поры. Всѣ, кто не могли допустить подобнаго объясненія, замѣнили его гипотезой *впечатлѣній*.—Спросите человѣка, непосвященнаго въ подобныя изслѣдованія, вѣритъ ли онъ, что его представленія суть копіи предметовъ, думаетъ ли онъ, что цвѣтокъ, который онъ видитъ передъ собой, существуетъ совер-

шенно независимо отъ него и отъ всякаго другого человѣческаго существа, — существуетъ съ тѣми же свойствами вида, запаха, вкуса и т. д. Онъ, навѣрное, отвѣтитъ вамъ утвердительно. Онъ приметъ васъ за сумасшедшаго, если вы усумнитесь въ этомъ.—Но, уже въ ту раннюю эпоху, о которой мы теперь говоримъ, мыслящіе люди смотрѣли на наши представленія не какъ на *копіи* предметовъ, а какъ на простыя измѣненія нашего ума [1]), производимыя этими предметами. Разъ допустивъ это, приходится признать чувственное знаніе не только недостовѣрнымъ, но абсолютно ложнымъ. Можетъ ли подобное измѣненіе души быть *копіей* произведшей его причины? Это все равно, что спросить: есть ли боль, произведенная обжогомъ, копія огня?.. Похожа ли она на огонь? Выражаетъ ли она сущность огня? Нисколько. Она выражаетъ только наше отношеніе къ огню, дѣйствіе, произведенное на насъ огнемъ. Тѣмъ не менѣе огонь есть предметъ, а обжогъ ощущеніе [2]).

---

[1]) Правильнѣе было бы сказать: «измѣненія въ нашемъ *сознаніи*».—Измѣненія ума не могутъ происходить *внѣ сознанія*. *Прим. автора.*

[2]) Мы видимъ, мы слышимъ, мы ощущаемъ внѣшніе предметы; но, въ то же самое время, какъ мы ихъ такимъ образомъ чувствуемъ, мы *мыслимъ* ихъ и имѣемъ о нихъ сознаніе чрезъ нашъ внутренній сенсъ, и, чрезъ этотъ же внутренній сенсъ, имѣемъ, также, сознаніе нашего дѣйствія—видѣть, слышать и ощущать. «Безъ всякаго сомнѣнія, всякій, кто имѣетъ самомалѣйшее познаніе самого себя, не станетъ утверждать ни того, чтобы онъ могъ видѣть, слышать, ощущать предметъ, не имѣя сознанія объ этомъ предметѣ и о своемъ собственномъ дѣйствіи—слышать, видѣть,

Мы убѣждаемся въ существованіи предмета «огня» тѣмъ же путемъ, какимъ убѣждаемся въ существованіи другихъ предметовъ, по измѣненіямъ ими производимымъ, т.-е. посредствомъ ощущеній [1]).

«Возьмемъ другой примѣръ Мы говоримъ, что слышимъ громъ: другими словами, мы имѣемъ представленія о предметѣ, называемомъ «громомъ». Наше ощущеніе дѣйствительно—звуковое; его производитъ электрическое явленіе, называемое громомъ, дѣйствуя на нашъ слуховой нервъ. Но есть ли наше ощущеніе звука—копія этого явленія? Выражаетъ ли оно сколько-нибудь сущность его? Нѣтъ, оно выражаетъ только ощущеніе, получаемое нами отъ извѣстнаго электрическаго состоянія атмосферы [2]).

ощущать этотъ самый предметъ, ни того, чтобы онъ могъ видѣть, слышать, ощущать какой-либо предметъ, самъ этого не зная» а). Я, человѣкъ, сознаю-мыслю, что обжогъ произведенъ представленіемъ, которое я называю «огнемъ», а вовсе не имѣю ни нужды, ни основанія заключать о тожествѣ или сходствѣ «обжога» съ «огнемъ».—Чувственное знаніе мы можемъ разсматривать какъ соотвѣтственное нашимъ средствамъ и потребностямъ, какъ знаніе, разумѣется, не абсолютное, но и не ложное. Тотъ фактъ, что «обжогъ» (ощущеніе) не имѣетъ сходства съ «огнемъ» (предметомъ), вовсе не обусловливаетъ признанія, чувственнаго знанія, абсолютно ложнымъ.—а) *Фихте. — Примѣч. автора.*

[1]) Мы убѣждаемся въ существованіи предмета главнѣйше потому, что *иниціатива впечатлѣній зависитъ не отъ чувствующаго существа.*

[2]) Предъ ребенкомъ, имѣющимъ только лишь *ощущеніе представленій*, рисуются темныя столкнувшіяся тучи, молнія, прорѣзывающая ихъ, и ему слышится ударъ (громъ). Чело-

«Большинство людей охотно согласится съ этими положеніями, такъ какъ, вслѣдствіе весьма естественной путаницы понятій, говоря о цредставленіяхъ, люди большею частью подразумѣваютъ зрительныя представленія, потому что съ зрѣніемъ всегда связывается самое ясное знаніе, а также потому, что на зрѣніи основана гипотеза, что наши представленія суть *копіи* вещей Тѣ самыя лица, которыя охотно согласятся, что боль не есть копія огня или какого-нибудь свойства огня, за исключеніемъ его дѣйствія на наши нервы, станутъ увѣрять, что огонь, *дѣйствительно*, таковъ, каковымъ онъ представляется *глазамъ*, независимо отъ всѣхъ глазъ и отъ всякаго

вѣкъ, въ періодѣ сознанія и самосознанія, имѣетъ тѣ же ощущенія упоминаемаго явленія, но *онъ мыслитъ его, и дѣлаетъ, конечно, выводъ.* Слѣдуетъ ли однако изъ этого, что явленіе не таково, *въ человѣческомъ мірѣ*, каковымъ мы его воспринимаемъ? Ощущенія дали содержаніе сознанію, такое содержаніе, какое единственно и возможно было воспринять человѣку въ человѣческомъ мірѣ,—въ томъ мірѣ, о которомъ только и можетъ идти у насъ научная рѣчь. Причина явленія закрыта отъ ощущеній, и въ нихъ получиться не можетъ. (Нельзя же думать, что имѣются въ наше время мыслители, которые полагаютъ, что сознаніе есть чуть ли не въ *буквальномъ смыслѣ* зеркало, въ которомъ цѣликомъ отражаются внѣшніе предметы или явленія!). Все, что̀ можетъ непосредственно воспроизвестись или получиться въ сознаніи, оно получаетъ, и, изъ того, что явленіе не выражается, все вполнѣ, въ ощущеніяхъ, мы не имѣемъ права заключать,—какъ это дѣлаетъ г. Льюисъ,—что оно (явленіе) крайне не похоже на то, каковымъ мы его знаемъ, мыслимъ и познаемъ.

Прим автора.

человѣческаго зрѣнія [1]). Если-бы однако всѣ чувствующія существа вдругъ исчезли съ лица земли, то огонь вовсе не имѣлъ бы свойства *похожаго* на боль; ибо боль есть измѣненіе не огня, а чувствительнаго существа. Точно также, еслибы всѣ чувствующія существа вдругъ исчезли съ лица земли, то огонь тоже лишился бы свойства *похожаго* на свѣтъ и цвѣтъ, такъ какъ свѣтъ и цвѣтъ суть измѣненія чувствительнаго существа, производимыя *чѣмъ-то* внѣшнимъ, такъ же мало похожія на свою причину, какъ боль, причиняемая какимъ-нибудь инструментомъ, похожа на этотъ инструментъ [2]).

---

[1]) Мы познаемъ предметъ таковымъ, каковымъ онъ есть для насъ, и инымъ онъ для насъ не будетъ, познаемъ его съ тѣми свойствами и качествами каковыми его надѣляемъ, и иныхъ качествъ мы у него не откроемъ Если онъ имѣетъ еще другія свойства и качества, то они не могутъ быть схвачены сознаніемъ человѣческимъ, и если предметъ существуетъ иначе, чѣмъ существуетъ для насъ, то узнать и познать его было бы въ состояніи только другое сознаніе, во всякомъ случаѣ въ чемъ-либо отличное отъ сознанія человѣческаго.—*Прим. автора.*

[2]) Я писалъ въ моей книгѣ: Пути къ раціональному міровоззрѣнію». *(Часть II, стран. 130—132)*:

«Предположимъ, что на земномъ шарѣ не находилось бы ни одного существа съ сознаніемъ, предположимъ даже (дабы скорѣе придти къ тому, что̀ желаемъ высказать), что на землѣ не находилось бы ни одного животнаго, ни одного живаго существа, что съ нея, напримѣръ, смыло все живое и, предположивъ все это, спросимъ себя: Можно ли, говоря про такой шаръ, употребить слова: «*онъ есть*», если-бы такому земному шару не противостояло чье-либо сознаніе, гдѣ-нибудь на солнцѣ, на лунѣ, и т. п., а въ случаѣ не-

«Боль и цвѣтъ суть измѣненія чувствующаго существа; слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому: можетъ ли измѣненіе чувствующаго существа быть копіей своей причины? Ясно, что отвѣтъ будетъ отрицательный.

«Мы можемъ вообразить, видя предметъ, что наше ощущеніе есть копія его, такъ какъ мы увѣрены, что предметъ рисуется на сѣтчатой оболочкѣ нашего глаза, и мы сравниваемъ наше ощущеніе съ зеркаломъ, въ которомъ отражаются предметы. Весьма трудно отрѣшиться отъ этого предубѣжденія; но мы можемъ сознать свою ошибку, если обратимся къ представленіямъ не зрительнымъ, а къ представленіямъ звука, обонянія, вкуса или боли. Тогда для насъ станетъ очевидно, что всѣ они суть не что иное, какъ измѣненія

имѣнія сознанія и на нихъ, если-бы таковому земному шару не противостояло Сознаніе Божіе.

Кто, какъ и когда могъ бы утверждать бытіе такого земнаго шара, если-бы не существовало нигдѣ сознанія. Что̀ такое было бы съ *предметами* міра, когда не было бы сознанія.

«Если-бы міръ могъ быть безъ сознанія, то чѣмъ былъ бы онъ въ своихъ, кажущимися намъ разнообразными, предметахъ? Вѣдь предметы отличаются свойствами, аттрибутами, а свойства вкладываются, аттрибуты приписываются субъективностью; законы нашего ума вводятся въ представляемое, и, такимъ образомъ, изъ представляющагося или представляемаго составляется, субъектомъ, то, что̀ онъ называетъ «своимъ міромъ». Основа же, субстратъ представляющагося, субстратъ вещей, это—непосредственное дѣло Бога.

Повторяемъ: Что̀ такое былъ бы міръ, когда не было бы сознанія? *Могло ли что-либо быть изъ того, что̀ было, есть, или произошло, если вначалѣ не было бы Сознанія, не было бы Слова?*

нашего чувствующаго существа, *причиняемыя* внѣшними предметами, но нисколько не похожія на нихъ. Мы всѣ согласны, что теплота заключается не въ огнѣ, а въ насъ; что сладость не въ сахарѣ, а въ насъ; что запахъ порождается частицами, которыя, прикасаясь къ обонятельному нерву, вызываютъ въ насъ ощущеніе. Во всѣхъ существахъ, подобныхъ по организаціи, эти предметы произведутъ одинаковыя дѣйствія, какъ-то: боль, сладость, запахъ; но на всѣ другія существа и дѣйствіе будетъ другое. Огонь сожжетъ бумагу, но не причинитъ ей боли; сахаръ смѣшается съ водой, но не дастъ ей ощущеніе сладости.

«Коренная ошибка тѣхъ, которые воображаютъ, будто мы воспринимаемъ предметы *такими, каковыми они суть*, состоитъ въ томъ, что они принимаютъ метаѳору за фактъ, и думаютъ, что умъ есть зеркало, въ которомъ отражаются внѣшніе предметы. Но,—какъ прекрасно замѣтилъ Бэконъ,—«*человѣческое пониманіе* похоже на зеркало съ неровною поверхностью, которая, мѣшая свою собственную природу съ природою вещей, обезображиваетъ и искажаетъ ихъ». Мы приписываемъ теплоту—огню, и цвѣтъ—цвѣтку; на самомъ же дѣлѣ, теплота и свѣтъ суть *состоянія нашего сознанія*, вызываемыя огнемъ и цвѣткомъ, при извѣстныхъ условіяхъ.

«Представленіе есть не что иное, какъ *состояніе воспринимающаго*, т.-е. состояніе сознанія. Это состояніе можетъ быть вызвано какою нибудь внѣшнею причиной, и настолько сложно, насколько сложна сама причина; но, все-таки, оно есть не болѣе, какъ *состояніе сознанія*, какъ дѣйствіе, произведенное соотвѣт-

ствующей причиной. Мы сознаемъ всякую перемѣну въ нашемъ ощущеніи и со временемъ привыкаемъ давать опредѣленныя названія и формы причинамъ этихъ перемѣнъ. Но въ самомъ фактѣ сознанія нѣтъ ничего, *кромѣ* сознанія. — Въ нашихъ представленіяхъ, мы сознаемъ только измѣненія, происшедшія въ насъ: мы никакъ не можемъ выдти изъ области своего собственнаго сознанія; мы никакъ не можемъ выдти изъ самихъ себя и познать объекты, причинившіе эти измѣненія. Мы можемъ только отожествить извѣстныя *внѣшнія проявленія* съ извѣстными внутренними измѣненіями, т.-е. отожествить проявленіе, называемое «огнемъ» съ извѣстными ощущеніями, которыя, какъ намъ извѣстно, слѣдуютъ за нашимъ приближеніемъ къ огню. Оборачивайте, какъ угодно, фактъ сознанія,—вы не увидите въ немъ ничего, кромѣ измѣненія чувствующаго существа, произведеннаго какою либо внѣшней причиной. Сознаніе не есть зеркало міра; оно не даетъ вѣрныхъ отраженій вещей — каковы онѣ суть сами по себѣ; оно даетъ только вѣрный отчетъ своего собственнаго измѣненія, *возбужденнаго* внѣшними предметами [1])

«Міръ, независимо отъ нашего сознанія, т.-е. *non ego quâ non ego*, міръ *per se* есть, по всей вѣроятности, нѣчто крайне не похожее на міръ, какимъ мы его знаемъ, потому что все, что̀ мы знаемъ о немъ, получается пу-

[1]) Здѣсь, страннымъ образомъ забывается то̀, что сознаніе не только лишь пассивно, но и *активно*. Оно, одно, дѣлаетъ возможнымъ опытъ и ставитъ предметъ, опредѣляя его при пособіи своихъ агентовъ: ощущенія, воли, мысли.

темъ сознанія дѣйствій, которыя міръ производитъ *на насъ*, и наше сознаніе есть, очевидно, только *состояніе насъ самихъ*, а не копія внѣшнихъ предметовъ [1]).

«Насъ могутъ спросить: Изъ чего вы заключаете, что міръ отличенъ отъ того, какимъ онъ представляется намъ?

«Вопросъ этотъ умѣстенъ, и на него можно отвѣтить въ нѣсколькихъ словахъ. Міръ *per se* долженъ отличаться отъ того, какимъ онъ представляется нашему сознанію, потому что онъ извѣстенъ намъ только какъ отношеніе причины къ дѣйствію. Міръ есть причина; наше сознаніе есть дѣйствіе [2]).

«Но та же самая причина, вліяя на иную организацію, произведетъ и совершенно иное дѣйствіе. Еслибы всѣ животныя были слѣпы, то не было бы *свѣта* (т. е. свѣта, какимъ мы его знаемъ), такъ какъ свѣтъ есть *явленіе*, порождаемое дѣйствіемъ чего-то неизвѣстнаго на нашу сѣтчатую оболочку. Еслибы всѣ животныя были глухи, то не было бы и *звука*, такъ какъ звукъ есть явленіе, порождаемое дѣйствіемъ чего-то неизвѣстнаго на нашу барабанную перепонку. Еслибы всѣ люди были лишены нервной системы, то не было бы *боли*, потому что боль есть *явленіе*, произ-

---

[1]) Я же говорилъ постоянно, что, при отсутствіи человѣческаго сознанія, не существовало бы и человѣческаго міра, и что, при абсолютномъ отсутствіи сознанія, не существовало бы ничего. *Прим. автора.*

[2]) Я утверждалъ и утверждаю совершенно противное: Сознаніе есть причина, а міръ—результатъ опредѣляющаго сознанія.

Прим. автора.

водимое дѣйствіемъ чего либо внѣшняго на спеціальныя части нервной системы [1]).

«Свѣтъ, цвѣтъ, звукъ, вкусъ, запахъ, все это—состоянія сознанія; что̀ такое они за предѣлами сознанія, сами по себѣ,—мы не можемъ ни знать, ни воображать, потому что можемъ представить ихъ себѣ только тѣмъ, чѣмъ мы ихъ знаемъ. Свѣтъ, съ его міріадами формъ и цвѣтовъ, звукъ съ его безчисленными измѣненіями—дѣлаютъ природу такою, какою она представляется намъ. Но они не существуютъ, *какъ таковые*, отдѣльно отъ нашего сознанія; они—одѣянія, въ которыя мы облекаемъ міръ. Природа, въ ея безчувственномъ уединеніи, есть вѣчная тьма, вѣчное безмолвіе [2]).

---

[1]) Въ книгѣ моей «О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ» (1882 г.), я говорилъ: Если не имѣлось бы ушей (сенса слуха), то не было бы и міра слуха; если не имѣлось бы сенса осязанія, то не имѣлось бы и міра осязанія; если не имѣлось бы глазъ (сенса зрѣнія), то не было бы и міра зрѣнія, и. т. д. Если не имѣлось бы всѣхъ пяти сенсовъ и, синтезирующаго впечатлѣнія сенсовъ, человѣческаго разсудка, то не было бы и міра человѣческихъ представленій.

[2]) Въ книгѣ моей: «Голосъ долга. Мысли о воспитаніи человѣка» (Стр. 28—48), воспроизводя рядъ мыслей, поднявшихся, во мнѣ, на вершинѣ Швейцарскаго Ледника, я говорилъ:

«Еслибы меня не было,—что̀ сталось бы съ такъ-называемымъ міромъ,—съ міромъ человѣческаго сознанія? Вѣдь все свое великолѣпіе, она (картина міра) получаетъ отъ меня. Могущество ея оцѣнивается моею мощью; силы ея измѣряются моими силами; свойствами моими она одѣвается; моими красками—раскрашивается, моими звуками поетъ и переполняется; моимъ синтезомъ, ставящимъ предметы въ соотношенія, связуется.—И сама красота ея есть не что

«Изъ этого мы заключаемъ, что міръ *per se* совсѣмъ не походитъ на міръ, какимъ онъ представляется намъ. Представленіе есть дѣйствіе; истина его заключается не въ *сходствѣ*, а въ *отношеніи*, т.-е. въ изображеніи настоящаго дѣйствія міра на насъ, настоящей связи причины и слѣдствія. Но представленіе не есть точное подобіе міра; сознаніе не есть зеркало отражающее внѣшніе предметы.

«Замѣнимъ метафору «зеркало» болѣе отвлеченнымъ выраженіемъ. «Представленіе есть

иное, какъ символъ того, что́ имѣется во мнѣ лучшаго, непогибающаго, вполнѣ независимаго,—символъ вложеннаго въ меня элемента добра.

«Картина, симфонія, поэма, наука,—все въ чемъ такъ-называемый человѣческій міръ представляется, въ чемъ рисуется,—все это зависитъ отъ отношенія ко мнѣ, все это заимствовано изъ моего фонда.

«Непосредствено чувствуется мною красное, непосредственно чувствуется мною твердое, непосредственно чувствуется и существованіе какъ существованіе. Да и всякое знаніе о чемъ либо существующемъ приводится къ непосредственному чувству. Если не имѣлось бы непосредственно чувствующаго, то не имѣлось бы ни краснаго, ни твердаго, не имѣлось бы, однимъ словомъ, существованія человѣческаго міра. Еслибы міръ существовалъ безъ всякаго отношенія ко мнѣ, то какъ бы я могъ знать объ этомъ существованіи, и, для меня, не все ли было бы равно, какъ еслибы этотъ міръ и не существовалъ бы вовсе?

Свѣтло, темно, черно красно, тепло, твердо, холодно, громко, тихо,—вѣдь все это имѣется только лишь въ отношеніи ко мнѣ. Если бы меня не было,—какой смыслъ имѣли бы эти различія? А безъ нихъ, могла ли бы существовать картина? Могло ли бы существовать рисуемое и построиваемое безъ рисующаго и строящаго?»

результатъ дѣйствія внѣшняго предмета на чувствующее существо»,—и тогда разсѣется большая часть путанницы, затемняющей этотъ вопросъ. Мы знаемъ, что результатъ соотвѣтствуетъ причинѣ, но не *походитъ* на нее. Результатъ не есть копія причины, точно такъ же, какъ боль не есть копія приложенія огня къ пальцу: *ergo*, представленіе никогда не можетъ намъ дать точнаго понятія о томъ, что̀ такое предметъ *per se*, но только показываетъ каковъ онъ по отношенію къ намъ.

«Было говорено, что̀, хотя ни одно чувство не даетъ намъ правильнаго впечатлѣнія о чемъ бы то ни было, но, все-таки, мы можемъ подтвердить или измѣнить показаніе однаго чувства показаніемъ другого, и что результатомъ совмѣстной дѣятельности всѣхъ пяти чувствъ и является вѣрное впечатлѣніе внѣшняго предмета. Это - курьезное заблужденіе: точно будто извѣстнаго количества *ложныхъ* впечатлѣній достаточно для одного истиннаго!

«Изъ предъидущихъ посылокъ можно вывести слѣдующее заключеніе: между предметомъ и ощущеніемъ нѣтъ другого соотвѣтствія, кромѣ причины и слѣдствія. Ощущенія не суть—копіи предметовъ, и совсѣмъ не похожи на нихъ. Такъ какъ мы можемъ знать только наши ощущенія, то мы никогда не будемъ въ состояніи удостовѣриться въ истинѣ относительно предметовъ.

«Это опять приводитъ насъ къ Новой Академіи (*замѣчаетъ Льюисъ*), послѣдователи которой упорно держались мнѣнія, что представленіе, будучи лишь измѣненіемъ

души, никогда не можетъ открыть настоящую причину вещей»... [1]).

Г. Льюисъ говоритъ: «Міръ *per se* долженъ отличаться отъ того, какимъ онъ представляется нашему сознанію, потому что онъ извѣстенъ намъ только какъ отношеніе причины къ дѣйствію Міръ есть причина; наше сознаніе есть дѣйствіе»...

Я думаю не такъ:

Причина имѣется; но причина эта не міръ (каковъ бы онъ ни былъ), а Тотъ, кто поставилъ въ соотношеніе субъекта и объектъ. Сознаніе есть не слѣдствіе или дѣйствіе, а *сама жизнь*, *жизнь представляющая*, *условіе всякаго бытія*, не говоря уже о томъ, что оно есть—жизнь сообразная цѣли. Сознаніе, какъ *жизнь*, и активно и пассивно вмѣстѣ. Все уполномочиваетъ насъ мыслить, что жизнь должна выполнять, на опредѣленной аренѣ, въ предоставленной ей средѣ, импозированную ей миссію. Для выполненія миссіи, она должна знать и познавать эту среду, а потому должна и имѣть, для этого, средства. И вотъ, факторами для познанія, даны ей ощущеніе и мысль. *Ощущенія*, это—факторы органической жизни, дающіе возможность дѣйствованія въ данной средѣ. *Мысль-сознаніе* есть сама непосредственная, свободная, непрекращающаяся жизнь.

---

[1]) «Исторія философіи» Льюиса, пер. подъ редак. В. Чуйко. Стр 296—301.

Въ періодѣ пассивнаго состоянія жизни имѣются только ощущенія, но не опредѣляется еще предметъ: видится *картина; слышится; тепло* или *холодно; ароматно; голодно,*—однимъ словомъ-ощущается, чувствуется и больше ничего. Со вступленіемъ же человѣческаго существа въ активный періодъ жизни, ощущенія начинаютъ опредѣляться. Съ открывающимся движеніемъ къ самосохраненію и къ самоудовлетворенію, сознаніе, силою своего собственнаго фонда (но--спонтаненто), комбинируетъ элементы картины (т.-е. зрительное ощущеніе) со всѣми другими ощущеніями, связывая ихъ между собою и ставя въ соотношенія логическимъ процессомъ, и процессомъ спеціально человѣческимъ. Съ первымъ движеніемъ организма получаются понятія: величины, протяженія, разстоянія, пространства съ тремя измѣреніями. Картина становится уже осмысленною средою,—средою предметною. Слышится шумъ своихъ шаговъ, звукъ отъ паденія камня. Осязается твердость камня, жидкость воды, жаръ солнца. Обоняется ароматъ цвѣтка. Вкушается, въ движеніи къ удовлетворенію голода, сладость винограда, горечь полыни, свѣжесть воды.

Въ средѣ другихъ предметовъ, человѣкъ видитъ и себя предметомъ, и старается встать, со всѣмъ представляющимся, въ отношенія, требуемыя его положеніемъ сознательно живаго существа между другими существами. Стремленіе къ самосбереженію и къ самоудовлетворенію стимулируетъ его.

Ощущеніямъ и не нужно походить на предметы. Предметъ получается не прямо отъ ощущеній, а чрезъ обмысленную и *обсмысленную* комбинировку ощущеній.

Какимъ образомъ даются ощущенія, и, между ними, зрительное ощущеніе, картина, которая, оживленная начинающимъ функціонировать сознаніемъ, становится предметомъ и предметною средой, - мы не узнаемъ никогда. Но въ предметѣ, таковомъ, каковымъ онъ намъ представляется (т.-е. въ представленіи нашемъ), не имѣется никакой другой опоры или основы, никакого еще другого предмета *per se* или *en soi*. За представленіемъ, не имѣется ничего для человѣка, кромѣ его сознанія, которое есть не представленіе, а само представляющее.

Что же такое — это: *per se, en soi, an sich* — философовъ? Искать значенія этого термина въ естественномъ порядкѣ вещей — напрасно, но не признавать невозможно. Это:—Сознаніе, какъ условіе всякаго бытія.

Не міра *per se* должны разъискивать мы (это и самонадѣянно, и напрасно), а искать, въ теченіи жизни, Волю Бога, и стараться ей повиноваться. Тогда умственный взоръ нашъ очистится, и мы, яснѣе, будемъ видѣть то, чего, теперь, не видимъ, но что, однако, можемъ видѣть и должны были бы видѣть.

Міра *per se*,—мы не узнаемъ никогда. Если же онъ, тѣмъ не менѣе, существуетъ, если мы утверждаемъ, что разумъ вынуждаетъ насъ допустить

его существованіе, его бытіе, то мы тогда никакъ не можемъ не допустить существованія на фактѣ, кромѣ человѣческаго сознанія, другого сознанія, и сознанія высшаго, для котораго этотъ міръ *per se estъ* нѣчто опредѣленное. Вѣдь «*бытъ*», значитъ—находиться въ сознаніи. Если же мы допускаемъ существованіе высшаго сознанія, то тогда должны признать, какъ импозирующійся фактъ, Носителя этого сознанія, ибо сознаніе немыслимо безъ носителя, безъ личности. «Нѣтъ разума безъ личности», говорилъ Ф. Г. Якоби. Должно сказать также: «Нѣтъ свободнаго сознанія безъ личности».

Ученыхъ заботитъ тѣло, матерія. Они (ученые) предполагаютъ, съ давнихъ временъ, что въ тѣлѣ, кромѣ тѣхъ свойствъ и качествъ, которыя мы воспринимаемъ, имѣется основа, *substratum*, какъ носитель, такъ-сказать, этихъ свойствъ и качествъ. Эту основу вообще называютъ «матеріею», и, съ самаго зарожденія науки, не перестаютъ разъискивать ее.

Предо мною — тѣло, или то́, что̀ мы воспринимаемъ какъ тѣло [1]). Если я буду дѣлить его сначала инструментами, а затѣмъ,—когда частицы тѣла станутъ до того мелкими, что перестанутъ быть видимыми и ощутимыми чрезъ инструменты,—буду продолжать дѣленіе мысленно, то, до какихъ бы мелкихъ частицъ ни доходилъ

[1]) Для того, чтобы нижеслѣдующее разсужденіе было яснѣе, представьте себѣ, пожалуй, какое либо простое тѣло.

бы я такимъ мысленнымъ дѣленіемъ,—я, все-таки, не перестану ихъ мыслить, представлять, какъ видимыми, осязаемыми *въ себѣ* (именно: *въ себѣ*, хотя быть *чѣмъ нибудь*, частица, могла бы только лишь для органа моихъ чувствъ). Эта невозможность мыслить—упоминаемыя частицы иначе—приводитъ къ заключенію, что въ тѣлѣ нѣтъ ничего другого еще, кромѣ свойства быть воспринимаемымъ такимъ, какимъ я его воспринималъ и воспринимаю.

Повторяю: невозможность не мыслить частицы (не смотря на крайнюю, вслѣдствіе нескончаемаго мысленнаго дѣленія, ихъ мелкоту) все-таки воспринимаемыми *въ себѣ* (воспринимаемыми не вообще, не абсолютнымъ образомъ, но—съ опредѣленными свойствами, даваемыми моими ощущеніями, то-есть съ такимъ или другимъ цвѣтомъ, съ тою или другою степенью шороховатаго или гладкаго ихъ поверхности) доказываетъ, что въ тѣлѣ не имѣется ничего болѣе, кромѣ того, что̀ я въ немъ воспринимаю. Субстратъ, основа тѣла, а есть не что иное, какъ то́, чему быть надлежитъ, для того, чтобы быть воспринятымъ, человѣкомъ, такимъ, какимъ я его воспринимаю [1]).

Сторонникамъ теоріи развитія я бы сказалъ: къ какому простому зародышу вы бы ни восзошли, желая видѣть въ немъ начальное звено ряда, слѣдующихъ другъ за другомъ, преобразованій въ органической и въ такъ-называемой неорганиче-

[1]) Мысль такого объясненія взялъ я у І. Г. Фихте — *Прим. автора.*

ской природѣ, все-таки этотъ зародышъ не будетъ имѣть никакого другого основнаго свойства, кромѣ свойства—быть воспринятымъ вами такимъ, какимъ вы его воспринимаете.

Выборку изъ главы IV «Исторіи философіи» Льюиса, посвященной Новой Академіи, я привелъ здѣсь, имѣя въ виду обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что, сквозь аргументацію Г. Льюиса, направляющуюся къ тому, чтобы дать рѣшеніе по вопросамъ поставленнымъ *Академиками*, выступаетъ, совершенно ясно, несомнѣнная истинность, упомянутыхъ выше, 1-го и 2-го изъ поддерживаемыхъ мною положеній,— выступаетъ помимо предвзятаго намѣренія аргументирующаго, который имѣлъ въ виду, конечно, не эти Положенія. *Первое Положеніе*: «Сознаніе есть не способность, а условіе всякаго бытія». *Второе Положеніе*: «Нелѣпо мыслить «бытіемъ» какое либо состояніе міра, въ которомъ отсутствовало бы совершенно сознаніе».

II.

Мы читаемъ въ книгѣ Льюиса, въ статьѣ о Декартѣ, между прочимъ, нижеслѣдующее:

> Въ посвященіи къ своимъ «Méditations», Декартъ говоритъ: Сознаніе есть основаніе всякой несомнѣнности. Что я отчетливо сознаю, то для меня, несомнѣнно; всѣ идеи, которыя я нахожу въ своемъ сознаніи ясно понятыми, должны быть истинны Вѣра въ мое собственное существованіе вытекаетъ изъ факта моего сознанія. *Я думаю*, значитъ—я *еуществую*. Лишь только я начинаю ясно сознавать истину, мнѣ невозможно не вѣрить въ нее, и если эта вѣра такъ тверда, что я никогда не могу имѣть основанія сомнѣваться въ томъ, во что я вѣрю, то это значитъ, что я достигъ полной несомнѣнности, какой только можно желать,
>
> Далѣе: Мы познаемъ предметы находящіеся внѣ насъ только чрезъ посредство идей. Отсюда слѣдуетъ, говоритъ Декартъ, что *все, что мы находимъ въ идеяхъ, необходимо должно заключаться во внѣшнихъ предметахъ.*
>
> Только умъ нашъ можетъ сказать—существуютъ ли предметы или нѣтъ. Въ слѣдствіи не можетъ быть болѣе реальности, чѣмъ въ причинѣ. Внѣшній предметъ, какъ причина идеи, долженъ поэтому заключать въ себѣ столько же реальности, сколько ея—въ идеѣ, и *vice versâ*. Такимъ образомъ, все, что мы сознаемъ существующимъ, существуетъ.
>
> Вотъ основаніе, на которомъ построена система Декарта,—говоритъ Льюисъ;—если

это основаніе окажется несостоятельнымъ, то все зданіе должно будетъ рухнуть. Если корень попорченъ, то дерево не дастъ плодовъ. Ни одинъ мыслитель, за исключеніемъ Спинозы, такъ ясно и откровенно не высказывалъ своего критерія. Примемъ же предложенный имъ (Декартомъ) вызовъ, и воспользуемся случаемъ свести, другъ съ другомъ, защитниковъ и противниковъ философіи.

Если Декартъ заблуждается, и сознаніе не есть конечная основа несомнѣнности, обнимающая какъ объектъ такъ и субъектъ, если идеи не суть внутреннія копіи внѣшнихъ предметовъ,—то философія должна отказаться отъ всякихъ притязаній на достовѣрность, а искать убѣжища снова въ вѣрѣ

И Декартъ заблуждается. Въ этомъ обличаетъ его то самое сознаніе, къ которому онъ обращается.—Вотъ въ чемъ ошибка его системы: сознаніе есть конечная основа несомнѣнности *для меня*; если я сознаю, что существую, то не могу сомнѣваться въ своемъ существованіи; если я сознаю, что страдаю, то, значитъ, я дѣйствительно страдаю. Это очевидно само по себѣ. Но какое основаніе несомнѣнности можетъ представить мнѣ сознаніе относительно предметовъ, которые—*не я*? Какимъ образомъ можетъ примѣниться принципъ несомнѣнности? Какъ далеко онъ можетъ простираться. Онъ можетъ простираться только на то, что̀ имѣетъ отношеніе *ко мнѣ*. Я сознаю все, что происходитъ въ сферѣ *моего я*, но не сознаю того, что происходитъ въ *не я*; все, что я могу узнать объ этомъ *не—я*, ограничивается его *дѣйствіемъ на меня*.

Итакъ, сознанію доступно только то, что́ заключено *во мнѣ* и что́ происходитъ *во мнѣ*; далѣе этого оно простираться не можетъ. Всякаго рода иныя идеи, всякія знанія относительно того, что—*не я*, могутъ получаться только путемъ *вывода*. Такъ, напримѣръ, если я обжегся огнемъ, я сознаю ощущеніе, имѣю о немъ точное и опредѣленное свѣдѣніе. Но для меня несомнѣнна только перемѣна, происшедшая въ моемъ сознаніи, и когда изъ этой перемѣны я *вывожу* существованіе внѣшняго предмета (огня), то мой выводъ *можетъ быть* вѣренъ; но, очевидно, что я стою уже на другой почвѣ; сознаніе—мой принципъ несомнѣнности покидаетъ меня здѣсь; я отправлюсь отъ своего *я*—чтобы сдѣлать заключеніе о существованіи чего-то, что́ есть *не я*. Мое сознаніе объ ощущеніи было *непосредственное*, несомнѣнное, но мое знаніе о предметѣ *посредственно*, не твердо [1]).

Не заблуждается ли самъ Г. Льюисъ, опровергая Декарта. Желательно было-бы знать, что́ онъ (Льюисъ) относитъ къ происходящему въ сферѣ *моего я?*

Онъ говоритъ: «если я обжегся огнемъ,—я сознаю ощущеніе, имѣю о немъ (объ ощущеніи) точное, непосредственное свѣдѣніе». Но «я обжегся»—что́ значитъ это? Обожглась часть моего тѣла, обжегся мой палецъ, напримѣръ. Я сознаю, что обжегся мой палецъ, имѣвъ уже прежде,

---

[1]) См. «Исторія философіи» Льюиса. Пер. подъ ред. В. Чуйко Стр. 434—436.

чрезъ ощущеніе, непосредственное свѣдѣніе о существованіи моего пальца тѣсно связанномъ съ моимъ сознаніемъ,—о существованіи его таковымъ, каковымъ я его знаю. Палецъ мой, какъ и все мое тѣло, не можетъ не принадлежать къ сферѣ *моего —я*. Я ощущаю его фигуру, его видъ, его движенія, и, ощущая, разумѣется мыслю его, и сознаю, что онъ, палецъ, находится въ сферѣ моего непосредственнаго вѣдѣнія. Я мыслю его, и чувствую его связаннымъ съ моимъ сознаніемъ,—значитъ: онъ существуетъ.

Когда Декартъ говоритъ: «Я мыслю, значитъ —я существую», то, идя въ мысли далѣе, онъ долженъ былъ бы думать: «существую таковымъ, каковымъ вижу, ощущаю и мыслю себя, существую съ чувствомъ своего тѣла, съ чувствомъ своего пальца».

Если мой палецъ былъ бы отрѣзанъ, и я, вслѣдъ за симъ, сталъ бы глядѣть на него какъ на всякій внѣшній предметъ, то могъ ли бы я утверждать, что сознаніе ничего не говоритъ мнѣ объ этомъ внѣшнемъ предметѣ, и что я ничего не знаю о немъ, кромѣ того, что онъ дѣйствуетъ, на меня? Нѣтъ: я буду говорить, что это мой палецъ,—такого именно вида, таковой фигуры, и пр., каковымъ я зналъ его тогда, когда онъ не былъ еще отдѣленъ отъ моего тѣла.

Какая же разница, въ дѣлѣ знанія внѣшнихъ предметовъ, между этимъ отрѣзаннымъ пальцомъ и этимъ, видимымъ мною, «пламенемъ» обжегшимъ его, которые оба суть, относительно меня,

внѣшніе предметы? Разница была, когда палецъ не былъ еще отрѣзанъ. Ощущеніе обжога получалось, тогда, непосредственно въ сознаніи. Теперь же, когда онъ (палецъ) отдѣленъ отъ меня, ощущенія этого сознаніе не имѣетъ и не могло бы имѣть. Непосредственная связь ощущенія, пальцомъ, обжога съ сознаніемъ прервана. Но, тѣмъ не менѣе, онъ, хотя и сталъ внѣшнимъ предметомъ, остается, все-таки, для меня, пальцомъ, каковымъ я зналъ его, каковымъ я схватывалъ его, моимъ сознаніемъ, непосредственно.

Внѣшній предметъ, пламя, находится, относительно *моего—я*, совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и мой отрѣзанный палецъ. Каковымъ, сознаніе мое, чрезъ ощущеніе, схватываетъ палецъ, таковымъ онъ и есть какъ внѣшній предметъ, и инымъ, для меня, въ мірѣ человѣческомъ представляться не можетъ. Каковымъ, сознаніе мое, чрезъ ощущеніе, схватываетъ пламя, таково оно и есть какъ внѣшній предметъ, и инымъ, для меня, въ мірѣ человѣческомъ не будетъ. Какъ палецъ, такъ и пламя, въ дѣлѣ знанія ихъ или о нихъ, даются одинаковымъ образомъ, чрезъ ощущеніе, моему сознанію.

Если бы стали возражать, говоря, что сознаніе не даетъ мнѣ никакого *непосредственнаго*, опредѣленнаго, свѣдѣнія о пальцѣ—и тогда даже, когда онъ еще не отрѣзанъ и находится еще въ составѣ моего физическаго естества, то я отвѣтилъ бы, что, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ допустить возможность того, что и внутренній

характеръ-вкусъ моихъ ощущеній тоже не тотъ, каковымъ я сознаю его. Допуская же послѣднее, мы должны придти къ заключенію, что не о чемъ говорить въ дѣлѣ познанія, такъ какъ предполагаемыя нами средства познаванія только лишь вводятъ насъ въ заблужденіе [1]).

Льюисъ говоритъ, что Декартъ не правъ, когда утверждаетъ, что «все, что́ мы находимъ въ идеяхъ, необходимо должно быть истинно и относительно предметовъ». (Должно полагать, что, въ изложеніи этого положенія, пропущены или подразумѣваются два слова: «предметовъ» и «самихъ», и что слѣдуетъ положеніе читать такъ: «Все, что́ мы находимъ *въ идеяхъ предметовъ*, необходимо должно быть истинно и относительно *самихъ предметовъ*»).

Жизнь человѣческихъ существъ должна,—какъ мнѣ кажется, и какъ я уже говорилъ выше,—начать сказываться такимъ образомъ:

Слышится; звучитъ (*слухъ*); жостко, холодно, препятствуетъ (*осязаніе*); ароматно, сладко (*обоняніе и вкусъ*); рисуется фигура, *картина* (*зрѣніе*) [2]).

Съ первымъ движеніемъ тѣла или частей тѣла, получается чувство обособленности, отдѣльности своей живой ощущающей сферы (своего тѣла), а вмѣстѣ съ этимъ, поэтому, и чувство присутствія чего-то этой живой сферѣ непринадлежащаго.—Затѣмъ, чувствуется разнообразіе элемен-

[1]) То же самое я говорилъ уже въ Первой части этой моей книги.

[2]) См. мою книгу: «Пути къ раціональному міровоззрѣнію». 1880. Часть вторая (По вопросу о знаніи). Стр. 137—153.

товъ изъ которыхъ состоитъ тѣло и отдѣльность ихъ отъ ощущаемыхъ, но ощущаемыхъ нѣсколько иначе разнообразныхъ элементовъ другой сферы, —элементовъ къ живой сферѣ не принадлежащихъ. Различія пробуждаютъ активное чувство жизни, *чувство знаменованія*, дающихся спонтанентно, ощущеніями и движеніями, представленій. Порождаются, въ развертывающемся сознаніи, отдѣльныя понятія какъ *знаки* обозначающіе каждый изъ различныхъ элементовъ. Эти понятія, по мѣрѣ прихожденія человѣка къ самосознанію и сознанію, и къ разговорному слову, становятся, чрезъ вступленіе въ дѣйствіе данныхъ, человѣку, средствъ для сознательной жизни, болѣе или менѣе опредѣленными *идеями*.

Вотъ, про такія *идеи*, и имѣется полное основаніе сказать, что «все, что̀ имѣется въ идеяхъ, необходимо должно быть истинно и относительно *представленій*».

(Мы замѣнили только слово «предметъ» словомъ «представленіе». Сдѣлали мы это потому, что толкуемъ о мірѣ человѣческаго сознанія (а не о какомъ либо другомъ мірѣ), въ которомъ всякій такъ-называемый «предметъ», какъ нѣчто *опредѣляемое* человѣческимъ сознаніемъ, какъ нѣчто такъ именно, а не иначе ему представляющееся, правильнѣе называть «представленіемъ человѣка»).

Повторю то-же самое другими словами:

Выше, въ сей книгѣ, я устанавливалъ, что, при вступленіи въ жизнь, мы получаемъ, спонта-

нентно, *ощущенія-представленій* (они даются намъ какъ: звукъ, вкусъ, запахъ твердость, цвѣтъ, фигурность, картина).—Съ наступленіемъ самосознанія и сознанія своей обособленности, своего живого существованія, отдѣльнаго отъ другого существованія, *ощущенія-представленій* человѣка становятся для насъ предметами. Теперь мы мыслимъ ихъ, и, составляющіяся въ насъ *идеи* о предметахъ, конечно, не могутъ разниться отъ того, что́ мы признаемъ какъ *предметы*, потому что какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ, однимъ источникомъ, ощущенія-представленій и опредѣляющіе элементы нашего человѣческаго сознанія. «Все, что́ мы находимъ въ идеяхъ предметовъ, необходимо должно быть истинно и относительно предметовъ».

Тутъ напрасно говорить о причинѣ и слѣдствіи. Причина идеи —не въ предметѣ, дѣйствующемъ на насъ. Причина, это—сознаніе съ его опредѣляющимъ могуществомъ и ощущенія-представленій, дающія ему, для познанія среды существованія, первоначальное содержаніе.

Это — *чувство жизни* импозированное намъ именно такимъ, каковымъ мы его получаемъ, а не какимъ либо другимъ образомъ.

III.

Обратимся, теперь, съ тою же цѣлью, съ какою обращались къ разбору Льюисомъ ученія *Новой Академіи*, къ разбору, тѣмъ же авторомъ, философіи *Беркли* (Berkeley) [1]). Въ книгѣ Льюиса [2]) мы читаемъ:

> Отрицая существованіе «матеріи», Беркли понималъ подъ «матеріей» то неизвѣстное *substratum*, существованіе котораго Локкъ считалъ необходимымъ *выводомъ* изъ нашего знанія о свойствахъ предметовъ, но природа котораго должна оставаться на всегда скрытою отъ насъ. Философы предполагали существованіе субстанціи, т.-е. нумена, лежащаго въ основаніи всѣхъ *феноменовъ*,—субстрата, составляющаго основу всѣхъ свойствъ, —*чего то*, чему *присущи* всѣ случайности. Эту неизвѣстную субстанцію Беркли отрицаетъ. Это только абстракція,—говоритъ онъ.—Если это—нѣчто неизвѣстное, непознаваемое, то это—фикція, и я не хочу ея, такъ какъ фикція хуже чѣмъ безполезна,—она гибельна, какъ основа всякаго атеизма. Если подъ «матеріей» вы понимаете то, что́ мы видимъ, чувствуемъ, вкушаемъ и осязаемъ, то и я признаю, что она существуетъ, и я также твердо вѣрю въ ея существованіе, какъ и всякій другой, и *вполнѣ раздѣляю взгляды большинства.*

---

[1]) *Беркли* (Berkeley) род. 1684 г. сконч. 1753 г.

[2]) «Исторія философіи» Льюиса. Перев. съ изданія 1889 г., подъ редакціею В. Чуйко, стр. 525, 526, 528, 529, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 540, 541, 542.

Но если, напротивъ, подъ «матеріей» вы разумѣете скрытый *субстратъ*, невидимый, неощущаемый, неосязаемый, о которомъ чувства не даютъ и не могутъ дать никакого понятія, —въ такомъ случаѣ, я не признаю существованія матеріи, *и, въ этомъ случаѣ, расхожусь съ философами и соглашаюсь съ массой.*

«Я не превращаю вещи въ идеи,—говоритъ Беркли,—но скорѣе идеи въ вещи, такъ какъ я принимаю за вещи *тѣ непосредственные объекты представленія*, которые, согласно вамъ (Беркли могъ сказать согласно всѣмъ философамъ), суть только *видимости* вещей».

Ему (Беркли) возражали [1]) Вещи! Вы можете утверждать что̀ вамъ угодно; но, несомнѣнно, что вы не оставляете намъ ничего, кромѣ пустыхъ формъ вещей, *дѣйствующихъ на чувства только своею внѣшней поверхностью.*

Онъ (Беркли) отвѣчалъ: То, что̀ *вы* называете пустыми формами и внѣшностью вещей, кажется *мнѣ* самою вещью... Мы, слѣдовательно, оба признаемъ, что воспринимаемъ только ощущаемыя формы; но мы расходимся въ томъ, что то̀, что̀ вы считаете пустыми видимостями, я признаю за реальное. Короче сказать: *вы не довѣряете своимъ чувствамъ, а я довѣряю*»...

Беркли крѣпко держится за *факты* сознанія, и рѣшительно становится на сторону инстинктивнаго убѣжденія всѣхъ людей. На этомъ онъ стоялъ твердо, предоставивъ философамъ область предположеній, догадокъ и скрытыхъ субстанцій.

---

[1]) Возражаетъ, въ діалогѣ, вымышленное лицо «*Гилассъ*», а отвѣчаетъ, вѣроятно, Беркли, подъ вымышленнымъ именемъ «*Филонъ*».

«Я не отрицаю существованіе вещей,—говоритъ онъ,—которыя мы можемъ познавать посредствомъ ощущенія или рефлексіи. *Я нисколько не сомнѣваюсь въ реальномъ существованіи вещей, которыя я вижу своими глазами и осязаю своими руками. Я отвергаю только то, что философы называютъ—матеріей или тѣлесною субстанціей.* Этимъ, я не приношу никакого вреда человѣчеству, которое, смѣю думать, никогда не почувствуетъ нужды въ «матеріи»...»

«Кто полагаетъ, что я отвергаю реальность или бытіе вещей, тотъ совершенно не понимаетъ того, что̀ мною высказано въ самыхъ простыхъ словахъ... Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что я не стану отрицать по крайней мѣрѣ того, что я не признаю никакихъ тѣлесныхъ субстанцій. Я отвѣчу на это, что если слово *субстанція* понимать въ обычномъ смыслѣ, какъ комбинацію ощутимыхъ свойствъ, каковы: протяженіе, твердость, вѣсъ и т. д., то меня никакъ нельзя обвинять въ непризнаваніи такой субстанціи. Но если понимать это слово въ философскомъ смыслѣ, какъ основу случайныхъ свойствъ, существующихъ внѣ ума, то я, дѣйствительно, отвергаю эту сущность, если можно отвергнуть что-либо, что̀ никогда не существовало даже въ воображеніи... Но говорите, что̀ хотите,—возразитъ мнѣ, пожалуй, читатель,—а я все-таки вѣрю въ свои чувства, и никакой самый сильный аргументъ не побѣдитъ этого довѣрія. Прекрасно: признавайте свидѣтельство чувствъ сколько вамъ угодно; *мы сами готовы раздѣлить вашу вѣру.* То, что̀ я вижу, слышу и чувствую, существуетъ, т.-е. восприни-

мается мною; въ этомъ я такъ же мало сомнѣваюсь, какъ въ своемъ собственномъ существованіи; *но я не понимаю, какимъ образомъ свидѣтельство чувствъ можетъ быть признано доказательствомъ того, что́ не воспринимается чувствами»* [1])...

Такимъ образомъ, Беркли, отрицая существованіе матеріи, стоялъ на сторонѣ здраваго смысла. Онъ полагалъ, вмѣстѣ съ большинствомъ людей, что матерія, есть то́, на что́ указываютъ намъ наши чувства, а не что-то скрытое, недоступное чувствамъ...

«Для всякаго обозрѣвающаго объекты человѣческаго знанія очевидно, что они суть или идеи, прямо добытыя посредствомъ чувствъ, или идеи, возникшія въ насъ чрезъ наблюденіе страстей и процессовъ ума, или, наконецъ, идеи, образовавшіяся при помощи памяти и воображенія, чрезъ сомнѣніе, раздѣленіе или простое представленіе, сознанію, идей, добытыхъ однимъ изъ выше упоминаемыхъ способовъ [2])».

(Здѣсь *объекты* знанія названы *идеями.* Людямъ, незнакомымъ съ метафизикой, это покажется парадоксомъ; однако, это—простое выраженіе фактовъ сознанія. Все, о чемъ умъ нашъ можетъ разсуждать, есть, очевидно, его идеи [3]); мы сознаемъ только перемѣны,

---

[1]) Беркли

[2]) Беркли.

[3]) Возникновеніе идей, болѣе или менѣе, зависитъ отъ моего сознанія, и процессъ ихъ образованія совершается неспорно въ его области. Представленія же мнѣ импозируются,—импозируются моему сознанію. Иниціатива появленія многихъ изъ нихъ не зависитъ отъ послѣдняго. Но я

происходящія въ нашемъ умѣ. Суть-ли, эти идеи, *копіи* или *изображенія вещей*, слѣдуетъ-ли приписывать перемѣны, въ нашемъ умѣ, какимъ-нибудь внѣшнимъ *причинамъ*, это—вопросъ философіи, которымъ здравый смыслъ не задается).

«Всѣ согласны, что ни мысли наши, ни страсти, ни идеи, созданныя нашимъ воображеніемъ, не могутъ существовать внѣ ума, а для меня не менѣе очевидно, что различныя ощущенія или идеи, вырабатываемыя чувствами, не смотря на всѣ свои смѣшенія или комбинаціи (*т.-е. какіе бы объекты они ни составляли*), не могутъ существовать иначе, какъ только въ умѣ, воспринимающемъ ихъ.. Я говорю, что столъ, на которомъ я пишу. существуетъ, т.-е. я вижу и чувствую его, и, еслибы я вышелъ изъ своей комнаты, я все-таки сказалъ бы, что онъ существуетъ, подразумѣвая подъ этимъ то, что, еслибы я находился въ своей комнатѣ, то видѣлъ бы его, или что его видитъ теперь какой либо другой духъ [1])... Для меня совершенно непос-

---

мыслю эти представленія,—значитъ—составляю о нихъ, себѣ, идеи Эти идеи и составляютъ часть содержанія того, о чемъ мой умъ разсуждаетъ. Я разсуждаю не объ идеяхъ моихъ только, но, чрезъ идеи, разсуждаю о представленіяхъ. Поэтому я считаю неправильнымъ говорить, что «все, о чемъ умъ нашъ можетъ разсуждать, есть очевидно—его идеи.

Примѣч. автора.

[1]) Всѣ люди, при первоначальномъ опознаніи предметной среды, воспринимаютъ ея элементы одинаковымъ образомъ. Одинаковымъ образомъ чувствуютъ они, напримѣръ: столъ, дерево, огонь, воду и пр. Еслибы это было не такъ, то никакого общенія между людьми не могло бы установиться.

тижимо существованіе не мыслящихъ вещей безъ отношенія къ воспріятію ихъ человѣкомъ. - Ихъ *esse* есть *percipi;* онѣ не могутъ существовать внѣ умовъ или мыслящихъ предметовъ, воспринимающихъ ихъ» [1])...

«Однимъ словомъ, все небесное и земное, всѣ тѣла, образующія величественную систему міра, не имѣютъ существованія внѣ нашего ума; ихъ *esse* должно быть воспринято или познано; слѣдовательно, пока они не познаны мною или не существуютъ въ моемъ умѣ, или въ умѣ другого мыслящаго существа, то ихъ или вовсе нѣтъ въ дѣйствительности, или они существуютъ *въ умѣ какого либо вѣчнаго духа*» [2]) [3]).

Въ дѣлѣ достиженія самосбереженія и самоудовлетворенія, они находились бы въ отношеніяхъ подобныхъ отношеніямъ существующимъ между рыбой и птицей, между орломъ и муравьемъ. *Прим. автора.*

[1]) Беркли

[2]) Беркли.

[3]) Въ книгѣ моей: «*Голосъ долга. Мысли о воспитаніи человѣка*». 1885 г. (Стр. 34, 35), приводя мысли, поднявшіяся во мнѣ на вершинѣ Швейцарскаго ледника, я говорилъ:

«Когда со мной исчезло бы послѣднее человѣческое сознаніе, то исчезли бы и эта глыба, и эта картина, еслибы не вѣчное присутствіе рисующаго и творящаго Прототипа человѣческаго ума и его формъ. ...Ибо, *безъ вѣчнаго присутствія Бога,* исчезъ бы конечно,—съ исчезновеніемъ послѣдняго человѣческаго сознаиія,—и весь знакомый намъ міръ, а съ нимъ исчезло бы и всякое бытіе. Выходило бы это потому, что, по человѣческимъ понятіямъ, «*быть*»—значитъ—находиться, прямо или косвенно, въ томъ или другомъ отношеніи къ какому либо сознанію. Не имѣется сознанія,—не имѣется и бытія.

«Хотя мы признаемъ объекты чувствъ — идеями, которыя не могутъ существовать внѣ сознанія, однако, отсюда еще не слѣдуетъ заключать, что они существуютъ только до тѣхъ поръ, пока мы ихъ воспринимаемъ, такъ какъ они могутъ быть воспринимаемы и другими духами, если и не воспринимаются нами. Говоря, что тѣла существуютъ только въ умѣ, *я не разумѣю тотъ или другой извѣстный умъ, но всякій умъ, какой бы онъ ни былъ*. Поэтому, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что тѣла ежеминутно уничтожаются или создаются, или что они не существуютъ въ промежутки, когда мы не воспринимаемъ ихъ...» [1])

«Я согласенъ поставить вопросъ такимъ образомъ: Если вы можете представить себѣ, что какая либо протяженная, способная къ движенію субстанція, или вообще какая либо идея, или что-нибудь похожее на идею, можетъ существовать внѣ познающаго ее ума,

---

«Но пусть эта картина стоитъ дѣйствительно таковою, каковою намъ кажется, пусть она стоитъ сама собою, безъ заимствованія отъ сознанія. Тѣмъ не менѣе, все-таки было бы противорѣчивымъ, чтобы она оставалась таковою тогда, когда вовсе бы не существовало человѣческаго сознанія (предполагая, при этомъ, вѣчное присутствіе Творца и Прототипа всѣхъ формъ бытія); ибо смыслъ этотъ міръ имѣетъ только для человѣческаго сознанія. Поддается онъ только человѣческому познанію, и нарисоваться въ цѣломъ можетъ только въ сознаніи человѣка, а не какого либо другого существа. Толкуетъ *человѣкъ*, а не кто другой, и толкуетъ о мірѣ устроенномъ для *человѣка*, а не о какомъ либо другомъ мірѣ». *Примѣч. автора.*

[1]) Беркли.

то я готовъ признать себя побѣжденнымъ, и соглашусь съ вами, хотя бы вы и не были въ состояніи представить мнѣ основаніе—почему вы признаете существованіе такой субстанціи, или указать для какой цѣли она служила бы, еслибы существовала. Словомъ, одна возможность справедливости вашего мнѣнія заставитъ меня признать, что оно дѣйствительно справедливо» [1]).

«Вы возразите, что вамъ очень легко представить себѣ — деревья въ паркѣ, или книги въ шкапу, при чемъ — никого, кто бы видѣлъ ихъ. Это вы можете, отвѣчу я, и въ этомъ нѣтъ ничего труднаго. Но, что̀ это такое, спрашиваю я васъ, какъ не образованіе въ вашемъ умѣ извѣстныхъ идей, которыя вы называете деревьями и книгами и, въ то же время, *опускаете идею о комъ-либо воспринимающемъ ихъ?*» [2]).

«*Но, не вы ли сами, въ это время, познаете или думаете объ этихъ идеяхъ?* Слѣдовательно, вашъ примѣръ нейдетъ къ дѣлу: онъ только показываетъ, что вы можете воображать или создавать, въ своемъ умѣ, идеи, но нисколько не показываетъ, чтобы вы были въ состояніи представить себѣ возможность существованія объектовъ вашихъ мыслей внѣ вашего ума. Для этого вамъ необходимо представить ихъ себѣ существующими *не подлежа ни воспріятію, ни мышленію*, что̀, очевидно, невозможно. Напрягая всѣ усилія къ тому, чтобы представить себѣ существованіе внѣшнихъ тѣлъ, мы, въ сущности, *во все*

[1]) Беркли.
[2]) Беркли.

это время, созерцали лишь свои собственныя идеи»... [1]).

Опровергнувъ почти всѣ возраженія, какъ пустыя, такъ и серьезныя, идеализмъ устанавливаетъ свой собственный основной принципъ. Все наше знаніе объектовъ есть — знаніе идей; объекты и идеи тожественны. *Ergo*, не существуетъ ничего, кромѣ того только, что̀ познается [2]).

Реализмъ нашелъ лазейку. Эти идеи, съ которыми умъ нашъ, какъ мы допускаемъ, исключительно имѣетъ дѣло, суть лишь идеи (образы) извѣстныхъ вещей: эти вещи существуютъ независимо отъ ихъ познаванія, хотя идеи о нихъ и не могутъ существовать такимъ образомъ. Беркли предвидѣлъ это возраженіе:

«Но, скажете вы, хотя самыя идеи и не существуютъ внѣ ума, но могутъ быть соотвѣтствующіе имъ предметы, которыхъ онѣ суть копіи или подобія, и которые существуютъ внѣ ума, въ какой-либо неодушевленной субстанціи. Я отвѣчу на это, что *идея можетъ походить только на идею*; цвѣтъ или форма можетъ походить только на другой цвѣтъ или форму. И снова, спрашиваю васъ: эти предполагаемые оригиналы или внѣшнія вещи, копіями или представителями которыхъ служатъ наши идеи, воспри-

---

[1]) Беркли.

[2]) Еслибы не имѣлось *опредѣляющаго*, еслибы не имѣлось сознанія (слова), то не имѣлось бы ничего *опредѣленнаго*, не имѣлось бы вещи, не имѣлось бы ни существа, ни вещества. *Брошюра моя*: «*Еще о сознаніи какъ условіи бытія*». *1888 г.* *Прим. автора.*

нимаются ли сами по себѣ или нѣтъ? Если они воспринимаются, то они суть идеи, и въ такомъ случаѣ мы правы; но, если же нѣтъ, то я сошлюсь на всѣхъ: есть ли какой-либо смыслъ въ утвержденіи, что цвѣтъ похожъ на что-то невидимое, а твердое и мягкóе на нѣчто неосязаемое!» [1]).

Послѣ этого у реализма не осталось и тѣни возможности какого-либо отвѣта. Философы безсильны предъ теоріей, защищаемой такимъ образомъ. Неудивительно, поэтому, что идеализмъ былъ признанъ неопровержимымъ... Насколько дѣло касается фактовъ сознанія, анализъ Беркли непогрѣшимъ, если мы только не отвергнемъ, что, на сознаніе, *непосредственно* дѣйствуютъ ощущенія, и не допустимъ, вмѣсто этого, *непосредственнаго* дѣйствія, на сознаніе, внѣшнихъ предметовъ...

Беркли считалъ несостоятельнымъ аргументъ, признававшій матерію за необходимый постулатъ. Что мы *можемъ* имѣть ощущенія и идеи, при отсутствіи объектовъ, очевидно уже изъ того, что мы часто, дѣйствительно, имѣемъ ихъ во снѣ или въ бреду. Слѣдовательно, если матерія не всегда необходима для образованія идей, если идеи иногда могутъ возникать и безъ присутствія внѣшнихъ объектовъ, то мнимая необходимость, составляющая единственный аргументъ въ пользу существованія матеріи, совершенно уничтожается.

«Но, хотя мы и можемъ имѣть всѣ наши ощущенія при отсутствіи тѣлъ, однако мо-

[1]) Беркли.

гутъ подумать, что легче понять и объяснить ихъ образованіе, предположивъ существованіе соотвѣтствующихъ имъ (ощущеніямъ) внѣшнихъ тѣлъ, и, такимъ образомъ, можетъ представиться по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ, что существуютъ тѣла или предметы, возбуждающіе идеи въ нашемъ умѣ. Но, на самомъ дѣлѣ, этого сказать никакъ нельзя, потому что хотя мы и предоставимъ матеріалистамъ существованіе ихъ внѣшнихъ тѣлъ, но, по ихъ собственному признанію, они нисколько не приблизятся къ знанію того, какимъ образомъ образуются наши идеи, такъ какъ они сами признаютъ, что не въ состояніи понять, *какимъ образомъ тѣло можетъ дѣйствовать на духъ*, или какъ можетъ оно напечатлѣть идею въ умѣ»... [1]).

Беркли былъ правъ, говоря, что, еслибы и согласился съ ними (съ реалистами и дуалистами) въ существованіи матеріи, то они бы ничего изъ нея не извлекли. Этотъ вопросъ остался бы столь же темнымъ, какимъ онъ былъ прежде: матерія не проливаетъ на него никакого свѣта...

Беркли утверждаетъ, что идеи образуются въ насъ сообразно съ законами природы, установленными Богомъ. Предположеніе, что матерія есть просто случайная причина, *орудіе посредствомъ* котораго дѣйствуютъ законы природы, совершенно неосновательно. Воздѣйствіе Творца болѣе просто и непосредственно. Ему не зачѣмъ было создавать сначала законы, а потомъ матерію, чрезъ ко-

[1]) Беркли.

торую они бы дѣйствовали. Онъ создалъ одни законы, а они дѣйствуютъ на насъ согласно предназначенію, безъ всякой, совершенно ненужной, помощи матеріи, какъ посредника [1])...

Идеалистъ скажетъ: «если вы ничего не можете *знать*, кромѣ своихъ идей, то почему вы предполагаете, что *существуетъ* еще что-то?» На этотъ вопросъ не легко отвѣтить Но, кромѣ того, онъ скажетъ: «я утверждаю, что вы не въ состояніи представить себѣ ничего существующаго внѣ воспріятія. Попробуйте вообразить себѣ, что матерія существуетъ, между тѣмъ какъ умъ отсутствуетъ. Это невозможно, такъ какъ, въ этотъ самый актъ воображенія, вы вносите *идейное воспріятіе*. Деревья и горы, которые вы воображаете существующими внѣ познающаго ихъ ума, суть не что иное, какъ идеи *вашего* ума, переносимыя вами въ такое мѣсто, гдѣ вы не находитесь. Отдѣлить бытіе отъ воспріятія рѣшительно невозможно. Это синтезъ установленный Богомъ, и человѣкъ не можетъ разлучить его».

На это мы отвѣтимъ: правда, что на-

[1]) Нѣкоторые ученые писатели, трактуя о мірозданіи, предполагаютъ, что процессъ его образованія проходилъ чрезъ милліоны лѣтъ и—до появленія перваго человѣческаго сознанія. Тотъ, кто признаетъ Верховный Разумъ, а потому—и цѣлесообразность Его дѣйствій, не можетъ понять—для чего надо было все это, когда имѣющимъ быть результатомъ эволюціи долженъ былъ оказаться міръ *человѣческаго сознанія*, и когда самый процессъ могъ быть обнимаемъ только лишь *человѣческимъ* сознаніемъ.

Прим. автора.

сколько наше знаніе объектовъ тожественно съ нашими идеями, то мы никогда. никакими ухищреніями мысли, не можемъ представить себѣ объектъ *независимо отъ условій, при которыхъ мы познаемъ его.* Мы принуждены, по законамъ нашей природы, облекать объекты въ формы, въ какихъ мы познаемъ ихъ [1]). Слѣдовательно, мы не можемъ представить себѣ предмета не подчиненнаго законамъ нашей природы, такъ какъ дѣйствіе этихъ законовъ выражается въ самомъ актѣ представленія. Но не большая ли разница сказать: «я не могу представить себѣ предметы иначе, какъ согласно законамъ моей природы», и сказать: «я не могу представить себѣ предметы иначе, — *слѣдовательно* иначе они не могутъ существовать?» Здѣсь идеалисты признаютъ знаніе абсолютнымъ, а не относительнымъ, а человѣка—мѣриломъ всѣхъ вещей...

Въ заключеніе, мы признаемъ, вмѣстѣ съ идеалистами, что наше *знаніе* объектовъ состоитъ въ нашихъ идеяхъ. Но мы не можемъ допустить, чтобы все бытіе ограничивалось лишь нашимъ знаніемъ, на томъ только основаніи, что, представляя себѣ какой либо предметъ существующимъ, мы принуждены представлять его себѣ сообразно

---

[1]) «Когда, во время воспріятія,—говоритъ Шеллингъ,—я представляю себѣ объектъ, *то объектъ и представленіе—одно и то же.* На этой неспособности нашей отличить, во время самого акта, объектъ отъ представленія, основывается, общее всему человѣчеству, убѣжденіе въ реальности внѣшнихъ предметовъ, хотя оно узнаетъ объ ихъ существованіи только чрезъ посредство представленій». *Ideen zu einer Philos. der Natur, Einleitung.*

съ законами нашихъ мыслительныхъ способностей.—Мы согласны съ идеалистами, что все наше знаніе *субъективно*, но не согласны, чтобы все истинно субъективное было истинно объективно. Мы вѣримъ въ существованіе внѣшняго міра, совершенно независимое отъ чего либо познающаго, не потому, чтобы это было очевидно и составляло общее вѣрованіе, но потому, что аргументы, которыми идеализмъ старается разрушить это вѣрованіе, основаны на ошибочномъ предположеніи—будто знаніе есть критерій всего сущаго [1]). Идеализмъ, такъ же какъ и реализмъ, довѣряетъ свидѣтельству чувствъ, но утверждаетъ, однако, что такъ какъ наше

[1]) Наше знаніе имѣетъ, объектами, человѣческій міръ и человѣка, насколько онъ доступенъ этому знанію. Существованіе другого знанія,—знанія, которое выше человѣческаго знанія,—мы можемъ только утверждать. Обладать имъ мы не можемъ. Какими міръ и человѣкъ представляются намъ, такими только они и могутъ подлежать нашему знанію. *Существовать* предметы могутъ, *для насъ*, только такими, какими намъ представляются. Если они и могутъ существовать иначе, то уже, конечно, не для нашего знанія. Идетъ рѣчь объ этомъ послѣднемъ знаніи, о знаніи нашемъ, а не о какомъ либо другомъ знаніи совершенно намъ недоступномъ.

Г. Льюисъ говоритъ объ ошибочности «предположенія—будто знаніе есть критерій всего *сущаго*», разумѣя, при этомъ, конечно, знаніе человѣческое. Онъ утверждаетъ,—значитъ,—*сущее внѣ человѣческаго знанія*, а потому, замѣчая или не замѣчая это, утверждаетъ,—разумѣется,—и *знаніе высшее, знаніе всего сущаго*; ибо, нелѣпо утверждать *сущее* внѣ человѣческаго знанія, опуская творческое *Знаніе* всего сущаго. *Есть*, вообще, *только то, что познается.—Прим. автора.*

знаніе ограничивается идеями, то мы не имѣемъ права предполагать существованіе чего либо сверхъ идей. При всемъ этомъ, онъ принужденъ допустить существованіе чего-то, какъ причины этихъ идей. Эту причину онъ называетъ волей Творца, но это не болѣе, какъ предположеніе [1]).

Идеализмъ былъ признанъ—*неопровержимымъ*, —говоритъ Льюисъ. И дѣйствительно, онъ неопровержимъ въ томъ, что устанавливаетъ, съ полною очевидностью, справедливость того, что, *для насъ, не существуетъ ничего, кромѣ того, что̀ познается* [2]).—Неопровержимъ онъ тогда, когда,

---

[1]) Это—не предположеніе, а фактъ очевидный для умственнаго зрѣнія:

«Относительный міръ,—міръ человѣческихъ представленій, относительное бытіе вообще отсылаетъ насъ, необходимо, къ нашему сознанію, *безъ котораго этотъ міръ и не существовалъ бы вовсе, безъ котораго не имѣлось бы никакого относительнаго бытія.*

«Синтезъ же двухъ бытій, а именно: относительнаго «*бытія*» *міра* и «*бытія*» *нашего сознанія* отсылаетъ насъ, не обходимо, къ Сознанію и Бытію абсолютному, *безъ котораго* упомянутый синтезъ *не существовалъ бы вовсе какъ нѣчто цѣлое и опредѣленное*, и, *при допущеніи возможности совершеннаго отсутствія котораго*, нелѣпо было бы говорить и о возможности какого либо существованія или бытія.» (*Моя брошюра*: «*Еще о сознаніи какъ условіи бытія*». 1888 г. Стр. 9.

Прим. автора.

[2]) Правильнѣе сказать: Не существуетъ ничего, кромѣ того, *о чемъ знаютъ*.

Орудія нашего знанія суть: ощущеніе, чувство, мысль.

путемъ неоспоримыхъ аргументовъ, приводитъ мыслящаго человѣка въ такое положеніе, что послѣдній не можетъ уже не видѣть, съ совершенною ясностью, истинность того, что «*сознаніе есть не способность, а условіе всякаго бытія*» (Первое изъ Положеній, которыя я поддерживаю), и того, что «*нельпо мыслить «бытіемъ» какое либо состояніе міра, въ которомъ отсутствовало бы совершенно сознаніе*» (Второе изъ Положеній, которыя я поддерживаю). Доказанная же истинность этихъ Положеній неотразимо свидѣтельствуетъ и объ истинности третьяго моего Положенія: «*Нельпо не мыслить Сознаніе Божіе, Сознаніе абсолютное, началомъ всякаго сознанія и бытія*».

Для того, чтобы выдвинуть упоминаемыя истинности на видъ, я и воспользовался аргу-

---

—Пусть—напримѣръ,—я ничего не знаю о *часахъ*,—не знаю ничего ни о ихъ механическомъ устройствѣ, ни объ ихъ назначеніи. Но, разобравъ и понявъ то и другое, я не могу, вмѣстѣ съ тѣмъ, не придти къ мысли о механикѣ ихъ сообразившемъ и построившемъ. Я механика этого не воспринималъ, не воспринимаю и не буду воспринимать — ни осязаніемъ, ни зрѣніемъ, ни слухомъ; тѣмъ не менѣе, существованіе его не является ли, для меня, несомнѣннымъ? Я утверждаю это существованіе по слѣдамъ, которыми оно обнаруживаетъ себя *въ идеѣ* часовъ, въ цѣлесообразномъ расположеніи ихъ частей, и въ ансамблѣ осуществляющемъ идею. Значитъ о существованіи этомъ *я знаю*, хотя самого механика и не знаю.

Точно такъ, по слѣдамъ открываемымъ въ великомъ механизмѣ природы, можемъ ли мы не приходить къ несомнѣнному утвержденію существованія Бога. Объ этомъ существованіи *мы знаемъ*. *Прим. автора.*

ментаціями Беркли и изложеніемъ основъ идеализма, сдѣланнымъ Льюисомъ, убѣдившись, что чтеніе ихъ можетъ ярче освѣтить то, что я признавалъ и признаю за истинное, и что старался самъ установить какъ таковое.

Но нельзя признать идеализмъ непогрѣшимымъ, когда онъ, доводя до крайнихъ предѣловъ свои аргументы, начинаетъ утверждать: что умъ нашъ имѣетъ дѣло только лишь съ своими идеями; что онъ можетъ познавать только ихъ, однѣ эти идеи, а не внѣшніе предметы; что мы сознаемъ только перемѣны, происходящія въ нашемъ умѣ,—измѣненія нашего состоянія, и что внѣшнихъ предметовъ не существуетъ, какъ не существуетъ и внѣшняго міра.

Я мыслю, значитъ—имѣю идеи. Идеи или составляются въ умѣ моемъ независимо отъ моей воли, или я самъ составляю ихъ силою собственнаго фонда. Поводомъ къ возникновенію какъ тѣхъ, такъ и другихъ идей служатъ различныя впечатлѣнія на мою живую природу. Впечатлѣнія получаются: прямо отъ ощущеній, отъ воображенія и отъ самонаблюденія. Впечатлѣнія эти даютъ содержаніе моимъ идеямъ.

Представленія встаютъ предо мною совершенно *независимо отъ моей воли*, наступаютъ внѣ всякаго предвидѣнія, и внѣ предумышленнаго порядка совмѣстнаго присутствованія ихъ элементовъ, и слѣдованія ихъ, одного за другимъ. Въ умѣ моемъ поднимаются соотвѣтствующія представленіямъ идеи; но идеи эти остаются *идея-*

ми, а давшія поводъ возникновенію ихъ представленія остаются *представленіями*, внѣшними предметами, внѣшнею средою, мнѣ *импозирующимися* и отъ меня независимыми. *Non ego* не ставится моимъ *ego*, а ему (моему *ego*) импозируется. Ежечасно, въ теченіе жизни, наступающая неожиданность являющихся намъ представленій не можетъ не доказывать, что возникновеніе ихъ не зависитъ отъ нашей воли. Вы имѣете средства схватывать ихъ, спонтанентно, комбинаціею вашихъ чувствъ, имѣете средства и давать имъ опредѣленный смыслъ; но воздвигнуть, поднять представленія, назначать для нихъ какъ бы опредѣленный срокъ появленія не зависитъ отъ васъ. Кажущееся внѣшнимъ и *есть* для васъ дѣйствительно внѣшнее, такъ какъ иначе оно никогда не будетъ для человѣка въ предоставленной ему земной жизни.

Беркли, вѣроятно, такъ и понималъ это. Онъ отвергалъ не внѣшніе предметы, а существованіе *субстрата* ихъ, матеріи или тѣлесной субстанціи, которой нѣтъ ни нужды, ни основанія предполагать. «Я не отрицаю существованіе вещей, которыя мы можемъ познавать посредствомъ ощущенія или рефлексіи. Я нисколько не сомнѣваюсь въ реальномъ существованіи вещей, которыя я вижу своими глазами, осязаю своими руками [1]).

---

[1]) «Это то́, *что* я вижу, ощущаю, *чѣмъ* чувствую себя впечатлѣваемымъ, *что* мыслю и понимаю на *свой ладъ*, *въ чемъ* вижу себя дѣйствующимъ (въ качествѣ члена этого

Я отвергаю только то, что философы называютъ матеріей или тѣлесною субстанціей. Этимъ я не приношу никакого вреда человѣчеству, которое, смѣю думать, никогда не почувствуетъ нужды въ матеріи».

Беркли справедливо утверждалъ, что ничего не имѣется *внѣ знанія* [1]). Онъ, конечно, разумѣлъ подъ этимъ то, что, *для человѣка*, не имѣется ничего, кромѣ того, что онъ можетъ познать, или о чемъ онъ можетъ узнать данными ему для сего средствами, а не то, что не существуетъ абсолютно ничего внѣ познающаго человѣка.

«Я не превращаю вещи въ идеи, а скорѣе превращаю идеи въ вещи, — говоритъ онъ, — такъ какъ принимаю, за вещи, тѣ *непосредственные объекты представленій*, которые, согласно вамъ, суть только *видимости* вещей».

Что Беркли не отрицалъ совершенно существованіе внѣшнихъ вещей, доказываетъ слѣдующее мѣсто изъ его разсужденій: «я говорю, что столъ, на которомъ я пишу, существуетъ, т.-е. я вижу и чувствую его, и, еслибъ я вышелъ изъ

міра), *въ чемъ* вижу другія существа мнѣ подобныя». См. «*Пути къ раціональному міровоззрѣнію*». *1880 г. Часть II, стр. 59.* *Прим. автора.*

[1]) «Внѣшнія вещи суть для насъ лишь настолько, насколько мы имѣемъ о нихъ сознаніе»,—говоритъ *Фихте.*— По его ученію, то, чѣмъ вещи *суть внѣ меня*, онѣ *суть* только чрезъ мысль, которая ихъ опредѣляетъ. См. «*Разыскатели истины*». *Томъ II, стр. 174—175, 188.*

своей комнаты, я все-таки сказалъ бы, что онъ существуетъ, подразумѣвая подъ этимъ то́, что еслибъ я находился въ своей комнатѣ, то видѣлъ бы его, или что его видитъ теперь какой-либо другой духъ»... Всѣ люди надѣлены одинаковыми познавательными средствами, и средствами спеціально человѣческими. Беркли утверждаетъ, что идеи образуются въ насъ сообразно съ законами природы, установленными Богомъ, а законы эти для всѣхъ людей одинаковы. Если одинъ человѣкъ видитъ столъ, то и другой человѣкъ видитъ столъ. Иначе общеніе между людьми было бы невозможно.

Мы познаемъ *идеи* вещей, не какъ *идеи* только, а, стремясь естественно къ уясненію себѣ значенія представляющагося, получаемъ, въ своемъ сознаніи, идеи о немъ. Въ этомъ смыслѣ, въ дѣлѣ рефлексированнаго познаванія, мы дѣйствительно имѣемъ дѣло только лишь съ идеями. Но, еслибы никогда и ни одно сознаніе не коснулось бы чего либо какъ внѣшняго, то вещь не существовала бы, не существовало бы и ея идеи. Существуетъ только то, что́ чувствуется, воспринимается, познается, или мыслится—чувствуемымъ, воспринимаемымъ, познаваемымъ.

Мы живемъ и чувствуемъ уже потому, что впечатлѣваемся и мыслимъ, мыслимъ и впечатлѣваемся. Впечатлѣваемся мы: чувствомъ своего собственнаго бытія; чувствованіемъ себя существомъ свободнымъ и нравственно-обязываемымъ; своими потребностями и страстями; хотѣніями и

желаніями, внутренними движеніями воли; болѣзнями и страданіями, радостями и скорбями; одобреніемъ и неодобреніемъ не только дѣйствій нашихъ, но и намѣреній; страхомъ, воодушевленіемъ, любовью, благоговѣніемъ, молитвою. Большая часть этихъ впечатлѣній (*первый порядокъ*) находится въ отношеніи или въ связи съ впечатлѣніями другого (*второго*) *порядка*, съ впечатлѣніями отъ внѣшней предметной среды.

Впечатлѣнія *перваго* порядка я чувствую и мыслю (не разсуждая, а спонтанетно),—чувствую и мыслю находящимися въ неразрывной связи съ моею физическою и духовною природой, съ внутренней жизнью *моего—я*, и, болѣе или менѣе, знаю, что нѣкоторыя изъ нихъ наступаютъ послѣ того или другого впечатлѣнія *второго* порядка, или вмѣстѣ съ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ второго порядка. О наступленіи же многихъ впечатлѣній этого второго порядка я ничего не знаю впередъ, ничего не могу предвидѣть, не знаю ничего ни о времени ихъ появленія, ни о видѣ или характерѣ ихъ. Они импозируются намъ совершенно внѣ всякаго нашего вѣдѣнія, *импозируются*, такъ-сказать, не спросясь.

Это возникновеніе во мнѣ впечатлѣній внѣ всякаго предвидѣнія и ожиданія не можетъ не свидѣтельствовать о томъ, что, кромѣ меня и моей жизни (жизни личныхъ чувствъ и впечатлѣній, какъ чувствъ и впечатлѣній), имѣется среда, которая говоритъ моимъ чувствамъ при соприкосновеніи ихъ съ нею, возбуждаетъ во

мнѣ впечатлѣнія и призываетъ къ заявленію моей физической и нравственной мощи въ перекрестной дѣятельности.

И предметъ, и предметная среда предъявляются и кажутся намъ внѣшними, и иначе никогда не будутъ казаться человѣку. Если же они иначе не могутъ и не будутъ казаться, то тогда, для насъ, они и дѣйствительно суть внѣшнее.

Вѣдь мы живемъ въ мірѣ человѣческаго сознанія, живемъ силою и средствами человѣческаго сознанія, а потому то́, что́ оно признаетъ за неотразимый фактъ и не можетъ никакъ не признавать, должно и принимать за истинное для этого міра, *для міра человѣческаго сознанія.*

IV.

Беркли матерію считалъ фикціею. «Юмъ (Hume) [1]), подвигаясь далѣе по направленію Беркли, – пишетъ Льюисъ, — нашелъ, что не только матерія есть фикція, но и что духъ есть также фикція. Если скрытый субстратъ, который люди допускаютъ для объясненія матеріальныхъ явленій, можетъ быть отрицаемъ какъ не основанный на опытѣ, то мы также должны отрицать, — говоритъ Юмъ,—и скрытый субстратъ (духъ), допускаемый людьми для объясненія умственныхъ

[1]) Юмъ (Hume), род. 1711 г.; сконч. 1776 г.

явленій. Опытомъ мы познаемъ только впечатлѣнія и идеи. Субстанція, вызывающая эти впечатлѣнія, скрыта и она есть не болѣе какъ предположеніе. Матерія есть не что иное какъ совокупность впечатлѣній, а духъ есть смѣна впечатлѣній и идей» [1]).

«*Духъ есть смѣна впечатлѣній и идей*», — говоритъ Юмъ.

По поводу этого страннаго заключенія, я выскажу здѣсь слѣдующее:

Если имѣются впечатлѣнія и идеи, то имѣется, конечно, и нѣчто *впечатлѣваемое* и *мыслящее* (имѣющее идеи). Если имѣется смѣна впечатлѣній и идей, то это *впечатлѣваемое* и *мыслящее* должно быть все однимъ и тѣмъ же при ходѣ идущихъ и заявляющихся впечатлѣній и идей, — иначе, смѣны не было бы, а былъ бы рядъ отдѣльныхъ, выскакивающихъ или выдвигающихся неизвѣстно откуда, впечатлѣній и идей, безъ всякой связи съ предшествовавшими впечатлѣніями и идеями. Упоминаемое мною *впечатлѣваемое* и *мыслящее* (назовите его какъ хотите: представляющее, опредѣляющее, мое—я, духъ) будетъ, все-же, не что иное, какъ нѣкоторый *носитель* впечатлѣній и идей, при постоянномъ пребываніи

---

[1]) «Исторія философіи Льюиса», стр. 545.

Локкъ показалъ уже, что мы ничего не знаемъ ни о духѣ, ни о субстанціи. Мы знаемъ духъ только по его *проявленіямъ;* мы не можемъ знать его *per se* какъ субстратъ.

Прим. Льюиса, сдѣланное въ его книгѣ, стр. 545.

котораго только и можетъ быть допускаемо то̀, что̀ мы называемъ «смѣной»,—будетъ, по волѣ Бога, жизнь обособленная, единичная, индивидуумъ, личность.

Вотъ поэтому-то и выходитъ, что никакого другого *субстрата*, для объясненія умственныхъ явленій, предполагать не имѣется надобности.

«*Матерія есть не что иное какъ совокупность впечатлѣній*»,—говоритъ, также, Юмъ.

Но если существуетъ совокупность впечатлѣній, то тогда опять, конечно, не можетъ не предполагаться существованіе *получающаго впечатлѣнія*, то-есть той обособленной жизни, того индивидуума, той личности, о которой я упомянулъ предъ симъ. Совокупность впечатлѣній, это—не ариѳметическая сумма отдѣльныхъ и разныхъ впечатлѣній, не безпорядочно наслояющаяся груда ихъ, а осмысленный, спонтанентный синтезъ, дѣйствующій по своеобразной логикѣ воспринимающаго существа и образующій для него и ту предметную среду, которая даетъ возможность существованія, соотвѣтственную даннымъ ему, для сего, волею Божіею, средствамъ. Это есть то̀, *что* я вижу, ощущаю; *чѣмъ* чувствую себя впечатлѣваемымъ; что̀ мыслю и понимаю на свой ладъ; *въ чемъ* я вижу себя дѣйствующимъ; *въ чемъ* вижу, дѣйствующими, и другія существа мнѣ подобныя.

Въ сущности то же говорилъ Беркли.—Предполагать скрытый невидимый, неосязаемый, не

ощущаемый субстратъ всему этому не имѣется никакой надобности, и Беркли справедливо утверждалъ, что человѣкъ никогда не почувствуетъ нужды въ «матеріи».

Съ самаго зарожденія знанія, мыслители не переставали и не перестаютъ разъискивать:—*что такое* есть матерія, и *что такое*—духъ. Разъисканія не привели ни къ чему опредѣленному. По прежнему, духъ и матерія остаются двумя неизвѣстными, и, попрежнему, не раціональныя попытки —свести, одну въ другую, эти двѣ неизвѣстныя, оказываются,—какъ это и должно быть,—неуспѣшными.

Вмѣсто предположеній, — не правильнѣе ли будетъ обратиться къ *фактамъ*.

На *фактѣ* имѣется не духъ и не матерія, а —жизнь сознательная, и, въ жизни, двѣ противоположныя стороны: *познающее* и *познаваемое*.

На *фактѣ* же имѣется *гармонія* между познающимъ и познаваемымъ, которая, съ движеніемъ знанія впередъ, все болѣе и болѣе обнаруживается и подтверждается.

Перемѣны состоянія сознанія происходятъ: или въ зависимости отъ меня самого, или совершенно внѣ зависимости отъ меня, такъ какъ инициатива многихъ впечатлѣній кажется мнѣ идущею вовсе не отъ меня.

Я вижу, чувствую,—напримѣръ,—*нѣчто*, называемое мною «огнемъ». Это нѣчто сжигаетъ, безъ всякаго участія съ моей стороны, щепку, и,

при приближеніи моей руки къ нему (къ этому *нѣчто*), я ощущаю, сперва, теплоту а потомъ — обжогъ. Затѣмъ, другое нѣчто, кажущееся мнѣ тѣмъ же, что̀ я называлъ «огнемъ» (т. е. нѣчто съ тѣмъ же характеромъ зрительнаго ощущенія, съ какимъ мнѣ показывалось *первое нѣчто*, которое я видѣлъ—сжигающимъ щепку и чувствовалъ—обжигающимъ мнѣ руку), является мнѣ, безъ всякаго съ моей стороны участія, въ пламени охватывающемъ кучу соломы, въ раскаленныхъ угольяхъ кипятящихъ воду.—Получаются впечатлѣнія подобныя впечатлѣніямъ получившимся отъ «огня» сожигавшаго щепку и обжегшаго мнѣ руку, и, какъ тѣ, такъ и другія впечатлѣнія кажутся мнѣ идущими (наступающими) внѣ всякой зависимости отъ *моего—я*, то-есть наступающими или идущими отъ чего-то находящагося внѣ меня.— И какимъ образомъ могли бы они казаться мнѣ иначе? Ни обстоятельства, при которыхъ они получились, ни время ихъ появленія отъ меня не зависѣли. Я былъ, относительно ихъ появленія, совершенно въ пассивномъ состояніи, и, тогда, такое состояніе, дѣйствительно, можно было бы сравнить съ зеркаломъ.

Слѣдовательно: такъ какъ иниціатива многихъ впечатлѣній не зависитъ отъ воспринимающаго ихъ, то онъ и не можетъ не признавать существованіе чего-то внѣшняго.

Въ этомъ внѣшнемъ, человѣкъ вынуждается дѣйствовать въ виду самосохраненія и самоудовлетворенія.

Но для того, чтобы рѣшиться дѣйствовать, надо чувствовать и мыслить среду, въ которой приходится дѣйствовать, и въ которой возможно дѣйствовать.

И предъ человѣкомъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ, открывается среда соотвѣтствующая *возможностямъ* даннымъ человѣку,—среда ограниченная не въ пространствѣ и не во времени, а ограниченная именно этими *возможностями* данными съ сознаніемъ.

Эти возможности таковы, что даютъ познать среду таковою, каковою она, для нуждъ человѣка, предоставлена ему.

Всякое животное,—какъ намъ кажется,—познаетъ свою среду таковою, каковою она, для его нуждъ, дана ему. Оно дѣйствуетъ, подвигаемое стремленіемъ къ самосохраненію и къ самоудовлетворенію, принимая вещи за то̀ именно, чѣмъ онѣ ему представляются. Такъ намъ, людямъ, кажется по крайней мѣрѣ, ибо иначе мы не можемъ понять—какъ оно, животное, могло бы дѣйствовать.

Каковою человѣкъ воспринимаетъ предоставленную ему среду, таковою она и есть для него, и въ ней нѣтъ ничего другого, кромѣ того, что̀ ему открываетъ опытъ жизни и подтверждаетъ размышленіе.

Если допустить, что, кромѣ того, что̀ даетъ опытъ жизни, въ предметѣ (въ какомъ либо тѣлѣ, напримѣръ) имѣется еще нѣчто такое, что̀ не можетъ быть схвачено человѣческими позна-

вательными средствами, то тогда, въ виду *факта гармоніи* между познающимъ и познаваемымъ, можно спрашивать: какъ, для чего и для кого было бы это нѣчто не познаваемое нами, не могущее ни быть схваченнымъ человѣческимъ знаніемъ, ни служить его нуждамъ тѣмъ или другимъ образомъ?...

V.

Ридъ (Reid) [1]) утверждаетъ, что у насъ нѣтъ основанія предполагать, что умъ воспринимаетъ образы или изображенія предметовъ, а не самые предметы. Онъ, Ридъ, говоритъ, что умъ воспринимаетъ самые предметы и воспринимаетъ ихъ непосредственно. — Совмѣстно съ ощущеніями, является и воспріятіе.—«Чувства,—говоритъ Ридъ, —имѣютъ двоякое значеніе; они доставляютъ намъ разнообразныя ощущенія: одни—пріятныя, другія—непріятныя, третьи—безразличныя; въ то же время чувства даютъ намъ понятіе и непоколебимую вѣру въ существованіе предметовъ. Это понятіе и вѣра, внушаемыя намъ природой посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, мы называемъ «воспріятіемъ» [2]).

---

[1]) Ридъ (Reid) род. 1710 г, сконч. 1795 г.

[2]) «Исторія философіи», Льюиса. Стр. 594

На основаніи своего внутренняго опыта и наблюденіи надъ дѣтьми, я полагаю, - какъ говорено уже мною выше, — что ребенокъ, въ періодѣ еще пассивнаго состоянія жизни, имѣетъ, непосредственно только лишь какъ бы *ощущенія-представленій* зрѣнія, осязанія, слуха и пр., а затѣмъ, при вступленіи въ активный періодъ жизни, то, что имъ получено въ ощущеніи, онъ воспринимаетъ сознательно—какъ внѣшніе предметы.

Зрительное ощущеніе или ощущеніе зрѣнія даетъ ребенку, въ тотъ періодъ, когда жизнь проявляется въ немъ еще пассивно, непосредственно ту или другую картину (какъ бы она ни мало была обширна, но все-таки картину), даетъ ее точно такъ, какъ ощущеніе осязанія даетъ непосредственно твердость, мягкость, теплоту,— какъ ощущеніе слуха даетъ непосредственно стукъ или другой звукъ, — какъ ощущеніе вкуса даетъ непосредственно горечь или сладость, и т. д. Со вступленіемъ въ активный періодъ жизни, элементы картины, чрезъ умственный синтезъ (необъяснимый столько же, сколько необъяснимъ внутренній характеръ-вкусъ самого ощущенія), комбинирующій ощущеніе элементовъ картины съ элементами четырехъ другихъ ощущеній, становятся. для ребенка, предметомъ и предметной средой. Такъ и слѣпой отъ рожденія получаетъ понятіе о внѣшнихъ предметахъ чрезъ прирожденную способность умственнаго синтеза, комбинирующаго элементы ощущеній слуха, запаха, вкуса съ элементами ощущенія осязанія.

Ридъ справедливо говоритъ, что мы чувствуемъ наши ощущенія, и, чрезъ посредство ихъ, воспринимаемъ предметы. Но онъ говоритъ также, что внѣшній міръ, ни въ какомъ отношеніи, не похожъ на ощущенія, производимыя имъ въ насъ.

На это я скажу нижеслѣдующее:

Ищетъ, разсуждаетъ и познаётъ человѣкъ, и предъ нимъ предстаютъ предметы и предметная среда, предстаётъ то, что мы называемъ «міромъ». Этотъ міръ *импозируется человѣку* и *имъ же опредѣляется*, а потому его и слѣдуетъ называть «человѣческимъ міромъ». Для меня невозможно познаніе внѣшняго міра иначе какъ таковымъ, каковымъ онъ является моему сознанію, но оно *не преобразовываетъ* его и *не измѣняетъ*, а опредѣляетъ.

Изъ того, что среды существованія рыбы, птицы, четвероногаго, человѣка, повидимому, отличны одна отъ другой, неправильно заключать, что чувства рыбы, птицы, четвероногаго, человѣка преобразовываютъ какой-то уже стоящій міръ, измѣняютъ его согласно съ жизненными потребностями и средствами каждаго изъ этихъ существъ. И птица, и рыба, и четвероногое, и человѣкъ ничего не преобразовываютъ и не измѣняютъ, а опредѣляютъ,—какъ намъ кажется,—птица, рыба, четвероногое—инстинктивно, а человѣкъ—сознательно, согласно съ своими жизненными потребностями и средствами, то, что имъ дано.

Человѣку не представится никогда, инымъ

образомъ, то, что ему въ дѣйствительности представляется. Открыться ему можетъ только то, что онъ въ состояніи схватить данными ему, для сего, возможностями. Какимъ мы, нашими человѣческими средствами, воспринимаемъ то, что называемъ «нашимъ міромъ», такимъ онъ,—повторяю я,—для насъ есть, и инымъ для насъ не будетъ. А потому, излишне, и совершенно такъ-сказать не кстати, толковать о томъ, что внѣшній міръ, ни въ какомъ отношеніи, не похожъ на ощущенія, производимыя имъ въ насъ. Съ пособіемъ ихъ, я познаю то, что мнѣ дано, и познаю настолько, насколько это для моего физическаго существованія и нравственнаго развитія нужно. *Другого*, безъ Воли Божіей, не дастся мнѣ, и *инымъ образомъ*, даннаго мнѣ, я не познаю [1]).

Да не подумаетъ-же кто либо изъ читателей, что, для объясненія себѣ того, что среды существованія птицы, рыбы, четвероногаго, человѣка —отличны одна отъ другой въ единой вселенной,—я воображаю себѣ какую-то безформенную, лишенную всякихъ извѣстныхъ намъ свойствъ и качествъ матерію (матерію, подобную, напримѣръ, предполагаемому эѳиру), какъ бы разлитую во всей необъятности вселенной, и которая,

---

[1]) Юмъ говорилъ, что существуетъ противорѣчіе между знаніемъ естественнымъ и знаніемъ рефлексированнымъ. Если противорѣчіе оказывается, то это свидѣтельствуетъ только о томъ, что рефлексированное знаніе идетъ неправильнымъ путемъ. Противорѣчій въ знаніи, которое едино, быть не должно. *Прим. автора.*

попадая какъ бы въ формовку своеобразныхъ характеровъ ощущеній, приспособленій и познавательныхъ средствъ, тѣхъ или другихъ животныхъ и человѣка, изваивается, для каждаго изъ этихъ существъ, въ предметы и въ предметныя среды или въ спеціальные міры!... Такого смѣлаго представленія у меня нѣтъ.

Въ необъятности вселенной, дѣйствительно и несомнѣнно, разлито нѣчто, но это нѣчто— есть Воля Бога. Объ образѣ дѣйствованія, путяхъ и конечныхъ цѣляхъ Верховной Воли, мы, конечно, разсуждать не можемъ; но, съ успѣхами знанія, открывающаго постоянно гармонію между разумомъ *познающаго* и *разумомъ* такъ-сказать *познаваемаго*, мы, все сильнѣе и сильнѣе, вынуждаемся признавать участіе этой Воли во всемъ существующемъ, и чѣмъ болѣе вынуждаемся, тѣмъ болѣе пріобрѣтаемъ спокойствія для своей мятущейся души.

Признавая это участіе, можемъ ли мы не мыслить, что Верховная Воля, съ жизнью, дала намъ слово и всѣ необходимыя принадлежности жизни, дала среду для дѣйствованія и для свободнаго выполненія, предложенной жизни, миссіи, — о каковомъ предложеніи свидѣтельствуетъ присутствіе, въ каждомъ человѣкѣ, сенса нравственной отвѣтственности.

Не жизнь есть принадлежность среды или міра, а среда или міръ есть принадлежность жизни. Въ книгѣ моей «Голосъ долга», я говорилъ: «Не человѣкъ существуетъ для общества, а об-

щество существуетъ для человѣка. Оно ему необходимо какъ школа, гдѣ онъ вырабатываетъ свой духъ,—какъ арена, въ которой онъ можетъ и долженъ прилагать свою дѣятельность, проникнутую повиновеніемъ обязывающему закону». —Здѣсь, я скажу, что не человѣкъ существуетъ для міра (міра человѣческихъ представленій), а міръ этотъ существуетъ для человѣка. Онъ (человѣкъ), въ мірѣ, о которомъ мы толкуемъ, есть единственное существо живущее настоящею жизнью; въ немъ одномъ имѣется *знаніе* о жизни, и *знаніе* о мірѣ.

VI.

Указывать на все, что̀ можетъ служить подтвержденіемъ истинности положеній, которыя я поддерживаю, это—моя обязанность. А потому, весьма понятно, что я не могу не указать на то̀, что принципы новѣйшей физики ясно свидѣтельствуютъ объ истинности все тѣхъ-же: 1-го, 2-го и 3-го моихъ положеній.

Отличительные характеры новѣйшей физики суть слѣдующіе [1]):

«Явленія физическія, разсматриваемыя въ самихъ себѣ, безъ отношенія ихъ къ существамъ

[1]) *Заимствовано изъ книги Эрнеста Навиля* (Ernest Naville): «*La physique moderne*». *1883*.

способнымъ чувствовать и воспринимать, приводятся къ движеніямъ».

«Утвержденіе—что въ тѣлахъ не находится ничего, что́ походило бы на наши чувства и на наши идеи; что термины: свѣтъ, теплота и пр.—коль скоро разумѣютъ въ нихъ элементъ психическій, суть выраженія отношеній между двумя классами явленій, — явленій различныхъ, хотя и тѣсно между собою связанныхъ; утвержденіе, что всякое физическое явленіе въ самомъ себѣ есть не что иное какъ движеніе,—вотъ что́ составляетъ отличительный и *первый* характеръ новѣйшей физики. Самое подходящее выраженіе для обозначенія этого характера будетъ: *механическая природа явленій*».

Второй характеръ новѣйшей физики, это—утвержденіе *единства матеріи*.

«Нѣкоторые теоретики приходятъ къ мысли, что вѣсомыя тѣла состоятъ изъ молекулъ, которыя суть не что иное какъ разноколичественные агрегаты атомовъ совершенно подобныхъ. Другіе мыслители идутъ далѣе и предполагаютъ, что вѣсомыя тѣла составились изъ агрегатовъ атомовъ эѳира [1])... Всякія объясненія явленій должны быть разъискиваемы исключительно въ формѣ тѣлъ и въ ихъ движеніяхъ. Тяготѣніе, сцѣпле-

[1]) Существованіе эѳира есть не непосредственная данная опыта, а—гипотеза. Но гипотеза эта,—такъ говорятъ ученые,—необходима дл яобъясненіяя вленій, и оправдывается самимъ успѣхомъ доставляемыхъ имъ (предполагаемымъ существованіемъ эѳира) объясненій.

ніе, сродство будутъ опредѣляемы какъ движенія, — какъ движенія находящіяся то въ состояніи дѣйствованія, то, просто, въ возможности дѣйствованія, въ потенціи. — Атомы могутъ быть предполагаемы различными, но различными только относительно формы—съ точки зрѣнія геометрической, и относительно тенденціи къ движенію—съ точки зрѣнія динамической. Утверждать, въ такомъ смыслѣ, единство матеріи,—это все равно что говорить, что природа явленій—механическая. Изъ этого выходитъ то, что *второй* характеръ новѣйшей физики есть не что иное какъ выраженіе (enoncé) идеи, заключающейся въ первомъ характерѣ».

Третій характеръ новѣйшей физики есть начало, называемое многими учеными корреляціею силъ (corrélation des forces) или преобразованіемъ силъ (transformation des forces). Г. Эрнестъ Навиль предпочитаетъ называть это начало—*преобразованіемъ движеній* (transformation des mouvements).

«Одно движеніе производитъ другія движенія», — вотъ смыслъ этого начала.

«Движеніе механическое, движеніе молекулярное, движеніе эѳирное производятся взаимно, и движеніе эѳирное производитъ въ насъ ощущеніе свѣта, напримѣръ».

«Нельзя сказать, что движеніе преобразовывается въ свѣтъ или въ теплоту, если, подъ терминами: «свѣтъ» и «теплота», разумѣютъ элементы ощущенія. Тутъ имѣется гармоническое соотвѣтствіе между фактомъ матеріальнымъ и

фактомъ психическимъ, а не простое механическое преобразованіе. Причину преобразованій намѣреваются искать въ формѣ молекулъ и въ образѣ или манерѣ колебаній эѳира».

Четвертый характеръ, это — принципъ: *сохраненіе энергіи.*

«Энергія разсматривается какъ причина движеній дѣйствительныхъ или виртуальныхъ. Она находится то въ состояніи реализаціи, въ живыхъ силахъ, то въ состояніи потенціальномъ. Принципъ состоитъ въ утвержденіи того, что, во всѣхъ наблюдавшихся явленіяхъ, «сумма живыхъ силъ и потенціальныхъ энергій постоянна».

Математическое объясненіе явленій есть *пятый* характеръ новѣйшей физики.

«Если всѣ явленія, изучаемыя этой наукой, приводятся къ движеніямъ, то и вся наука должна быть сведена къ механикѣ, разумѣемой въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Элементы же, которыми располагаетъ механика, суть: время, пространство, скорость или отношеніе времени къ пространству,—наконецъ, форма тѣлъ и ихъ масса. Надо, слѣдовательно, установить единство мѣры для времени, единство мѣры для пространства, единство мѣры для массы, и, когда эти единства будутъ установлены, тогда математика, въ приложеніи къ нимъ, доставитъ или дастъ объясненія фактовъ. Физика, разсматриваемая въ наивысшей абстракціи, таковая, каковою ее можно предполагать тогда, когда она достигнетъ цѣли своихъ усилій, сведется, значитъ, къ сбор-

нику (assemblage) алгебраическихъ формулъ, выражающихъ формы и движенія».

«Этотъ пятый характеръ есть непосредственное слѣдствіе перваго характера, то-есть слѣдствіе утвержденія механической природы явленій. Онъ (пятый характеръ) предполагаетъ, однако, для своего полнаго осуществленія, преобразованіе движеній и сохраненіе энергіи,—такимъ образомъ, что, вытекая изъ перваго характера, но предполагая другіе характеры, онъ представляетъ резюме концепціи науки» [1]).

Второе изъ поддерживаемыхъ мною *положеній* есть слѣдующее:

«Нелѣпо мыслить «бытіемъ» какое-либо состояніе міра, въ которомъ отсутствовало бы совершенно сознаніе»

Можетъ случиться, что читатель, знакомый съ характерами новѣйшей физики, встрѣтивъ это мое *положеніе*, вмѣсто отвѣта, укажетъ на принципы физики.

Тогда я спросилъ бы его: въ какомъ видѣ можетъ онъ представить себѣ, конкретнымъ образомъ, состояніе міра до появленія человѣческаго сознанія, въ предположеніи законовъ или принциповъ новѣйшей физики точно осуществляющимися въ природѣ?

---

[1]) Изложеніе характеровъ новѣйшей физики заимствовано, въ сокращенномъ мною видѣ, изъ книги г. Эрнеста Навиля (Ernest Naville): «*La physique moderne*». 1883 г.

«Вѣдь—звукъ, напримѣръ, отдѣленный отъ воспріятія слуха, свѣтъ и теплота, отдѣленные отъ ощущеній, которыя они приводятъ испытывать, электричество, магнетизмъ, отдѣленные отъ различныхъ дѣйствій, которые они могутъ производить на чувствующее существо или въ чувствующемъ существѣ,—все это есть не что иное, какъ движенія. Движенія физическія, встрѣчая органы живыхъ тѣлъ, детерминируютъ движенія физіологическія. Эти послѣднія передаются чрезъ нервы мозговому центру. (Можно сказать, что движеніе физіологическое есть не что иное, какъ движеніе физическое, преобразованное органами чувствъ точно такъ почти, какъ колебанія воздуха въ *орґанѣ* (orgue) видоизмѣняются различно соотвѣтственно формѣ и величинѣ трубъ, въ которыя они проникаютъ). Физіологическому движенію мозгового центра соотвѣтствуютъ явленія ощущенія и воспріятія,—факты психическіе, но гармонизированные (т.-е. находящіеся въ гармоническомъ отношеніи) съ движеніемъ матеріи, но—другого порядка, и которые становятся точкою отправленія цѣлаго міра мыслей и чувствованій [1]) [2]).

---

[1]) См. «La physique moderne», par Ernest Naville 1883

[2]) «Любитель музыки слушаетъ сонату Моцарта; *что* происходитъ при этомъ? Механическое движеніе инструментовъ детерминируетъ колебанія атмосфернческаго воздуха. Эти колебанія поражаютъ внѣшніе органы слуха. Движеніе, видоизмѣненное ухомъ, передается вдоль по нервамъ, и этому движенію, достигающему мозгового центра, отвѣчаетъ

Если бы не было чувствующаго, воспринимающаго, если не было бы *сознанія*, тогда *что́* осталось бы изъ всего этого? Остались бы одни движенія, движенія неопредѣленныхъ тѣлъ,—тѣлъ образовавшихся изъ разноколичественныхъ агрегацій атомовъ совершенно подобныхъ,—тѣлъ лишенныхъ всѣхъ свойствъ и качествъ, которыми мы надѣляемъ наши представленія, кромѣ свойствъ геометрическихъ и механическихъ; остались бы дви-

---

воспріятіе звука, съ которымъ ассоціируются различныя впечатлѣнія, душевныя волненія и мысли. Выключите духъ или умъ способный слышать и, тогда, ничего слышаннаго не будетъ; останутся только колебанія воздуха и колебанія органовъ.

«Астрономъ смотритъ на звѣзду съ пособіемъ зрительной трубы. *Что* происходитъ при этомъ? Звѣзда имѣетъ движеніе, которое детерминируетъ колебанія въ тончайшей жидкости, распространенной вездѣ и называемой физиками *эѳиромъ*. Эти колебанія достигаютъ стекла трубы, которое ихъ видоизмѣняетъ. Видоизмѣненныя такимъ образомъ, они передаются глазу, который тоже видоизмѣняетъ ихъ въ свою очередь, и затѣмъ доходятъ до сѣтчатой оболочки глаза (la rétine), гдѣ детерминируютъ движеніе физіологическое. Это физіологическое движеніе распространяется вдоль оптическаго нерва и достигаетъ черепного мозга (encéphale). Тогда, въ силу гармоніи, связывающей два порядка явленій, производится или происходитъ ощущеніе свѣта и воспріятіе свѣтящагося тѣла. Астрономъ чувствуетъ, онъ видитъ, и, можетъ быть, восхищается; онъ размышляетъ. Выключите умъ способный видѣть и чувствовать,—что́ останется тогда? Колебанія эѳира, разныя движенія детерминированныя въ стеклѣ трубы, въ органахъ глаза и въ нервной системѣ.» *См.* «*La physique moderne*», *par Ernest Naville.*

женія и преобразованія движеній. Не было бы ни свѣта, ни теплоты, ни запаха, ни вкуса, ни звука, а были бы одни лишь движенія, какъ объективныя, — пожалуй,—условія этихъ ощущеній [1]).

Теперь, допуская мысль о состояніи міра при совершенномъ отсутствіи всякаго *сознанія*,—какимъ образомъ съумѣете вы,—повторяю я,—согласить принципы новѣйшей физики съ тѣмъ представленіямъ о состояніи міра до человѣче-

---

[1]) Г. *Дю Буа-Реймонъ* говоритъ нижеслѣдующее:

«Всѣ качества, которыми мы надѣляемъ матерію, идутъ отъ ощущеній. Свѣтъ появился только тогда, когда первая красная (зрительная) точка какого либо инфузорія, въ первый разъ, отличила свѣтлое отъ темнаго.—Нѣмой и непроглядный въ самомъ себѣ, *безъ всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя получаетъ только лишь чрезъ посредство организма субъекта*,—таковъ міръ, открываемый *объективными разслѣдованіями* механическаго воззрѣнія. Вмѣсто звука, свѣта,—наука знаетъ только лишь колебанія примитивной матеріи, лишенной всякаго свойства, и которая то вѣсома, то ускользаетъ отъ всякой возможности взвѣшиванія.»

Г. *Герберт Спенсеръ* говоритъ: «Представлять себѣ всѣ дѣятелрности въ терминахъ, заимствованныхъ у движенія, значитъ имѣть ихъ (дѣятельностей) представленіе, а не познаніе,—и мы непосредственно попадаемъ въ безъисходный кругъ (alternative) нелѣпостей, если станемъ предполагать, что мощь (puissance), которая проявляется намъ какъ движеніе, есть, въ себѣ самой, то, что мы понимаемъ подъ понятіемъ «движеніе».

Выписка изъ статьи Габріэля Саразена (Gabriel Sarrazin) озаглавленной: «La litterature psychologique». Nouvelle Revue. 1889. T. L VII. Livraison 15 Mai.

скаго сознанія, съ тѣмъ конкретнымъ представленіемъ, которое имѣли, и имѣютъ до сихъ поръ, какъ ученые люди, такъ и простые мыслители? Вѣдь: свѣтъ, цвѣтъ, теплота, звукъ, твердость, вкусъ, запахъ,—все это, какъ ощущенія, какъ элементы сознанія, не могло существовать при *отсутствіи сознанія.*

Я полагаю, что отвѣчать на эти вопросы удовлетворительнымъ образомъ невозможно. За то возможно и весьма важно указать на гармонію обнаруживающуюся между двумя порядками явленій, между порядкомъ физическимъ и порядкомъ психическимъ. Гармонія эта, не есть ли она то́ же, что гармонія между познающимъ и познаваемымъ, между *сознаніемъ* и его представленіями?

Гармонія существуетъ,—значитъ—она устроена.

Устроеніе не можетъ быть ни соображено, ни сдѣлано природой, такъ какъ нельзя же серьезно мыслить всеустрояющее могущество въ природѣ, какъ бы въ какомъ то его носителѣ.

Устроена гармонія Богомъ [1])... И безъ этой

---

[1]) Не странно ли, что нѣкоторые мыслители, допускающіе существованіе *эѳира* (эѳиръ, это—не данная опыта, а гипотеза) на томъ основаніи только, что предположеніе это необходимо для объясненія многихъ явленій и самими же имъ доставляемыми объясненіями успѣшно оправдывается, —не странно-ли,—повторяю,—что мыслители эти, не сомнѣвающіеся въ существованіи эѳира, ставятъ для себя, вопросомъ, существованіе Бога, тогда какъ, безъ Него, все становится, въ концѣ-концовъ, абсолютно непонятнымъ?...

Примѣч. автора.

гармоніи,—справедливо сказалъ извѣстный ученый Робертъ Майеръ [1]), — «безъ вѣчной гармоніи, устроенной Богомъ, между міромъ субъективнымъ и міромъ объективнымъ, всѣ наши мысли оставались бы безплодными».

Чѣмъ же было бы, однако, до появленія человѣческаго сознанія, то́, что́ мы называемъ «міромъ»?

На это можно отвѣтить только такъ, какъ я отвѣчалъ уже выше въ этой книгѣ:

Если бы не было человѣческаго сознанія, то не было бы и человѣческаго міра,—не было бы міра ни таковаго, каковымъ его представляютъ теперь, ни таковаго, каковымъ его мыслятъ существующимъ до человѣческаго сознанія.

А между тѣмъ исповѣдуютъ вѣру, что міръ существовалъ многія тысячи вѣковъ до появленія человѣческаго сознанія, совершая свое развитіе въ теченіи этихъ вѣковъ для того, чтобы предстать, наконецъ, предъ первымъ человѣческимъ сознаніемъ, таковымъ, каковымъ мы его до этой эпохи представляемъ!...

Совершенно умѣстно здѣсь замѣтить, что до тѣхъ поръ, пока будутъ считать «время» за нѣчто объективное, за нѣчто могущее существовать само по себѣ,—до тѣхъ поръ будутъ встрѣчаться съ противорѣчіями, изъ которыхъ выбиться невозможно, и, кромѣ того, будутъ, несомнѣнно,

---

[1]) *Robert Mayer*, это—тотъ ученный, которымъ былъ установленъ законъ сохраненія энергіи.

хотя даже и невольно, приходить къ заключеніямъ, по кровнымъ вопросамъ жизни, отягчающимъ душу и помрачающимъ разсудокъ.

Кто можетъ сказать—сколько времени продолжалось развитіе естественнаго міра до появленія человѣческаго сознанія? Можно-ли даже говоритъ объ этомъ? Время находится въ неразрывной связи съ чувствомъ жизни, такъ какъ мы все чувствуемъ во времени.. Кто же тогда чувствовалъ? Продолжительность или продолженіе времени (la durée) есть непрерывный рядъ, слѣдующихъ одно за другимъ, единичныхъ ощущеній, непрерывно совершающійся процессъ отнесенія всего чувствуемаго и мыслимаго къ единству нашего самосознанія... Но вѣдь ни сознанія, ни самосознанія тогда не было. Были движенія, преобразованія движеній, и, въ концѣ концовъ, все-таки одно лишь движеніе неопредѣленныхъ, примитивныхъ, съ одними только геометрическими свойствами, тѣлъ... Вообразить себѣ все это мы можемъ, конечно, не иначе какъ происходящимъ во времени. Но какъ и чѣмъ возможно было бы измѣрить его? Существовали движенія, смѣны явленій движенія, причемъ ничего не пропадало изъ общаго состава движущагося, и движенія не прерывались, не пропадали, а преобразовывались. Много ли было этихъ смѣнъ, существовали ли повторенія, или океанъ движенія давалъ все новыя и новыя послѣдовательныя состоянія? Кто узнаетъ это, и кто можетъ удобопонятно представить себѣ и познать? Кто можетъ знать даже и то́—

совершилось ли все, предполагаемое существующимъ до появленія человѣческаго сознанія, въ одно мгновеніе, или совершалось, до сознанія, въ теченіе тысячей вѣковъ! Затѣмъ, какъ опредѣлить скорость или представить ее себѣ?—Движеніе предполагаетъ протяженіе, пространство. Но какимъ образомъ измѣрить, хотя бы и въ мысли, пространство, когда оно могло заявиться лишь съ движеніемъ? Движеніе предполагаетъ протяженіе, а протяженіе, между тѣмъ, заявляется лишь съ движеніемъ или при условіи движенія!...

Кто выпутается изъ всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ обстоятельствъ и состояній? Врядъ ли это удастся и цѣлому ряду самыхъ остроумныхъ мыслителей...

По всему этому я, и нынѣ, считаю не безосновательнымъ то́, что́ говорилъ въ брошюрѣ моей «*Еще о сознаніи, какъ условіи бытія*» (1888 года. Стр. 35, 36):

«Верховный Разумъ, Верховная Воля предполагаютъ дѣйствованія цѣлесообразныя. Къ чему же тогда верховному и всемогущему Существу понадобились бы милліоны лѣтъ или вѣковъ, сквозь которые проходили бы процессы развитія элементовъ того зданія, которое воздвигается какъ мірозданіе только лишь предъ человѣческимъ сознаніемъ, и тогда какъ сами процессы эти (пологаемые происходившими до появленія человѣческаго сознанія) могли быть обнимаемы какъ *процессы* только лишь человѣческимъ сознаніемъ? Зачѣмъ понадобились бы Богу милліоны лѣтъ

для производства предъуготовительныхъ работъ внѣ всякаго, одновременнаго съ ними, знанія о нихъ?»

«Бога мы не можемъ мыслить ни какъ великаго архитектора, ни какъ великаго физика, ни какъ великаго механика. Для того, чтобы осуществить Свою Волю, Ему не нужно, – какъ нужно упоминаемымъ спеціалистамъ,—ни мѣры, ни вѣса, ни сродства, ни пространства, ни времени, ни движенія, ни эволюціи. . Все это—элементы сознанія человѣческаго. Можемъ ли мы представить себѣ—что́ такое, для Бога, милліоны лѣтъ, милліоны вѣковъ?!...» [1])

Не надо забывать также, что природа не движется только, а вообще *живетъ*. Философовъ должно озабочивать не то́, что́ дало первый толчокъ для движенія, а – сама «жизнь».

«Такъ какъ Творческое могущество есть могущество *свободное*, то мы и не можемъ никакъ открыть, нашимъ разумомъ, *необходимое* начало происхожденія вещей», справедливо замѣчаетъ Эрнестъ Навиль, въ своей книгѣ «*La physique moderne*», комментируя Бэкона.

---

[1]) Въ приведенной выпискѣ изъ моей брошюры выражаются, въ формѣ вопроса, мои мысли. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что бы я имѣлъ претензію судить объ образѣ дѣйствованія, о путяхъ и конечныхъ цѣляхъ Верховной Воли. *Примѣч. автора.*

Неустранимое заключеніе.

Первое, второе и третіе Положенія (изъ поддерживаемыхъ, въ моихъ книгахъ, Положеній) выставлены впередъ и въ настоящемъ моемъ *трудѣ*. Три положенія эти выражаютъ истину неопровержимую, истину, существующую на фактѣ, а не мной, разумѣется, открытую.

Можно, конечно, находить недостатки въ моихъ демонстраціяхъ этой истины, но *истинности* ея опровергнуть невозможно.

Въ виду этого, тѣмъ ученымъ писателямъ, которые или отрицаютъ Бога, или Его какъ будто игнорируютъ въ своихъ обобщеніяхъ, придется признать, что, до появленія человѣческаго сознанія, не только не существовало никакого міра, но, что, тогда, и ничего не было.

Признавая же это, придется заключить, что *все* произошло изъ *ничто*... Упоминаемые ученые писатели, разумѣется, не согласятся дать такое заключеніе. Они не захотятъ разрушить свою науку, а если не захотятъ, то, для нихъ, не останется другого выхода изъ противорѣчій, кромѣ признанія вѣчнаго существованія Божественнаго Сознанія, Слова...

И признать они должны будутъ, это существованіе, не какъ постулатъ чувства и ума, не какъ выводъ свободной мысли, а какъ *фактъ* самой жизни и какъ условіе всякаго бытія.

Фактъ жизни, какъ жизни, *первѣе* ея прояв-

ленія. *Условіе* всякаго бытія *первое* бытія. Сознаніе Божіе, Слово, есть *Первое* не въ порядкѣ времени, а въ вѣчномъ движеніи жизни, которая не мыслима безъ Слова. — Никакой ученый, никакой писатель, конечно, не скомпрометтируетъ себя въ глазахъ истинно ученыхъ и не согрѣшитъ предъ серьознымъ знаніемъ, повторивъ, вмѣстѣ съ нами, то, что Апостолъ Любви провозгласилъ, говоря о Словѣ:

«*И безъ Него ничто же бысть еже бысть*».

ГЛАВА II.

На рубежѣ...

«Сіе сказалъ Я вамъ, чтобы вы имѣли во Мнѣ миръ. Въ мірѣ будете имѣть скорбь; но мужайтесь. Я побѣдилъ міръ»

Евант. Св. Іоанна. Гл 16, Ст. 33.

I.

Удалясь, мысленно, отъ всѣхъ другихъ людей и стоя одинокимъ у порога могилы, я обозрѣваю, пройденный мною, долгій періодъ жизни...

Говоря вообще, дѣло шло между моимъ — *я* и *не-я*. «*Я*» — свобода; «*не-я*» — область правимая неизмѣнными законами, *необходимость*. Все *не-я*, вполнѣ, со включеніемъ и моего физическаго организма, мнѣ импозировалось...

Въ импозирующейся средѣ, я не могъ не встрѣчаться съ препятствіями, а потому не могъ не бороться, идя къ своимъ цѣлямъ,—не могъ не бороться, усиленно, противъ того, чтобы эти цѣли не застилали мыслимой мною главнѣйшей цѣли.

Я дѣйствовалъ: работалъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ импозировавшимся мнѣ *не-я*, работалъ мыслью, стараясь познать то́, что́ мнѣ импозировано; предполагалъ, воображалъ, писалъ, радовался, восхищался, печалился, недоумѣвалъ, падалъ духомъ, молился, болѣлъ и страдалъ при видѣ бѣдствій, постигавшихъ меня и другихъ подобныхъ мнѣ; ужасался и ропталъ (?!), встрѣчаясь, непосредственно или посредственно, съ такими явленіями, въ какихъ бѣдствія, поражающія какъ единичнаго человѣка, такъ и цѣлыя сборища людей, достигали крайнихъ предѣловъ... *Не видя* въ нихъ, иногда, никакого смысла, я вопрошалъ и не переставалъ вопрошать подъ страшнымъ и мучительнымъ гнётомъ придавленнаго нравственнаго чувства...

Во всемъ этомъ состояла и состоитъ моя жизнь, — борьба моего — *я* съ *не-я*... Къ чему мнѣ усиливаться доказывать себѣ, что *не-я* не существуетъ объективно, что оно есть не что иное, какъ видѣнія, акциденціи моей жизни? Оно, все-таки, относительно моего—*я* стоитъ предо мною, и *моимъ*, для меня, не сдѣлается. Я не могу не принимать того, что́ мнѣ дано, не таковымъ, каковымъ оно мнѣ дано, не таковымъ, каковымъ оно мнѣ импозировано, а, напротивъ, долженъ въ немъ дѣйствовать, бороться, найдти, въ немъ, себѣ обязательную роль.—Борясь, я долженъ,—по указанію разсудка и подъ контролемъ совѣсти,—дѣйствовать такъ, какъ подобаетъ дѣйствовать свободному и нравственно-отвѣтственному суще-

ству, въ которомъ сознательная жизнь водворена вмѣстѣ съ чувствомъ обязываемости.

Стремленіе все къ лучшему и лучшему, это—ужъ въ моей натурѣ. Но, для собственнаго же своего удовлетворенія, я долженъ всегда помнить, что высшій предѣлъ, высшая ступень *лучшаго,* для меня, находится въ самомъ процессѣ моихъ дѣйствованій, въ моихъ поступкахъ, когда они способствуютъ какъ моему собственному совершенствованію, такъ и совершенствованію окружающихъ меня и ихъ внутреннему благосостоянію... Таковыя дѣйствованія заключаютъ въ себѣ самую высшую изъ наградъ, которыя могутъ быть достигнуты въ земной жизни...

А тѣ вопросы,—тѣ вопросы о жизни и смерти, о бѣдствіяхъ постигающихъ человѣка,—вопросы, которые осаждали и давили меня съ самаго начала моей сознательной жизни?... Рѣшила ли ихъ жизнь? Нѣтъ: рѣшеніе, здѣсь на землѣ, для человѣка, невозможно...

Но я могу сказать, однако, что стою съ ними, у порога могилы, съ болѣе опредѣленными понятіями.

Я размышлялъ и читалъ не мало, ища поддержки въ мысляхъ другихъ, по кровнымъ, для человѣка, вопросамъ. Но я замѣчалъ, что большинство лучшихъ людей, поднимающихъ эти вопросы, имѣетъ въ виду *человѣчество*, а не *человѣка!* Къ *чему* должно стремиться человѣчество, *какъ* оно должно двигаться впередъ, и *чего* должно достигнуть,—вотъ что̀ интересуетъ упо-

минаемое большинство. На первомъ планѣ стоитъ судьба человѣчества, а не человѣка. Мечтаютъ о томъ, что, путемъ прогресса, идущаго по намѣчаемымъ философами колеямъ, человѣчество придетъ, наконецъ, къ такому состоянію, какое будетъ выражать наивысшую ступень возможнаго для людей блага, въ земной жизни. А между тѣмъ, для меня ясно, что мыслитель, предпологающій—что мечта эта осуществится и, вмѣстѣ съ тѣмъ, старающійся убѣдить себя въ томъ, что, съ земною жизнью, кончается для человѣка все,—неизбѣжно долженъ остановиться предъ вопросомъ, поставленнымъ еще Іоганномъ-Готтлибомъ Фихте:

«Предпологая, что осуществленіе такого усовершенствованнаго общества совершилось,—что, затѣмъ, останется на землѣ дѣлать человѣчеству? По достиженіи своего апогея, человѣчество ужели окажется обреченнымъ на неподвижность? Дѣятельность того поколѣнія, которое первымъ достигнетъ цѣли (то-есть—вышесказаннаго состоянія) ужели будетъ заключаться въ томъ, чтобы удерживаться въ достигнутомъ состояніи—для передачи его, какъ бы по завѣщанію, слѣдующему поколѣнію? Это же поколѣніе,—будетъ ли оно только подражать примѣру предшествовавшаго поколѣнія? И наконецъ, въ этомъ поприщѣ прогресса, которое мы предположили безконечнымъ, ужели человѣчество кончитъ тѣмъ, что окажется остановившимся!» [1]).

[1]) «Вопросъ этотъ мы имѣемъ право поднять потому, что, сколь отдаленною отъ насъ мы ни предположили бы окон-

Тотъ же, кто, подобно мнѣ, интересуется гораздо болѣе судьбою отдѣльнаго человѣка, *судьбою человѣческой личности*, не можетъ не мыслить слѣдующимъ образомъ:

Точно такъ, какъ нельзя себѣ представить совершеннаго общества безъ соотвѣтственаго нравственнаго развитія каждаго изъ его членовъ, точно такъ невозможно представить себѣ и счастливѣйшаго общества безъ счастія каждаго изъ его членовъ.

Между тѣмъ совершенное и счастливѣйшее общество можетъ ли, оно, во всякомъ случаѣ, обезпечить личное счастіе,—счастіе каждаго изъ своихъ собратьевъ? Тотъ или другой изъ нихъ не будетъ ли, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, чувствовать себя столь же несчастнымъ, сколько чувствуетъ себя несчастнымъ, при такихъ же обстоятельствахъ, и современный человѣкъ? И тогдашнее общество, не смотря на свое совершенство, не окажется ли столь же безсильнымъ помочь извѣстному личному горю, сколь безсильно помочь, такому же горю, и современное общество?—Вѣдь, нельзя же забывать, что-какой бы степени благосостоянія вообще ни достигло человѣчество,—человѣкъ будущаго, все-таки, съ тѣмъ же мучительнымъ недоумѣніемъ, какъ и мы, будетъ стоять предъ роковыми вопросами жизни и смерти, по

чательную цѣль человѣческаго общества на землѣ,—все-таки она отдѣлена отъ насъ промежуткомъ конечнымъ, промежуткомъ измѣряемымъ, переступаемымъ». Фихте. *См книгу*: «*Пути къ раціональному міровоззрѣнію*». *Часть I.*

мышляя о горестной разлукѣ съ существомъ любимымъ.

Въ достигнутомъ человѣчествомъ апогейномъ его состояніи, конечно, должна будетъ царить *справедливость*, та самая справедливость, которая была двигателемъ умовъ и рукъ предшествовавшихъ поколѣній, старавшихся о всеобщемъ и практическомъ ея водвореніи въ человѣческомъ обществѣ [1]).—Но, что̀ такое есть *справедливость?* Есть ли она только случайная свойственность того или другого индвидуума, или—настоятельное требованіе воли каждаго сознательнаго существа, —законъ, проникающій все сознательно живое? Несомнѣнно, что она есть это послѣднее.

Теперь же, если все для человѣка оканчивается съ его земною жизнью, то гдѣ же тогда справедливость? Въ тотъ или другой моментъ міровой жизни человѣчество достигаетъ состоянія, о пришествіи котораго мечтали предшествовавшія поколѣнія, и для осуществленія котораго трудились, подвигаемыя чувствомъ справедливости. Почему же теперь всѣ эти поколѣнія, лишенныя *возможности* достиженія для себя такого же состоянія, исключены изъ пира какъ бы торжествующаго человѣчества?

---

[1]) Кантъ говоритъ: «Справедливость, это—идеалъ къ которому я обязываемъ стремиться непрестанно, хотя и не могу никогда его достигнуть; а было бы противорѣчивымъ, если бы я былъ обязываемъ стремиться къ идеалу химерическому». «*См. Разъискатели истины*». Т. I, стр. 365.

Справедливо трудиться, бороться и страдать для счастія будущихъ поколѣній; но справедливо ли то, чтобы достигнутое благо не распространялось на трудившихся, а дѣлалось бы достояніемъ только какого-то привилегированнаго поколѣнія?

Разсуждая такъ, человѣкъ отвергающій возможность загробной жизни можетъ придти къ заключенію, что онъ справедливѣе самого Бога!..

Независимо отъ упоминаемыхъ вопросовъ, поднимающихся въ такомъ человѣкѣ, онъ, неправильно, къ тому же, распростирающій непреложность выведенныхъ людьми законовъ природы и на Волю правящую Вселенной, не долженъ ли придти въ крайнее смущеніе, знакомясь съ предсказаніями ученыхъ о кончинѣ земного шара, — съ предсказаніями, имѣющими притязаніе быть основанными на точныхъ данныхъ современной науки природы? Вотъ, напримѣръ, какъ формулируетъ, свои предсказанія о кончинѣ земного шара, ученый писатель *Фламмаріонъ*:

Въ то время когда человѣкъ достигнетъ формъ утонченной красоты и перестанетъ трудиться физически, когда соціальное устройство дойдетъ до возможнаго на землѣ совершенства,—все живое на землѣ *замерзнетъ*. — Природѣ нѣтъ дѣла до людей.—Въ послѣдніе дни земного шара останутся обитаемыми только лишь экваторіальныя области. Но и туда вторгается холодъ; снѣгъ покрываетъ всю поверхность земли, морозъ свирѣпѣетъ, и послѣдняя пара людей засыпаетъ непробуднымъ сномъ.

И затѣмъ, — заключаетъ Фламмаріонъ, рисуя будущее какъ бы прошедшимъ,—«земля продолжала вращаться на своей оси, денно и нощно, витая въ безконечномъ пространствѣ».

«И солнце продолжало свѣтить, но — красноватымъ, тусклымъ свѣтомъ. Долго спустя, оно совершенно потухло, и темное земное кладбище продолжало вращаться во мракѣ вѣчной ночи, вокругъ огромнаго невидимаго чернаго шара».

«И звѣзды продолжали витать въ необъятномъ пространствѣ небесъ».

«И безконечная вселенная продолжала существовать съ билліонами солнцевъ и съ билліонами живыхъ и потухшихъ свѣтилъ» [1]).

«И цѣлые міры, полные жизни, радости и

---

[1]) Это предсказаніе, хотя оно и имѣетъ притязаніе быть научно обоснованнымъ, есть не что иное, какъ мечтаніе. Не слѣдуетъ забывать, что человѣческій міръ, равно какъ и правящіе имъ извѣстные законы — суть наши человѣческія представленія. Если этотъ міръ и можетъ быть уничтоженъ, то уже никакъ—не законами этого же міра, не законами природы, которые суть наши произведенія. Съ уходомъ послѣдняго человѣческаго сознанія изъ человѣческаго міра (еслибы таковой уходъ состоялся), исчезъ бы, конечно, и этотъ міръ. Не осталось бы ни вращенія земного шара около оси, ни витанія его, *денно* и *нощно*, въ безконечномъ пространствѣ, ни свѣта и потуханія солнца, ни темнаго земного кладбища, ни свѣтлыхъ звѣздъ, ни огромнаго *невидимаго* чернаго шара... Но осталось бы вѣчное, неугасающее, творящее и все поддерживающее Сознаніе.

Примѣч. автора.

любви, продолжали процвѣтать подъ ласковымъ взоромъ Всевышняго» [1]).

Къ такому безотрадному результату, по предсказаніямъ людей науки, должно придти человѣчество — цѣною трудовъ, жертвъ и страданій безчисленнаго ряда предыдущихъ поколѣній!..

И при мысли о такомъ результатѣ, не поднимется ли опять скорбный вопросъ о справедливости...

«Тѣ, которые вѣрятъ въ загробную жизнь, счастливѣе насъ!—думаетъ человѣкъ отвергающій возможность таковой жизни.—«Я желалъ бы вѣрить, но.....»

И затѣмъ онъ задаетъ себѣ вопросы:

«Почему Богъ не являлъ себя никогда такимъ образомъ, чтобы существованіе Его не могло быть сомнительнымъ ни для одного человѣка?»....

«Почему Онъ явилъ Себя, въ Богочеловѣкѣ, въ одну эпоху движенія человѣчества, а не явилъ Себя въ прежнія и послѣдующія эпохи, не являетъ Себя нынѣ?»... [2]).

---

[1]) Вѣроятно, Фламмаріонъ допускаетъ загробную жизнь, или новыя стадіи существованія человѣка на другихъ планетахъ. Иначе, послѣднюю фразу мы можемъ понимать только — какъ горькую насмѣшку надъ судьбою человѣчества. *Примѣч. автора.*

[2]) Христіанскій философъ II-го вѣка, *Святый* мученикъ *Іустинъ* (St-Justin) [*род. 103 г., замученъ въ 167 г.*] отвѣтилъ на возможность подобныхъ вопросовъ ниже приводимыми словами: «Весь нашъ отвѣтъ на это затрудненіе заключается въ нижеслѣдующемъ: мы узнали и мы проповѣдуемъ, что

И множество другихъ скорбныхъ вопросовъ осаждаютъ умъ человѣка не допускающаго будущей жизни, и онъ не можетъ никакъ примирить ихъ съ понятіемъ о справедливости.

Послѣдствіями такого неопредѣленнаго умственнаго и нравственнаго состоянія нерѣдко оказываются: безотрадное невѣріе, утрата уваженія къ человѣческому достоинству вообще, а потому—и къ самому себѣ; паденіе чувства долга; низведеніе безусловной нравственности къ практикѣ ходячей

Іисусъ Христосъ есть первородный Сынъ Бога и вѣчный Разумъ *(logos)*, которому сопричастенъ весь родъ человѣческій. Что же слѣдуетъ изъ этого? Слѣдуетъ то, что всѣ тѣ, которые жили сообразно разуму, суть христіане... До Іисуса Христа, тѣ, которые жили, не беря въ руководители разумъ, были люди злые, враги Христа, убійцы хорошихъ людей. Но всѣ тѣ, которые жили и живутъ жизнью вполнѣ разумною, суть по истинѣ христіане, и не должны имѣть, въ томъ, что касается ихъ спасенія, ни страха, ни безпокойства».

Святый Климентъ Александрійскій (сконч. въ 217 г. по Р. Х.) говоритъ, по тому же поводу, почти такъ же, какъ говоритъ св. Іустинъ: «Богъ, во всѣ времена, съ сотворенія міра, изливалъ на человѣковъ божественное Слово. Всѣ тѣ изъ грековъ и варваровъ *), которые стремились къ истинѣ и искали ее, были просвѣщены, болѣе или менѣе, Словомъ, источникомъ Истины».

Взято изъ книги: «Le témoignage du Christ et l'unité du monde chrétien. Etudes philosophiques et religieuses», par Ernest Naville. 1893. Genève.

---

*) Греки, въ тѣ времена, называли *варварами* всѣхъ тѣхъ, которые не были греками. Такимъ же названіемъ и римляне обозначали другіе народы.

условной морали; недовольство существованіемъ, скука, тоска, отчаяніе, и... часто самоубійство.

Если же, напротивъ, человѣкъ будетъ думать, что самое реальное и доступное для него будущее можетъ встать, предъ нимъ, въ моментъ, непосредственно слѣдующій за моментомъ его чувственной смерти, если онъ, всего болѣе, будетъ заботиться *объ этомъ будущемъ*, а не о томъ, которое ожидается, мечтателями, въ послѣдованіи вѣковъ, то упоминаемые вопросы теряютъ свою безотрадную силу [1]).

То состояніе, которое мыслитель мнитъ, что провидитъ въ послѣдованіи вѣковъ, останется

---

[1]) Надежда на это будущее есть настоятельнѣйшее требованіе души; не формулируясь въ опредѣленныхъ чертахъ, она живетъ въ человѣкѣ, какъ элементъ присущій сознательной жизни. Еслибы она не жила какъ либо, еслибы она не шевелилась въ глубокихъ тайникахъ души, то любящій человѣкъ не могъ бы переносить земной жизни при потерѣ существа истинно любимаго. Она, надежда эта, можетъ ослабѣвать и тускнѣть; но чѣмъ болѣе человѣкъ любитъ, тѣмъ она становится явственнѣе, и можетъ даже, для сильно и воодушевленно любящаго, переходить въ увѣренность.

Тотъ Ученый (какимъ бы великимъ ученымъ онъ ни считался), котораго *псевдо-научныя* заключенія клонились бы, сознательно, къ вытравленію изъ сердца человѣка этой надежды, былъ бы *величайшимъ врагомъ человѣческаго рода.* Давая такія заключенія сознательно, онъ этимъ самымъ доказывалъ бы, что никогда и никого не любилъ, а если онъ никогда и никого не любилъ, то тогда, какъ онъ самъ, такъ и вся его великая ученость не стоятъ ничего.

Примѣч. автора.

всегда для него только лишь одною мечтою, тогда какъ одинъ шагъ отдѣляетъ его отъ *будущаго открывающагося за порогомъ могилы.* Это будущее, эта новая стадія человѣческаго существованія, по Волѣ Бога, одно оно только и можетъ разъяснить истинный смыслъ кажущейся несправедливости и разрѣшить наши недоумѣнія. Оно, вѣроятно, убѣдитъ также и въ томъ, что Богъ не покидалъ никогда человѣка абсолютно, и что для Него нѣтъ ни привилегированныхъ эпохъ, ни привилегированныхъ людей, и что выдвигаетъ человѣка предъ Нимъ только одно лишь его личное, нравственное достоинство.

Философъ можетъ рисовать картины счастливаго будущаго, котораго, по его предположеніямъ, должно достигнуть человѣчество, двигаясь къ нему путемъ прогресса. Но онъ не долженъ думать о прошедшихъ людяхъ, не долженъ говорить людямъ настоящаго и завѣщевывать, слѣдующимъ поколѣніямъ, то, что всѣ они, тѣ и другіе, были, есть и будутъ лишь средствами, служащими для осуществленія, въ отдаленнѣйшемъ грядущемъ, идеальнаго человѣческаго общества на землѣ Гласное исповѣдываніе такого мнѣнія, передовыми мыслителями, внесло и вноситъ, по моему убѣжденію, не мало горькихъ элементовъ въ общественную и личную жизнь людей, расшатывая и роняя въ человѣкѣ вѣру въ свою человѣческую стоимость, въ личное свое достоинство. Я думаю даже, что не мало хорошихъ людей добровольно прекращало свое существованіе на

землѣ подъ вліяніемъ мысли, что они — не что иное, какъ простыя орудія для служенія грядущему человѣчеству,—равно какъ не мало людей погублено насильственнымъ образомъ (войнами, революціями) подъ вліяніемъ подобной же идеи, и погибло разнымъ образомъ отъ равнодушія людей къ *человѣку*.

«Исторія представляетъ намъ много добрыхъ начинаній, оказавшихся на практикѣ пустыми иллюзіями, не мало попытокъ предпринимавшихся на пользу человѣчества и разразившихся, между тѣмъ, страшными катастрофами, паденіемъ національностей и уничтоженіемъ даже цѣлыхъ народностей. — Не кроется ли причина таковыхъ явленій въ томъ, что, въ этихъ начинаніяхъ и въ этихъ попыткахъ, упускалось изъ вида то̀, что въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, въ немъ самомъ, находится и его *конечная цѣль?* Стремленіе къ достиженію послѣдней должно составлять предметъ дѣятельности человѣка, а таковая дѣятельность, уже сама собою, предполагаетъ стараніе содѣйствовать другимъ отдѣльнымъ людямъ въ достиженіи, каждымъ изъ нихъ, своей конечной цѣли, что̀, вмѣстѣ взятое, обезпечиваетъ возможность водворенія *довольства существованіемъ въ человѣческихъ обществахъ*».

«Прежде всего наши желанія и наша дѣятельность должны быть устремляемы къ тому, чтобы образовать изъ *себя*, изъ другого, изъ третьяго человѣка, и т. д., *личности*, пригодныя стать единицами идеальнаго общества,—достиженіе како-

вой пригодности и было бы, въ сущности, достиженіемъ, каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, конечной цѣли земного существованія, а стало быть, и единственно возможнаго для него благополучія на землѣ» [1]).

Кантъ говорилъ: «Только чрезъ свою свободу и чрезъ повиновеніе нравственному закону человѣкъ и есть отдѣльная личность. Въ силу этого, человѣкъ есть существо столь же священное и неприкосновенное, какъ и самъ нравственный законъ, для котораго человѣкъ созданъ. Слѣдовательно, человѣкъ долженъ быть разсматриваемъ, каждымъ другимъ человѣкомъ, какъ *конечная цѣль, а не какъ средство*».

Много практическихъ явленій общественной дѣятельности, при которыхъ человѣкъ, обычно и безъ всякаго стѣсненія, третируется или принимается въ соображеніе, какъ средство, а не какъ *цѣль въ себѣ*, удерживаются, постоянно и преемственно, въ жизни государствъ и вообще человѣческихъ обществъ, не смотря на то́, что явленія эти, какъ, напримѣръ, война, признаются всѣми за несомнѣнное зло.

Удерживались и удерживаются таковыя явленія въ теченіе длиннаго ряда прожитыхъ вѣковъ потому, главнѣйше, что вліятельные передовые люди всѣхъ эпохъ оправдывали и оправдываютъ ихъ существованіе тѣмъ воображаемымъ благомъ, которое, чрезъ упоминаемыя явленія, можетъ быть

---

[1]) См брошюру «*Nosce te ipsum*». 1881. Ипполита Панаева. Стр. 6, 7.

достигнуто человѣчествомъ, или, точнѣе сказать, грядущими поколѣніями.

По логикѣ этихъ вліятельныхъ передовыхъ людей: – почему бы не пожертвовать, *Иваномъ*— настоящаго времени, благосостоянію будущихъ поколѣній, благу *Ивана* и *Карла*—будущихъ, которыхъ передовые люди воображаютъ достигающими высшихъ ступеней эволюціонной лѣстницы.

Такую логику я считаю несправедливою, а потому и ложною.

Одно дѣло говорить: «Я, *Петръ*, приношу *Ивана*, знакомаго мнѣ, въ жертву благосостоянію человѣчества, въ жертву блага *Ивана* и *Карла* — будущихъ, которыхъ не знаю», и другое дѣло рѣшить: «Я, *Петръ*, *хочу* принести *себя* въ жертву благосостоянію человѣчества вообще, въ жертву блага *Ивана* и *Карла* – будущихъ, которыхъ не знаю, но о которыхъ, тѣмъ не менѣе, не могу не озабочиваться».

Первое рѣшеніе противно справедливости, а потому не можетъ быть не заблужденіемъ.

Второе рѣшеніе такого характера, конечно, не имѣетъ. Это есть актъ самопожертвованія и, какъ таковой, есть, слѣдовательно, практика высочайшаго начала сознательной жизни,—практика безкорыстной любви...

Еслибы, въ обоснованіе всѣхъ общественныхъ законоположеній, поставлено было неизмѣнное правило: «*Человѣкъ никогда не можетъ быть разсматриваемъ какъ средство*», и еслибы, сообразно этому перестроенныя, законоположенія

стали бы, постепенно, послѣдовательно и добросовѣстно, проводиться въ жизнь вообще и въ нравы людскихъ обществъ, то, въ жизненномъ движеніи обществъ и государствъ, произошли бы коренныя измѣненія, которыя, несомнѣнно, повліяли бы, благотворнѣйшимъ образомъ, на внутренній, душевный міръ и отдѣльнаго человѣка.

Въ результатѣ могло бы оказаться, что *проституцію* и *войны*, напримѣръ, которыя всѣми признаются несомнѣннымъ зломъ, перестали бы считать зломъ *необходимымъ*, и онѣ стали бы, въ концѣ-концовъ, невозможными...

Спрашивать: «*Зачѣмъ* — тѣ или другія бѣдствія» — не все ли равно, что спрашивать: «Зачѣмъ — я существую?» — Въ мірѣ таковомъ, въ таковомъ мы вращаемся, здѣсь на землѣ, отвѣта на это я не получу... Но останусь ли я безъ отвѣта абсолютно? Кто знаетъ это!

Но я *знаю*, однако, что *есть* Богъ, Божественное Сознаніе, Слово, «свѣтъ истинный, который цросвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ». Знаю, что живемъ мы въ своемъ спеціальномъ мірѣ, въ мірѣ человѣческомъ.

Все яснѣе и полнѣе раскрывающаяся *гармонія* между *познающимъ* и *познаваемымъ* не можетъ не свидѣтельствовать, что міръ, который мы познаемъ, *устроенъ* для человѣка, и что значеніе человѣка исключительное,—исключительное по-

тому, что сознаніе человѣка оказывается необходимымъ условіемъ существованія этого міра [1]).

Жизнь наша проходитъ въ борьбѣ съ своею собственной природой и съ природой внѣшней,—въ борьбѣ, которая сказывается намъ, чрезъ нравственный сенсъ, въ общемъ, радостями и печалями, добромъ и зломъ, одобреніемъ и неодобреніемъ.

Чтобы жизнь шла безъ отрицательныхъ элементовъ, безъ борьбы, безъ горестей и несчастій, шла бы сплошнымъ, радостнымъ чувствомъ,—мы можемъ этого желать, но представить себѣ манеру жизни иначе, чѣмъ она дана для насъ, мы не въ состояніи.

Жизнь *въ себѣ*, жизнь полная, неисчерпаемо, всякими совершенствами, вотъ *что* мы должны мыслить о Богѣ, и *чего* не можемъ не мыслить. Жизнь эта, въ совершенствахъ доступныхъ пони-

---

[1]) «Смыслъ этотъ міръ имѣетъ только для человѣческаго сознанія. Поддается онъ только человѣческому познанію, и нарисоваться въ цѣломъ можетъ только въ сознаніи человѣка, а не какого либо другого существа. Толкуетъ *человѣкъ*, а не кто другой, и толкуетъ о мірѣ устроенномъ для человѣка, а не о какомъ либо другомъ мірѣ». *См.* «*Голосъ долга*». *1885 г. Стр. 35.*

«Только лишь человѣкъ, и онъ одинъ, способенъ соображать природу, какъ систему, и ставить себѣ разумную цѣль». (Кантъ). *См.* «*Разъискатели истины*» *1878 г. Т. I, стр. 425.*

«Вѣра въ Бога, въ свободу, въ добродѣтель, въ безсмертіе: вотъ отличительный характеръ человѣчества», говорилъ Ф. Г. Якоби.

манію человѣческаго существа на всѣхъ ступеняхъ его развитія, проявилась въ Богочеловѣкѣ. «Въ Немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ». Живя между другими и являясь во всемъ желаемымъ образцомъ, Онъ, вмѣстѣ съ ними, радовался, печалился, страдалъ, и за нихъ же принялъ мученическую и позорную смерть, тогда когда ученики Его были увѣрены, что въ Его власти было избѣжать и страданій, и смерти... Не засвидѣтельствовано ли этимъ и то́, что *жизнь на землѣ не можетъ не проходить чрезъ страданія и смерть*...

...Отложивъ же роковые вопросы, не разумнѣе ли будетъ, съ большимъ одушевленіемъ, заняться разъискиваніемъ Воли Божіей во всемъ, какъ въ самомъ себѣ, такъ и во внѣшней природѣ,—заняться этимъ, взявъ за образцы *точныхъ* послѣдователей Христа, и такихъ великихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Кантъ или Кеплеръ, изъ которыхъ первый пришелъ къ Богу, увидѣвъ нравственный законъ начертанный въ глубинѣ своей совѣсти [1]), а второй, полагая, что «позна-

---

[1]) Вотъ что́ говоритъ *Дедуи* (Desdouits) въ своемъ резюмированіи *Критики* Канта:

«Предъ идеею Бога, начертанной въ нашей душѣ, онъ сомнѣвался и спрашивалъ себя: идея эта не есть ли фикція нашего ума? Предъ лицомъ вселенной, которая являетъ славу Бога, онъ опять усумнился, и вопрошалъ: этотъ строй небесъ, эта гармонія природа не пустые ли они феномены?

...Но, вдругъ, въ глубинѣ своей совѣсти, онъ открываетъ зрѣлище болѣе изумительное, чѣмъ звѣздное небо,—видитъ

вать истину—значитъ, въ мысли, воспроизводить мысли Создателя, разсматривалъ факты, какъ слова, начертанныя Божественною рукой» [1]) [2]).

Тогда, при стараніи открыть или понять Волю Божію въ практической жизни, мы, можетъ быть, пріобрѣтемъ раціональную вѣру въ то́, что отвѣтъ не останется абсолютною тайной, и что не напрасно говорилъ Христосъ: «*Въ домѣ Отца Моего обителей много*».

Жизнь не есть свойство или качество вещей, не есть производное формы или организаціи, а есть нѣчто существующее *въ себѣ* (en soi). Самостоятельность и властность ея таковы, что если бы ея не было, то не было бы и ничего. Она

нравственный законъ. Невозможно уже сказать, что это пустой феноменъ, потому что нравственный законъ необходимъ, невозможно сказать и то́, что я самъ создалъ этотъ законъ,—невозможно сказать цотому, что не я закону, а законъ мнѣ повелѣваетъ. Онъ существуетъ дѣйствительно, существуетъ вѣчно, и стоитъ выше меня. Стало быть, онъ не иначе можетъ придти ко мнѣ, какъ отъ существа, которое резюмируетъ въ себѣ нравственный порядокъ во всей полнотѣ, не иначе какъ отъ Существа совершеннаго... И благоговѣйно преклоняется философъ: онъ узналъ своего властелина и Бога». *См.* «*Разъискатели истины*». *1878 г. Т. I; стр. 434—435.*

[1]) См. «*La physique moderne*». par Ernest Naville. 1883. p. *156.*

[2]) *Гёте* говорилъ: «Именно въ этой постоянной гармоніи безконечнаго разнообразія, я и вижу, самымъ яснымъ образомъ, черты, проведенныя Божественною десницей». *См.* «*Разговоры Гете, собранные Эккерманномъ*». *Пер. Д. В. Аверкіева. 1891.*

не умираетъ и не пропадаетъ. По самому внутреннему значенію своему, понятіе «*жизнь въ себѣ*» исключаетъ понятіе «смерть» [1]).

Я самъ также *есмь* жизнь *въ себѣ*, и, какъ таковая жизнь, понимаю, что «жизнь въ себѣ» не умираетъ. Смерть,—какъ это ни странно сказать,—есть одно изъ проявленій *жизни*, которая

---

[1]) Всякая смерть есть рожденіе. Правильнѣе говоря, никакое существо не можетъ умереть, потому что вся природа вполнѣ есть живая. Смерть, стало быть, не умерщвляетъ, не уничтожаетъ.

Она есть не что иное, какъ моментъ разцвѣта новой жизни, скрытой до того въ той жизни, которая предшествовала. Какъ смерть, такъ и рожденіе, это суть прогрессы жизни, новыя, переступаемыя ею, ступени, на каждой изъ которыхъ жизнь, все болѣе и болѣе, очищается на пути къ самопроявленію, долженствующему становиться, все болѣе и болѣе, полнымъ.

И какимъ образомъ смерть могла бы быть чѣмъ либо другимъ? Есмь *я* вѣдь не эѳемерная форма жизни только, а сама жизнь,—жизнь примитивная, реальная, существенная. Возможно ли же допустить, чтобы природа была въ состояніи уничтожить такую жизнь,—жизнь, которая исходитъ не изъ нея,—въ состояніи была бы заставить умереть мое *я*, тогда какъ она не могла призвать его къ жизни. Природа не можетъ уничтожить даже и мою земную жизнь—это представленіе внутренней, не могущей быть видимымъ, конечнымъ взоромъ, жизни,—не можетъ уничтожить потому, что тогда она (природа) должна была бы уничтожить самое себя Вѣдь *есть* природа только лишь для меня и по причинѣ меня, *есть* только потому, что *я есмь*. *См. въ книгѣ «Пути къ раціональному міровоззрѣнію»*. 1880 г. *Часть I (Фихте); стр. 344—345.*

не можетъ прерваться или быть прерванною природой.

Но сохраняетъ-ли жизнь обособившаяся въ человѣкѣ, сохраняетъ ли наше сознаніе, содержаніе изжитаго въ теченіе пребыванія на землѣ,—этого я не знаю. Я надѣюсь... ищу условія, при которомъ упоминаемое содержаніе удерживалось бы, въ сознаніи, и въ другой стадіи существованія,—ищу условія, при которомъ личность не пропадала бы въ общей жизни вселенной.

«Цѣль мірового процесса,—говорилъ Кантъ,—есть нравственное совершенствованіе человѣческаго рода». Другой цѣли, мыслящій человѣкъ, сообразить себѣ не можетъ.—Цѣль человѣка, человѣческой жизни, есть образованіе изъ себя идеала существа мыслящаго и нравственно свободнаго. Достичь этой цѣли человѣкъ, въ земномъ существованіи, не можетъ; но стремленіе къ ней переступаетъ смерть... А если переступаетъ, то поприще, для соотвѣтственной дѣятельности въ непрекращающемся пребываніи жизни, можетъ быть, по Волѣ Божіей, ему и предоставлено.

«Всѣ намѣренія и акты наши отражаются въ нашемъ сознаніи. Рядъ этихъ отраженій безконеченъ, и они могутъ утрачиватьея въ сознаніи, какъ утрачиваются, напримѣръ, воспоминанія жизненной дѣятельности дѣтства.

«Но намѣренія и акты наши, которые принимались и совершались (иногда послѣ выдержанной тяжкой и упорной борьбы) по повиновенію внутреннему закону и подъ вліяніемъ поднятія въ

себѣ такихъ чувствъ, какія Христосъ носилъ въ себѣ непосредственно, составляютъ *правильные и прямые шаги* сознанія духа на лѣстницѣ самосовершенствованія.—Какъ ступени этой лѣстницы, какъ моменты развитія, и существенные его элементы, они не могутъ и не должны утрачиваться изъ индивидуальнаго сознанія, иначе: *никакого развитія духа не могло бы и существовать.*

«Въ дѣлѣ *саморазвитія* духа я никакъ не могу быть смѣняемъ другимъ, ибо дѣло это никто не можетъ совершить, *кромѣ меня самого.* Если каждому повелѣно начинать, то каждому опредѣлено продолжать, и, въ такомъ дѣлѣ, какъ развитіе моего духа, *замѣненъ* я никѣмъ быть не могу.—Если же не утрачиваются, въ зеркалѣ сознанія, отраженія упоминаемыхъ намѣреній и актовъ, то должны сохраняться въ немъ и воспоминанія отраженій обстоятельствъ и картинъ, среди которыхъ эти намѣренія и акты предпринимались.

«Допускать, для сознанія, идущаго по раціональному, должному пути, полную утрату воспоминаній о прошедшей нравственной дѣятельности, было бы все равно, что допускать перерывы на пути безконечнаго развитія духа, или, что—то-же, отрицать идею безконечнаго непрерывнаго развитія. Отрицаніе же этой идеи равносильно было бы утвержденію, что міровой процессъ не имѣетъ никакой цѣли» [1]).

---

[1]) *См. книгу. «Голосъ долга. Мысли о воспитаніи человѣка.» 1885 г. Стр. 40, 41.*

Нравственный сенсъ, вспомоществуемый Религіей и философіей, указываетъ намъ наиболѣе правильный путь для жизненнаго движенія. Но, многіе ли не сворачиваютъ съ этого пути на широкую и избитую дорогу своекорыстныхъ интересовъ; многіе ли внимаютъ указанію, не смотря на хорошее знакомство съ кодексами самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ правилъ!

Не лучше ли же будетъ выработать себя такъ, чтобы способность дѣлать упоминаемые выше *шаги* становилась бы для человѣка дѣломъ совершенно *естественнымъ*?—Но, возможно ли это? Въ *Приложеніи* I моей книги: «*Голосъ долга. Мысли о воспитаніи человѣка*» [1]), я старался разъяснить —при какихъ условіяхъ это возможно.

Суть въ томъ, что такого возвышеннаго состоянія человѣкъ можетъ достигнуть единственно только лишь чрезъ сильную воодушевленную привязанность къ лицу, которое привязавшійся цѣнилъ бы, разумѣется, несравненно выше себя, и который былъ бы дѣйствительно таковымъ. — Каждый человѣкъ найдетъ таковое лицо во Христѣ, въ Богочеловѣкѣ.

«Расположеніе къ добру естественно, но опредѣленіе его можетъ дѣлаться не вѣрно; въ приложеніяхъ упоминаемаго расположенія могутъ оказываться заблужденія. Воплощеніе же истиннаго добра въ человѣкѣ даетъ всѣ опредѣленія доб-

---

[1]) См. книгу «Голосъ долга. Мысли о воспитаніи человѣка», 1885. Приложеніе I.

раго *наглядно* и импозируетъ своею привлекательностью неотразимо. Любить Того, кто былъ бы полнымъ воплощеніемъ добраго, общедоступно. Привлекательность зрѣлища полнаго самоотреченія, въ виду блага другихъ людей, такъ сильна, что способна побѣждать самое закоренѣлое во злѣ и въ предразсудкахъ, самое загрубѣлое сердце. Таковою Личностью, воплощающею собою всѣ обаятельныя стороны добра, явилъ себя Христосъ» [1]).

Тотъ, кто пристально станетъ вглядываться въ черты Божественной Личности, кто станетъ разбирать земную жизнь Христа и вдумываться въ смыслъ Его рѣчей, не можетъ не полюбить Его воодушевленно [2]).

---

[1]) См. «Голосъ долга» 1885 г. *Приложеніе. 1.*

2) «Ему поклонялись за то, что, обладая могущественнымъ величіемъ и всепобѣждающею властью, высказывавшимися въ Его чудесныхъ дѣйствіяхъ, Онъ самовольно отказался отъ пользованія этою властью, не придавая ей повидимому большаго значенія, обращался съ людьми, какъ съ равными себѣ, помогалъ имъ въ бѣдѣ и училъ ихъ любить другъ друга. Ему покланялись, далѣе, за то, что, перенося съ несокрушимымъ терпѣніемъ постоянную бурю клеветы, Онъ противопоставлялъ всѣмъ нападкамъ людей одно смиренное молчаніе, не смотря на то, что Его враги постепенно становились все смѣлѣе и самонадѣяннѣе. Наконецъ, Ему покланялись за то, что Онъ отказался употребить въ свою защиту чудотворную силу,—которая, по Его убѣжденію, была дарована Ему только для пользы другимъ,—даже и тогда, когда враги Его дерзнули завладѣть Его личностью и предать Его мученической смерти. Соединеніе величія и самопожертвованія, невыразимая снисходительность, могущественная сила, сдерживаемая могучимъ самооблада-

Характеръ ученія Христа состоитъ главнѣйше не въ запрещеніи дурныхъ поступковъ, дѣлаемомъ какъ бы въ предположеніи человѣка уже естественно порочнымъ, а въ воодушевленіи, въ воспламененіи, въ немъ, тѣхъ добрыхъ элементовъ, какіе умиляютъ насъ въ дѣтяхъ, обнимая которыхъ Христосъ сказалъ: «таковыхъ есть царствіе Божіе».

Жизнь всеобъемлющая, Божественное Сознаніе, Слово, дѣйствовавшее среди насъ, въ образѣ Богочеловѣка, дало и нашей сознательной жизни искру своего всемогущества. Еслибы мы, практикой нашей жизни, давали, этой искрѣ, возможность превратиться въ пламя, то чувствовали бы себя довольными жизнью, примиренными съ нею и съ самимъ собою. Многое непонятное стало бы понятнымъ, многое не разрѣшонное было бы разрѣшено, многое невоможное стало бы возможнымъ.

даніемъ, однимъ словомъ—Крестъ Христовъ, вотъ что пріобрѣло Ему всѣ сердца». *См. книгу «Ессе Homo» неизвѣстнаго автора. Пер. съ Англійскаго Ѳ. Тернера. 1877. Часть 1; Ст. 103—104.*

Иныя скорби такъ жестоко угнетаютъ человѣка, что онъ рѣшительно не знаетъ куда уйдти отъ нихъ, гдѣ найдти облегченіе и примиреніе... Весь міръ, со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ, со всѣмъ своимъ знаніемъ, остается нѣмымъ предъ запросами страдающей души... Не нѣмъ только Христосъ «Я есмь путь и истина и жизнь», говоритъ Онъ, и, дѣйствительно, только лишь на этомъ пути и, въ концѣ-концовъ, у *Креста* можетъ найдти человѣкъ примиреніе, котораго онъ уже не надѣялся найдти. *Примѣч. автора.*

Іисусъ сказалъ: «Я есмь хлѣбъ жизни; приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать, и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда» [1]).

Любя, *воодушевленно*, Богочеловѣка, мы почувствовали бы возможность любить всякаго человѣка по причинѣ уже того, что онъ близокъ и дорогъ Христу, «какъ предметъ Его любви въ жизни и смерти» [2]). Тогда мы становились бы, все болѣе и болѣе, радостными и разумными. Радость же постоянно уясняла бы намъ наше умственное зрѣніе и освѣщало бы жизненный путь.

Крѣпкая дружба двухъ людей, это—большая сила. Какова же могла быть сила цѣлаго общества, члены котораго были бы связаны, между собою, узами, подобными узамъ, связывающимъ двухъ друзей! «Ибо, гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ,»—сказалъ Хри-

---

[1]) Еван. Св. Іоанна. Гл. VI, ст. 35.

[2]) Далекій отъ нашихъ мудрствованій, простой народъ воспринимаетъ, суть и силу Христіанства, прямѣе и вѣрнѣе, чѣмъ цивилизованные люди. *Суть* онъ видитъ не въ нравственныхъ правилахъ, съ которыми ему рѣдко приходится ознакомиться, а въ Христѣ, въ самой Его обаятельной Личности; *силу* же чувствуетъ въ любви къ Нему,—въ любви, по убѣжденію простолюдина, все примиряющей, все уравнивающей, и располагающей людей къ благоволенію. Возванія *«ради Христа!»*, или, что́—то-же, «по любви къ Христу!», — свидѣтельствуютъ, что обездоленные, уже впередъ, предполагаютъ въ тѣхъ, къ кѣмъ обращаются, любовь ко Христу, а потому — и готовность помочь труждающимся и обремененнымъ, которыхъ Онъ считалъ Себѣ близкими. *Примѣчаніе автора.*

стосъ. Эти двое или трое почувствуютъ Его присутствіе своимъ несказанно отраднымъ внутреннимъ состояніемъ. Почувствовало бы, несомнѣнно, Его присутствіе, и общество связанныхъ довѣріемъ и любовію людей,—почувствовало бы въ перерожденіи взаимныхъ между всѣми отношеній.

Не въ естествѣ человѣка, каковымъ разсматриваетъ его естественная наука, и каковымъ онъ и самъ себя мыслитъ,—*не въ естествѣ* его—питать, то или другое чувство, по заказу, по приказанію. А между тѣмъ, Христосъ заповѣдуетъ: «Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ».—Всѣ внимаютъ этому съ умиленіемъ, но чуть-ли не всѣ и говорятъ, что достигнуть этого возможно только лишь какимъ либо *чудомъ*.

Но *чудо* это совершилось. Вѣрные послѣдователи и послушные ученики Христа доказали, возможность такого *чуда*, выполненіемъ завѣщаннаго имъ Учителемъ, который зналъ, что, на приглашеніе, имѣется въ человѣкѣ и возможность отзыва.

Да и можемъ ли мы утверждать, что и нынѣ не имѣется отдѣльныхъ личностей являющихъ, въ себѣ и собою, такое, *чудо*. Достаточно привести въ примѣръ извѣстнаго католическаго миссіонера, О. Даміена де Вёстеръ (Damien de Veuster), жившаго около 16 лѣтъ (съ мая 1873 г. до дня его смерти, 15 апрѣля 1889 г.) исключительно только лишь съ одними прокаженными, на пустынномъ островѣ Молокаѣ (Гавайскій архипелагъ), на который

были свезены всѣ прокаженные королевства [1]). Въ теченіе 13 лѣтъ не тронутый проказою, и въ послѣдніе годы уже заразившись ею, отецъ Даміенъ посвятилъ эти 16 лѣтъ своей жизни безпримѣрно самоотверженному служенію исключительно несчастнымъ,—служенію имъ: и умомъ, и дѣломъ, и словомъ, и собственными руками. Несомнѣнно то, что онъ любилъ ихъ, и что они, также, любили его горячо и благоговѣйно. И въ то время, когда проказа уже точила и увѣчила его, онъ, продолжая свою дѣятельность съ обычнымъ воодушевленіемъ, не только безропотно переносилъ болѣзнь, но и до послѣдняго мгновенія жизни былъ *свѣтелъ и радостенъ*...

«Мы стоимъ,—какъ говоритъ одинъ изъ иностранныхъ писателей,—предъ лицомъ *факта,* ко-

---

[1]) «Сначала, эти несчастные переселенцы не заботились объ улучшеніи своей участи, пробивались кое-какъ, жили и умирали въ мученіяхъ.

«Лѣтъ чрезъ пять послѣ начала этой насильственной эмиграціи, на помощь имъ явился великодушный бельгійскій священникъ, отецъ *Даміенъ де Вёстеръ*, который рѣшился, добровольно, раздѣлить изгнаніе этихъ несчастныхъ, и, по возможности, заботиться объ облегченіи ихъ жизни.

«Въ короткое время, благодаря его увѣщаніямъ и примѣру, на уединенномъ островкѣ возникъ небольшой городокъ, выстроились церковь и училище, потомъ—больница.

«Среди своей новой паствы, отецъ Даміенъ былъ не только священникомъ, но и врачемъ, и школьнымъ учителемъ, и администраторомъ, и ремесленникомъ. Когда больные умирали,—онъ самъ дѣлалъ для нихъ гробы и самъ копалъ могилы»... Въ 1888 году число больныхъ доходило до 2500.

торый *никакъ не можетъ быть объясненъ естественно*. Фактъ этотъ нельзя не называть—чудомъ

Чудо, въ настоящемъ смыслѣ слова, является намъ въ *непостижимой радости*, наполняющей душу того человѣка, который поборолъ въ себѣ человѣческую натуру такъ рѣшительно, что возмогъ полюбить и принять въ свои братскія объятія на всю жизнь то́, что́, для этой натуры, отвратительно, отъ чего она бѣжитъ съ ужасомъ, и что́, для нея, въ тысячу разъ ненавистнѣе даже самой смерти.

Богу угодно было явить въ о. Даміенѣ эту *непостижимую радость* для того, можетъ быть, чтобы, въ наше время всякихъ отрицаній и грубаго матеріализма, *ничто*, не могущее никакъ быть произведеннымъ чѣмъ-либо *естественно*, заставило бы, и заставило бы очевиднымъ образомъ, признать, на фактѣ, *сверьхъестественное дѣйствіе*, совершающееся въ душѣ человѣка [1]).

Воодушевленная любовь доказала свое всемогущество.

Это—такъ, и такъ-несомнѣнно. Тотъ, кто *любилъ*, въ теченіе своей жизни, *воодушевленно* кого либо, тотъ, кто любилъ *такъ* даже въ продолженіе не долгаго времени, не можетъ не согласиться, что, при извѣстнои степени воодушевленія, возможно чувствовать расположеніе къ каждому другому человѣческому лицу, какъ бы оно ни было неприглядно.

---

[1]) См. книгу: «Le père Damien», par M-me Augustus Craven. 1890.

Изъ опыта долгихъ дней моей жизни, я вынесъ убѣжденіе, что воодушевленное отношеніе къ дѣлу, которымъ занимаешся, есть громадная сила во всякаго рода человѣческой дѣятельности. Независимо отъ успѣха въ дѣлѣ, отъ успѣха, которому оно плодотворно содѣйствуетъ, воодушевленіе вліяетъ благотворнѣйшимъ образомъ и на нравственное достоинство самого дѣятеля. Оно дѣлаетъ послѣдняго довольнымъ самимъ собою и радостнымъ, отчего личность его становится болѣе способною привлекать расположеніе другихъ. Въ манерѣ его отношеній къ людямъ выдвигаются впередъ: справедливость, довѣріе, снисхожденіе, привѣтливость... И незамѣтно для самого себя, онъ становится послушнымъ ученію Апостола Павла, который говорилъ: «Въ почтительности другъ друга предупреждайте; въ усердіи не ослабѣвайте; духомъ пламенѣйте; Господу служите!».

Смотритъ ли ученый въ телескопъ, смотритъ ли въ микроскопъ, разлагаетъ ли неорганическое тѣло, разрѣзаетъ ли человѣческій трупъ, старается ли проникнуть въ тайники нравственной жизни или обнять чудный строй звѣзднаго неба,—все равно,—если онъ только относится къ наукѣ воодушевленно, относится къ ней, какъ къ священному дѣлу, то онъ уже несомнѣнно любитъ: любитъ человѣка и Бога.

Да, энтузіазмъ, воодушевленіе, это—великая сила. Не тушить его мы должны, воспитывая нашу молодежь, а возбуждать и поддерживать. Если

мы сами, въ дѣлѣ воспитанія, относимся къ нему воодушевленно, то, конечно, не упустимъ изъ вида того, чтобы, возбуждая энтузіазмъ въ юношѣ, въ то же время освѣщать ему и правильное направленіе предстоящаго ему жизненнаго пути. Бояться энтузіазма напрасно и неосновательно.

Воодушевленіе при брачныхъ союзахъ, воодушевленіе удерживающееся въ отношеніяхъ мужа и жены, а стало быть и въ семьѣ, измѣнило бы нравственный строй человѣческихъ обществъ,—тотъ строй (или, скорѣе, разладъ), который, все болѣе и болѣе, заботитъ и печалитъ мыслителя любящаго *человѣка*. Воодушевленіе удерживалось бы конечно тогда, когда соединяющійся съ избранной имъ, а потому, разумѣется, и близко уже знакомой ему женщиной, ставилъ бы себѣ непремѣнной и главнѣйшей задачей—счастливить эту женщину во всякомъ случаѣ, и даже тогда, когда самъ онъ лично былъ бы лишенъ тѣхъ, чрезъ нея, наслажденій и нравственныхъ удобствъ, которыхъ большинство ожидаетъ отъ брачной жизни.—Это, конечно, трудно. Но сама трудность выполненія *зарока*, при сознаваемомъ, такъ-сказать, жертвоприношеніи несомнѣнно высокой цѣли, возбуждала бы, въ разныхъ положеніяхъ жизни двухъ членовъ добровольнаго союза, желаемое воодушевленіе и нравственныя силы.

Богъ явилъ во Христѣ авторитетную Личность, полную неотразимой привлекательности,

живую, воодушевленную, любящую и самоотверженную до крайнихъ предѣловъ. Такая Личность не можетъ не возбуждать энтузіастической привязанности во всѣхъ, кто только не ослѣпъ умственно и нравственно [1]). Сердце, питающее подобную привязаность, способно быть своимъ собственнымъ законадателемъ въ области нравственнаго движенія, и законодательство это оказывается совершенно согласнымъ съ таковымъ же законодательствомъ другого сердца, столь же горячо относящагося къ предмету общей любви. Такимъ образомъ, среди людей, связанныхъ общею любовью къ одному и тому же предмету въ Личности Христа, христіанская нравственность вытекаетъ сама собою, сказываясь, въ практикѣ взаимныхъ отношеній, примѣнительно къ каждому особому случаю, и—своеобразно.

Запретительныя заповѣди создали нравственность форменную, граничащую какъ-бы съ лицемѣріемъ, самооправдывающимся буквальнымъ выполненіемъ заповѣдей,—съ лицемѣріемъ, не сознающимъ или не желающимъ сознавать себя таковымъ.

---

[1]) «Преклоненіе предъ тѣмъ, что̀ выше насъ, есть глубочайшая потребность, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благороднѣйшая черта человѣческой природы»,—сказалъ *Карлейль*. Общество, члены котораго не чувствуютъ потребности такого преклоненія, носитъ уже въ себѣ элементы полнаго нравственнаго разложенія, а затѣмъ—и совершеннаго своего уничтоженія.

Прим. автора.

Явленіе же Христа, обаятельное дѣйствіе Его вполнѣ любящей Личности создали нравственность на заповѣди только лишь одной несамооглядывающейся любви [1]),—нравственность свободную, расположеную къ подвигамъ, стремящуюся къ *сверхъдолжному* и законодательствующую, при рѣшеніяхъ воли, не подъ вліяніемъ запрещеній, а подъ импульсомъ горящей и не потухающей любви.

«На любовь—нѣтъ закона»,—говорилъ я выше. По самому внутреннему значенію своему, она есть практика. Свѣтъ ея указываетъ, при каждомъ обстоятельствѣ, манеру дѣйствованія, и всякое такое указаніе,—если разобрать его внимательно,—окажется безошибочнымъ, правильнымъ.

Только бы имѣть счастіе любить воодушевленно, и тогда—все ведущее къ нравственному совершенствованію, къ умственному просвѣтленію и къ миру душевному придастся любящему.

Въ книгѣ моей «*Голосъ долга. Мысли о воспитаніи человѣка*», въ *Приложеніи 1-мъ* я говорилъ:

«Но, если Богъ захотѣлъ явиться въ средѣ людей для того, чтобы основать, непосредственнымъ вліяніемъ свое царство, *на внутреннемъ духовномъ согласіи людей, а не на страхѣ* и не на корыстномъ стремленіи къ исключительной наградѣ, то *въ какомъ другомъ образѣ*, кромѣ образа человѣка, въ какомъ другомъ лицѣ, а не

---

[1]) «Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ. такъ и вы да любите другъ друга». *Евангелие Св. Іоанна Гл. 13; ст. 34.*

въ Лицѣ Сына человѣческаго, могъ воспринять Его человѣкъ, воспринимая, вмѣстѣ съ Нимъ, и Его ученіе?... [1])

«Необходимость,—этотъ законъ человѣческаго ума—прямое слѣдствіе того, что познавательныя средства человѣка, самою его организаціею, заключены въ извѣстныя границы,—ставитъ въ недоумѣніе мыслителя всякій разъ, когда онъ встрѣчается съ явленіемъ, которое никакъ не можетъ связать, такъ-называемою естественною причиною связью, съ какимъ либо предшествовавшимъ явленіемъ.

«Не въ правѣ ли мы, однако, разсуждать такимъ образомъ.

«Предъ умственнымъ взоромъ нашимъ воздвигаются представленія, складывающіяся для насъ въ то, что́ мы называемъ «нашимъ міромъ» (міръ человѣческихъ представленій).

«Того, что́ стоитъ за представленіемъ, опоры или субстрата его, мы не узнаемъ никогда.

«Но, вращаясь въ цѣлесообразной средѣ, мы не можемъ не чувствовать слѣдовъ Верховной

---

[1]) Я убѣжденъ, что всякій мыслящій человѣкъ согласится съ тѣмъ, что ни въ какомъ образѣ болѣе обаятельномъ, болѣе умилительномъ, болѣе знаменательномъ,—ни въ какомъ образѣ болѣе доступномъ и понятномъ человѣку, Божество не могло быть воспринятымъ человѣкомъ, какъ въ образѣ, въ которомъ Ему угодно было явить себя людямъ, а именно: въ образѣ Матери-почти ребенка (Богородица стала матерью 15 лѣтъ) съ святымъ Младенцемъ на рукахъ. *Прим. автора.*

Воли, какъ въ представляющемъ, такъ и въ представленіи, и—не мыслить Ея присутствія и за представленіемъ.

«И вотъ, Верховная Воля проявила себя, людямъ, въ образѣ Богочеловѣка, въ Личности Христа.

«Весьма многіе умы, и умы, которые мы называемъ великими, приходили и приходятъ къ несомнѣнному для нихъ признанію Верховнаго Разума вездѣ, куда бы они ни направили, при изученіи міра представленій, свой умственный взоръ. Такіе люди—деисты.

«Что́-же теперь заставляетъ деиста останавливаться, съ бо́льшимъ недоумѣніемъ, предъ явленіемъ Христа, чѣмъ предъ явленіями изучаемаго ими міра, за которымъ стоитъ то́, что̀, для человѣка, останется навсегда непостижимымъ?.. Не законъ ли необходимости, не этотъ ли законъ только, распростираемый имъ (деистомъ) въ мысли, но—совершенно неправильно, а иногда даже несознательно, и на то́, что́ предполагается за представленіемъ?..

«Участіе во всемъ Верховной Воли деистъ не можетъ не признавать. Но, возможно ли,—образъ дѣйствованія, пути и конечныя цѣли Ея, —мыслить стѣсняемыми какимъ либо закономъ, а тѣмъ болѣе закономъ лишь нашихъ человѣческихъ представленій!?... [1])

I. Г. Фихте говоритъ:

---

[1]) *См книгу «Голосъ долга». Приложеніе.*

«Іисусъ обладалъ, безъ всякаго сомнѣнія, знаніемъ заключающимъ въ себѣ начало (принципъ) и основаніе всѣхъ другихъ знаній, а именно: знаніемъ абсолютнаго тождества человѣчества (то есть того, что́ имѣется истинно реальнаго въ человѣчествѣ) съ Божественностью. Никто, кромѣ Него, ни до, ни послѣ Его не обладалъ этимъ знаніемъ..... И всѣ мыслящіе люди, до конца временъ, будутъ преклоняться предъ Нимъ, и чѣмъ болѣе эти люди будутъ велики сами, тѣмъ съ бо̀льшимъ смиреніемъ станутъ они признавать безконечное величіе Явившагося».— Къ истинѣ того, что́ выражается этими словами, Фихте пришелъ рядомъ строгихъ философскихъ изслѣдованій, проведенныхъ имъ въ его произведеніи: «Die Anweisung zum Seeligen Leben».

II.

Мои положенія не представляютъ ни моего измышленія, ни какого либо новаго открытія; они констатируютъ только импозирующіеся *факты*,— факты, очевидные умственному зрѣнію.

Я желалъ напомнить о нихъ людямъ работающимъ при ихъ свѣтѣ, но не заботящимся давать себѣ отчетъ о томъ—откуда идетъ свѣтъ. Факты эти должны быть направляющими и регулирующими принципами знанія.

Начало, дающее жизнь всему, это—Творческое Слово (Сознаніе).

Еслибы не было *Слова* (Сознанія Божія), то не было бы ничего, не было бы ни жизни, ни ея проявленій. Еслибы не было человѣка и въ немъ *элемента Слова*, то-есть еслибы не было человѣческаго сознанія, то не было бы и міра человѣческаго, — того міра, о которомъ только мы и можемъ судить и разсуждать научно. Былъ ли бы тогда, однако, какой нибудь другой міръ— этого намъ узнать невозможно; но невозможно

также и не мыслить, что тогда *было бы* то̀, чего восхотѣла бы Верховная Воля.

Жизнь едина; едино и Знаніе. Человѣкъ не можетъ не думать, что разумъ его, относительно исходящаго отъ него знанія, однороденъ съ Разумомъ Божіимъ; ибо, еслибы это было не такъ, то какимъ образомъ могла бы развертываться, предъ нами, единая вселенная, — вселенная намъ импозирующаяся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывающаяся гармонически связанною съ познающею въ насъ жизнью!?. [1]).

Это, въ особенности, должно было бы быть отмѣчаемо астрономами, выводящими законы движенія небесныхъ свѣтилъ, и физиками, предполагающими физическую природу планетъ—однородною съ физическою природой нашей планеты.

Человѣкъ видитъ свой разумъ въ его проявленіяхъ, и присутствіе его чувствуетъ. Онъ не можетъ понять: что̀ такое есть разумъ безъ носителя, безъ личности и безъ свободы. Такой разумъ, это—пустое лишь слово.

Точно же такъ, конечно, онъ, человѣкъ, не можетъ представить себѣ, Верховный Разумъ, безъ личности и свободы. Это, то-есть такой Разумъ, для человѣка, есть также пустое слово,— слово не выражающее никакого опредѣленнаго понятія.

---

[1]) Пониманіе муравья, напримѣръ, неоднородно съ пониманіемъ человѣка, и онъ, муравей, не могъ бы, конечно, разобраться въ томъ, что̀ мы называемъ «*нашимъ*» міромъ. *Примѣч автора.*

«Душа міра», «Вселенскій умъ», «Всемірный Разумъ», «Верховная Воля», «Разумное сознаніе», безъ допущенія, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, личности какъ носителя Разума, Воли, Сознанія, это, также, пустыя лишь слова, каковыми, конечно, суть и выраженія: «всемудрая, всемогущая природа»; «разумная сила въ природѣ» [1]).—Словами этими слишкомъ злоупотребляли, слишкомъ злоупотребляютъ и нынѣ, чрезъ что̀ и составляются и предъявляются массѣ читающей публики туманныя системы и теоріи, не могущія дать никакого *конкретнаго* понятія о томъ, о чемъ трактуютъ, не только этой читающей публикѣ, но и самимъ авторамъ теорій. Путаясь между этими словами, послѣдніе, я думаю, перестаютъ, наконецъ, понимать и самихъ себя.

Еще Сократъ предупреждалъ людей касательно смѣшенія понятій, путанницы въ нихъ,—смѣшенія и путанницы, происходящихъ отъ того, что большинство отвлеченныхъ мыслителей не даетъ себѣ яснаго отчета въ смыслѣ употребляемыхъ имъ словъ и выраженій.

---

[1]) Мнѣ всегда казалось страннымъ то̀, что многіе серьезные мыслители, весьма часто, и безъ всякаго стѣсненія, употребляютъ выраженія, подобныя слѣдующимъ: «Природа *не предоставила* этого на его (человѣка) усмотрѣніе и, безъ сомнѣнія, *считала* это дѣломъ слишкомъ большой важности». «Природа *опредѣлила*, что мыслить, для насъ, такая же потребность, какъ дышать и чувствовать». «Природа *устроила*»; «Природа *придумала, рѣшила*», и т. п. *Кто*-же —эта *природа*? спрашиваю я. *Примѣч. автора.*

Дѣло въ томъ, что человѣческое знаніе вообще, такъ же, какъ и современное знаніе, убѣждаясь, все болѣе и болѣе, въ цѣлесообразномъ строѣ изучаемаго имъ міра и въ изумительныхъ порядкахъ его развитія, не можетъ не приходить къ необходимому представленію себѣ Верховнаго Разума [1]). Оттого-то мы и встрѣчаемся постоянно, не только въ ученыхъ книгахъ, но и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ, съ выраженіемъ: «Верховный Разумъ» и съ какъ бы равнозначующими, съ этимъ выраженіемъ, выраженіями: «міровой законъ»; «вселенскій умъ»; «разумная природа»; «міровая сила или разумная сила въ природѣ», и т. п.,—и встрѣчаемся съ ними даже въ произведеніяхъ такихъ писателей, которые или не признаютъ Бога, или хотятъ Его игнорировать.

Но выраженія эти суть не необходимыя лишь понятія только. «Верховный Разумъ» не можетъ оставаться только лишь простымъ понятіемъ, потому что простое понятіе не можетъ быть организаторомъ и двигателемъ мірового процесса, не

---

[1]) Приведемъ здѣсь слова нашего соотечественника и знаменитаго ученаго Николая Ивановича Пирогова: «Изъ моего міровоззрѣнія,—пишетъ онъ,—я заключаю, что существованіе Верховнаго Разума, а слѣдовательно и Верховной Творческой Воли, считаю необходимымъ и неминуемымъ (роковымъ) требованіемъ (постулатомъ) моего собственнаго разума, такъ что, еслибы я и хотѣлъ теперь не признавать существованіе Бога, то *не могъ бы этого сдѣлать, не сойдя съ ума*».!

можетъ быть принципомъ или началомъ жизни. Онъ, Верховный Разумъ, долженъ существовать объективно и *самъ по себѣ*. Разумъ же, вообще, мыслимъ не иначе какъ съ какимъ либо носителемъ.

И *носитель* Верховнаго Разума, это—Богъ и Богъ живой. Въ Немъ и чрезъ Него—законъ; въ Немъ и чрезъ Него—и свобода, безъ взаимодѣйствія которыхъ не мыслима *жизнь*, въ настоящемъ, въ истинномъ смыслѣ слова.

Мы также не можемъ сдѣлать себѣ *конкретнаго* представленія о Богѣ; но мы чувствуемъ Его въ себѣ, и Онъ явилъ Себя во Христѣ, въ образѣ Богочеловѣка, въ томъ единственномъ образѣ, въ какомъ могъ воспринять Его, наглядно, человѣкъ, нуждающійся во всемогущемъ и любящемъ Отцѣ. Но въ какомъ видѣ,—спрашиваемъ мы,—въ какомъ образѣ можетъ воспринять человѣкъ или даже только представить себѣ: «Всемірный разумъ»; «вселенскій умъ»; «душу міра»; «разумное сознаніе»,—отвлекая, отъ всего этого, неразрывно связанныя съ ними понятія: «*носителя*», «*личности*».

Разсудокъ говоритъ намъ, несомнѣвающимся въ существованіи личнаго Бога, о верховномъ Разумѣ, о верховной Волѣ; сердце же сказываетъ намъ—всемогущую Любовь.—Свидѣтельствуется это тѣмъ, что не имѣется ни одного человѣческаго существа, не исключая и закоренѣлаго злодѣя, у котораго «*доброе*» не оказывалось бы пер-

вымъ нравственнымъ ощущеніемъ сознательной жизни [1]).

---

[1]) Сознаніе приноситъ человѣку, вмѣстѣ съ собою, чувство свободы и расположеніе къ добру. Это-то и конституируетъ человѣка какъ существо нравственное въ корнѣ. Таково мое мнѣніе. Другіе же, и весьма многіе, полагаютъ, что человѣкъ становится нравственнымъ только лишь чрезъ вліяніе на него извнѣ, то-есть чрезъ ученіе.

Поддерживаютъ меня въ моемъ мнѣніи, между многими доводами, и нижеслѣдующія соображенія:

Нормальныи человѣкъ, обладающій всѣми пятью чувствами, или сенсами, живетъ, между прочимъ, въ мірѣ такъ-сказать свѣта и тѣни, цвѣтовъ и ихъ переливовъ. Слѣпорожденному же области свѣта, тѣней и цвѣтовъ недоступны. Онъ, можно сказать, не живетъ въ нихъ. Но мы видимъ, что онъ живетъ точно такъ, какъ и мы зрячіе: сознаніемъ добра и зла, сознаніемъ, распространенія ихъ на него извнѣ, чувствами поднимающимися въ немъ самомъ въ отвѣтъ на нихъ, борьбою послѣднихъ, одобреніемъ и неодобреніемъ, радостями чистой совѣсти и гнётомъ раскаянія. Скажете-ли вы, что всѣ эти нравственныя явленія сдѣлались возможными въ немъ только лишь чрезъ вліяніе извнѣ, чрезъ ученіе и наставленіе? Если вы это скажете, то я отвѣчу слѣдующимъ образомъ: могутъ ли ваши ученія въ области свѣта и красокъ, при всемъ вашемъ стараніи, привести слѣпорожденнаго къ усвоенію внутренняго характера-вкуса свѣта, тѣней, цвѣтовъ и ихъ переливовъ? Конечно—нѣтъ, и нѣтъ потому, что слѣпорожденный не обладаетъ сенсомъ зрѣнія.

Какимъ же, теперь, образомъ могли бы вы заставить его усвоить различные нравственные элементы, еслибы онъ уже въ корнѣ не былъ существомъ нравственнымъ, или,—говоря другими словами,—еслибы ему, прирожденно, не былъ свойственъ нравственный сенсъ?! *Примѣч. автора.*

Жизнь *въ себѣ* есть, непремѣнно, жизнь сознательная и разумная. То, что́ *не знаетъ* и *не разумно*, не имѣетъ жизни *въ себѣ*. Гдѣ—разумъ, тамъ—знаніе и любовь. Выше, глубже знанія, въ обоснованіи его такъ-сказать, стоитъ Любовь. Жизнь любви идетъ какъ бы игнорируя всѣ препятствія и, въ районирующемъ движеніи своемъ, не нуждается въ *самооглядываніи*. *Носителя* такой любви познать мы не можемъ, но мы видѣли Его въ Личности Христа. «Въ Немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ». Вникая въ смыслъ самоотверженной любви.—той любви, которой Христосъ былъ Представителемъ и Провозвѣстникомъ, мы можемъ понимать, что въ *Жизни* заключается причина безъ причины. Безкорыстная, самоотверженная, несамооглядывающаяся любовь, —вотъ Причина безъ причины. Она, на подобіе солнца, обнимаетъ, своими теплотою и свѣтомъ, и добрыхъ, и злыхъ, и даетъ настоящую жизнь «Любить, это значитъ—жить реально, жить дѣйствительно», говорилъ *Якоби*.

Я былъ такъ счастливъ, въ теченіи моего долгаго существованія на землѣ, что зналъ близко женщинъ, у которыхъ жизнь *въ себѣ* проявлялась въ чертахъ наиболѣе соотвѣтственныхъ основному, по моему мнѣнію, ея характеру.

Женщины эти шли по нравственно-жизненному пути вполнѣ свободно,—шли совершенно внѣ сознательной зависимости отъ настояній своего фи-

зическаго организма, отъ всѣхъ условно разсудочныхъ указаній, нравственныхъ манеръ и практикъ установившихся, въ человѣческихъ общежитіяхъ, рутиннымъ отношеніемъ людей къ человѣческой жизни.

Характеромъ ихъ *поведенія* (я не нахожу слова болѣе подходящаго къ тому, что̀ хочу выразить) было—свободное *выхожденіе* изъ своей личности, изъ своего *я*, практика самоотверженія не замѣчаемая самимъ практикующимъ.

Это были натуры нѣжныя, кроткія, повидимому не сопротивляющіяся... И вотъ, когда случалось, въ заботахъ о ихъ здоровьѣ и спокойствіи, урезонивать ихъ, то-есть доказывать, что онѣ, своею безустанною дѣятельностью, вредятъ своему здоровью и чрезъ это огорчаютъ близкихъ, то онѣ не спорили и соглашались съ вашими доводами; но вдругъ, почти въ то же время, не начинали, а *начинали продолжать* дѣйствовать такъ же точно, какъ дѣйствовали и до уговоровъ, не замѣчая, при всей ихъ тонкой деликатности, что поступаютъ онѣ какъ бы наперекоръ уговаривавшимъ, съ доводами которыхъ соглашались. Живя такъ, онѣ, постоянно, *теряли себя изъ вида*.

Выходило это,— я полагаю,— потому, что манера ихъ дѣйствованія была манерой дѣйствованія, для нихъ, самой естественной и имъ вполнѣ сродной. Это была—практика постоянно пребывающей и прямо дѣйствующей *благой воли*.

Въ теченіи жизни, мы, естественно, стремимся

все къ лучшему и лучшему, то-есть—все къ *лучшему и лучшему ощущенію жизни.* Подаваясь на жизненномъ поприщѣ впередъ, мы ставимъ себѣ цѣли за цѣлями, достигаемъ ихъ иногда; но, все-таки, въ предѣлахъ земной жизни не можемъ достигнуть желаемаго удовлетворенія. Непрекращаемость стремленія къ лучшему, переступающая, такъ-сказать, чрезъ чувственную смерть, приводитъ насъ къ утѣшительной мысли о другой стадіи существованія, гдѣ стремленіе могло бы продолжаться,— приводитъ, стало быть, и къ мысли о вѣчной пребываемости человѣческой личности[1]).

Для женщинъ, о которыхъ выше шла рѣчь, это лучшее заключалось въ *наилучшемъ* физическомъ и нравственномъ состояніи окружающихъ лицъ.

Онѣ, женщины эти, дѣйствовали, для осуществленія и поддерживанія этого наилучшаго, по поводу каждаго случая, каждаго даже ничтожнаго обстоятельства, попадавшихъ, прямо или косвенно, въ сферу доступную ихъ вліянію и участію.

Но поступали онѣ такъ не потому, чтобы эти случаи и обстоятельства стояли предъ ихъ глазами. Нѣтъ: онѣ сами разыскивали ихъ какъ бы

---

[1]) Г. Эккерманнъ, въ своей книгѣ «*Разговоры Гёте*» (перев. Д. В. Аверкіева), приводитъ нижеслѣдующія слова Гете: «Я никоимъ образомъ не желалъ бы лишить себя счастья вѣрить въ будущую жизнь. Я могъ бы даже сказать, съ Лоренцо Медичи, что кто не надѣется на будущую жизнь, тотъ мертвъ и для настоящей».

подъ неодолимымъ побужденіемъ служить благу другихъ всѣми своими силами и способностями. Подобные случаи и обстоятельства не переводились для нашихъ героинь, а потому дѣятельность ихъ никогда не прерывалась и не прекращалась. Расходовали онѣ себя въ ней не самооглядываясь и не останавливаясь на томъ—*какъ* совершаемыя ими дѣйствія отражаются на внутреннемъ состояніи ихъ самихъ.

Время, для насъ (людей), есть непрерывный рядъ слѣдующихъ, одинъ за другимъ, моментовъ единичныхъ ощущеній,—непрерывный рядъ фактовъ сознанія.

И вотъ, такъ какъ, въ сознаніи интересующихъ насъ женскихъ личностей, моменты ощущенія упоминаемыхъ дѣйствій не отмѣчались, то въ немъ (въ сознаніи) не получалось и ихъ ряда, а слѣдовательно—не слагалось и времени. Выходило, стало быть, такъ, что онѣ, живя физически во времени, духовно или нравственно живутъ внѣ времени, почему, и до позднихъ лѣтъ, остаются *все тѣми же*, все такъ же юными духомъ, —дѣтьми въ высокомъ значеніи слова.

Таковыя личности суть, конечно, явленія исключительныя. Слѣдя внимательно и, затѣмъ, съ невольнымъ любопытствомъ, переходящимъ незамѣтно въ умиленіе, за характеромъ ихъ жизненной дѣятельности, нельзя не заключать, что въ нихъ, въ этихъ личностяхъ, является намъ, по волѣ Бога, то *лучшее*, къ которому мы стремимся, то внѣвременное, вѣчное, изъ котораго ис-

ходятъ любовь и свѣтъ, радость и миръ—основные и необходимые элементы *лучшей* жизни.

Въ женщинахъ этихъ дѣйствовала несамоогладывающаяся Любовь—Причина безъ причины; жило, стало быть, въ нихъ то̀, что́ вѣчно

Такая Любовь, конечно, объективна... Но, для того, чтобы любить объективно, надо, разумѣется, любить *кого* либо, а потому все уполномочиваетъ насъ надѣяться, что, для существъ, подобныхъ упоминаемымъ женщинамъ, по выходѣ ихъ изъ земного соединенія, развивается, по волѣ Бога, жизненная среда, однородная съ тою, которую онѣ знали находясь въ земномъ соединеніи, и отъ которой,—какъ намъ представляется,—были насильственно оторваны.—Жизнь Любви едина; едина должна быть и основная манера жизни.

Вообще, человѣкъ, стоящій предъ вопросомъ о томъ—продолжается ли жизнь за предѣлами гроба, не долженъ упускать изъ вида нижеслѣдующее соображеніе, которое тоже составляетъ вопросъ:

«Къ чему или зачѣмъ, въ жизнь, введенную въ *конечную* форму, вложены стремленіе къ безконечному и свобода выбора?».

Свобода выбора предполагаетъ возможность существованія многихъ путей, по которымъ можетъ направляться упоминаемое стремленіе, и, конечно, между этими путями, имѣется и такой путь, на которомъ развитіе идетъ наиболѣе сроднымъ началу жизни образомъ,—такой *путь*, который есть, вмѣстѣ, и *истина*, и *жизнь*.

Что же касается исключительныхъ личностей подобныхъ женщинамъ, на которыя я указывалъ, то я смѣю полагать, что онѣ даются намъ, верховною Волей, какъ *образцы*, какъ олицетвореніе жизни *въ себѣ*, какъ нѣкоторое подобіе вполнѣ свободной, всемогущей и непрекращающейся дѣятельности *благой воли*. На земной жизненной аренѣ, онѣ, какъ и мы всѣ, подвержены разнымъ невзгодамъ, болѣзнямъ, физическому увяданію и чувственной смерти. Но съ возрастомъ и во всѣхъ перипетіяхъ жизни онѣ не теряютъ дѣтскаго воззрѣнія — такъ-сказать, дѣтскаго сіянія души. И «*таковыхъ есть Царствіе Божіе*».

Въ началѣ этого моего *Труда*, я говорилъ о философѣ Якоби, и упомянулъ о томъ, что, по мнѣнію *Халибеуса* (Chaliboeus), Якоби, первый, провозгласилъ въ философіи *принципъ фактовъ*. «Имѣются факты и идеи,—говоритъ *Вильмъ* [1]),— которые импозируются непосредственно и которые суть основанія всякаго знанія, всякой науки; и самая большая изъ заслугъ Якоби заключается въ томъ, что онъ настаивалъ *именно* на этомъ.

Въ моей работѣ,—какъ я уже замѣчалъ выше,— я не измышлялъ чего либо новаго, а имѣлъ дѣло съ *фактами* жизни, импозирующимися нашему ум-

---

[1]) *Вильмъ* (Willm) авторъ—«Histoire de la philosophie allemande depuis Kant jusqu'à Hegel».

ственному зрѣнію. Фактовъ этихъ нельзя ни отрицать, ни игнорировать. Но умъ, невольно, стремится уяснять себѣ ихъ значеніе.—Этимъ дѣломъ я и занимался.

Прошу теперь читателя обратить свое вниманіе на нижеслѣдующее:

Съ нѣкоторыми отправленіями жизни, которыя не требуютъ отъ человѣка ни усилія, ни труда, онъ такъ свыкается, что не замѣчаетъ ихъ, и обращаетъ на нихъ вниманіе только лишь тогда, когда дѣлаетъ ихъ предметомъ какого либо изученія.

Точно такъ не замѣчаетъ онъ и самого условія своего бытія, не замѣчаетъ *свѣта* жизни,—свѣта, въ *которомъ* послѣдняя привыкла свободно вращаться съ перваго момента возникновенія ея въ человѣческой формѣ, и *при которомъ* единственно и возможна какъ человѣческая жизнь.

Объ этомъ-то *Свѣтѣ* (Словѣ, сознаніи) и шла рѣчь, въ моихъ книгахъ, въ связи съ вопросами, сопряженными съ нимъ и имѣющими рѣшающее значеніе для нравственнаго настроенія какъ человѣка, такъ и человѣческихъ обществъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

Для знакомыхъ.

Я говорилъ предъ симъ (страницы 280—285 этой книги) объ исключительныхъ женскихъ личностяхъ, мнѣ извѣстныхъ. Говоря о нихъ, я имѣлъ въ виду, въ то время какъ писалъ, одну изъ нихъ, которую зналъ весьма близко. Объ ней же подробнѣе было разсказано мною въ *Послѣсловіи* моей книги «*Разъискатели истины*» (*1878 г. Томъ II, Стр. 38—46 Послѣсловія*) и упомянуто въ другой моей книгѣ «*Голосъ дома. Мысли о воспитаніи человѣка* (*1885 г., Стр. 51—52*).

Такъ какъ нынѣ, послѣ окончанія уже этой книги, женщина эта взята (1892 г.) изъ земнаго соединенія, то я могу назвать ее. Это моя жена.

Мнѣ 70 лѣтъ слишкомъ. Зналъ я ее въ теченіе 57 лѣтъ, съ ранняго дѣтскаго ея возраста. Она была любимицей своей матери, и, на замѣчанія дѣлаемыя послѣдней, что она можетъ избаловать дѣвочку, мать горячо возражала: «Вы не знаете ее. Избаловать ее невозможно». Мать умерла, когда дѣвочкѣ не было 13 лѣтъ, а дочь, своею жизнью, доказала справедливость убѣжденія матери.

Женой моей она была въ теченіи 40 лѣтъ. Въ эти сорокъ лѣтъ, кромѣ часовъ и рѣдкихъ дней посвящаемыхъ исключительно службѣ, я не разлучался съ ней никогда, оставался почти постоянно дома, и никогда не могъ оторвать отъ нея ни моихъ глазъ, ни моего умственнаго взора. Общества я не бѣгалъ, но и не искалъ его, такъ какъ она замѣняла мнѣ и самое симпатичное общество, и самое интересное зрѣлище.

Во время моихъ философскихъ трудовъ, когда голова моя усиленно и мучительно работала, мысль моя непрестанно останавливалась на *ней*, какъ на наглядномъ *примѣрѣ*, и на наглядномъ же *объясненіи* по многимъ вопросамъ жизни.

Любилъ я ее не только что съ непрекращавшимся, но и съ постоянно возраставшимъ воодушевленіемъ. Даже ея милый образъ нравился мнѣ все болѣе и болѣе, не смотря на физическое увяданіе, на которое я обращалъ вниманіе только съ точки зрѣнія сохраненія ея здоровья. Для меня она не старилась. Напротивъ: съ каждымъ днемъ я убѣждался въ томъ, что душа ея чиста и молода, какъ душа ребенка.

Въ теченіе сорока лѣтъ совмѣстной жизни, я не подмѣтилъ въ ней ни одной злой мысли. Черезъ ея прекрасные и ясные глаза я глядѣлъ на міръ, и потому, до старости, восхищался, какъ юноша, вмѣстѣ съ нею, красотами природы; чрезъ эти же добрые глаза я смотрѣлъ на людей, а потому и не могъ заподозрить, ни въ одномъ

человѣкѣ, совершенное отсутствіе добрыхъ элементовъ.

Дѣйствіе ея тѣлесно и душевно граціозной и кроткой личности (о которомъ она и не помышляла) на лицъ, имѣвшихъ случай сближаться съ ней или просто только познакомиться, было самое благотворное, и конечно никто изъ знавшихъ ее не найдетъ, по совѣсти, мой отзывъ о ней—преувеличеннымъ или пристрастнымъ.

По свойству своей скромной натуры, становилась она, между другими, всегда на задній планъ; но внимательный взоръ и чуткое сердце понимали хорошо, что мѣсто ея—впереди всѣхъ. Незамѣтнымъ образомъ, всѣ жившіе съ ней и многіе другіе, знавшіе ее ближе, какъ бы нуждались внутренно въ ея присутствіи, — говорила-ли она при этомъ или молчала,—все равно. Когда она уходила изъ комнаты, чувствовалась какая-то пустота, и хотѣлось сказать, да и говорилось: «*Не уходи*»!... Одинъ близкій намъ человѣкъ, жившій, по временамъ, довольно далеко отъ насъ, сказалъ мнѣ, что, въ тяжелые или грустные часы своей жизни, удаляясь въ свою комнату и оставаясь наединѣ съ собою, онъ, порою, громко произносилъ ея имя, какъ бы призывая ее. То же самое, внѣ ея присутствія, почти ежедневно, дѣлалъ и я.

Своимъ самоотверженнымъ поведеніемъ (не замѣчаемымъ самою ею) въ той сферѣ, которая выпала на долю ея для жизненной дѣятельности, она научила меня понять, что *любовь*, по внут-

реннему смыслу своему, *есть практика,* и, по милости ея же (т.-е. моей жены), я почувствовалъ возможность выполненія правила, которое написалъ въ двухъ моихъ книгахъ—«Разъискатели истины» и «Голосъ долга»: *Относительно другого, поступай такимъ образомъ и мысли о немъ такъ, чтобы ты могъ,—когда душа твоя раскрылась бы предъ нимъ,—выдерживать его взоръ безъ смущенія.*

Живя съ нею, я убѣдился, что высшее для насъ благо есть то невыразимо отрадное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ тогда, когда онъ чувствуетъ себя *одобряемымъ* тѣмъ, кого самъ *воодушевленно* любитъ.

И вотъ (и это—главное)—постоянно возрастающее воодушевленіе въ любви къ ней, оно именно, и дало мнѣ понять, что въ *постоянно поддерживающемся воодушевленіи въ любви ко Христу* заключается и наше благо въ земной жизни и наше спасеніе.

Убѣжденіе въ этомъ есть богатство, обязывающее меня дѣлиться имъ съ другими, что́ я и дѣлалъ, говоря объ этомъ въ моихъ книгахъ.

Въ виду этого же, я почелъ не неумѣстнымъ, и въ заключеніи этой книги, составляющей какъ бы мое литературное *завѣщаніе,* говорить объ исключительной женщинѣ, которой я имѣлъ счастіе быть мужемъ. Но, еслибы я и не былъ имъ, а случайно узналъ бы ее близко, я сказалъ бы то же самое, что́ сказалъ. Тѣ знакомые, которые прочтутъ мою книгу, поймутъ меня.

Я посвятилъ этотъ мой *Трудъ* ей, моей женѣ, но сдѣлалъ это не потому, чтобы она читала философскія книги или занималась, подобно мнѣ, вопросами жизни. Нѣтъ!... Но обаятельная прелесть ея свѣтлой душевной жизни, практика послѣдней, являющаяся моимъ взорамъ постоянно въ неувядаемыхъ и даже новыхъ краскахъ, заставляли меня дорого цѣнить такую жизнь, а потому много думать объ устойчивости и непогибаемости личной жизни вообще. Отсюда, вѣроятно, являлась и не прекращающаяся потребность заниматься вопросами жизни и работать въ томъ направленіи, въ какомъ написаны всѣ мои книги. Во многихъ случаяхъ, при этомъ, я находилъ *въ ней* примѣръ и объясненіе.

Побуждаемая добрымъ желаніемъ оказать вниманіе моимъ трудамъ, она, много разъ, просила меня прочитать что-либо изъ нихъ. *Что-нибудь*, я, порою, и прочитывалъ, но, прочитавъ, обыкновенно прибавлялъ, улыбаясь: «Все это для тебя не нужно. По особой милости Божіей, ты, непосредственно, имѣешь въ себѣ *то*, усвоеніе *чего* я добиваюсь усиленнымъ трудомъ мысли. Для этого-то я и пишу, питая, при этомъ, надежду, что результаты трудовъ моихъ могутъ, со временемъ, оказаться не безполезными для другихъ, подобно мнѣ вопрошающихъ, душъ, если книги мои попадутъ имъ въ руки».

Мы, вообще, говоримъ, пишемъ и печатаемъ

не мало о выдающихся чѣмъ либо людяхъ (въ особенности—объ умершихъ), и иногда, хотя къ сожалѣнію не часто, превозносимъ печатно ихъ умственныя и душевныя достоинства, И никому,—я полагаю,—не покажется страннымъ, если сынъ станетъ отзываться съ горячностью о привлекательныхъ качествахъ своего замѣчательнаго отца, если сестра или жена будутъ печатно говорить о высокихъ душевныхъ достоинствахъ своихъ знаменитыхъ брата или мужа. Стало быть, вопросъ объ умѣстности печатныхъ отзывовъ о близкихъ людяхъ сводится къ вопросу о *стоимости* той личности, о которой говорится печатно.

Тутъ, я долженъ сказать, что на *стоимость* человѣческой личности я смотрю съ особой точки зрѣнія, съ—своей собственной.

По моему мнѣнію, стоимость такихъ людей какъ Даміенъ де Вёстеръ (о которомъ я говорилъ въ этой книгѣ), какъ иная сестра милосердія, изумлявшая насъ своею, полною ласки, самоотверженной дѣятельностью и свѣтлымъ настроеніемъ духа, или какъ та, напримѣръ, женщина, которая, освѣщая и согрѣвая все, до чего бы она ни коснулась, являла, собою, какъ бы образецъ постоянно пребывающей и прямо дѣйствующей *благой воли*,—стоимость такихъ личностей,—повторяю я,—должна стоять, въ *универсальной* жизни, гораздо выше, чѣмъ стоимость великихъ политиковъ, великихъ писателей, великихъ ученыхъ и т. д, если только эти политики, писатели и ученые не обладаютъ такими

же, вызывающими почитаніе и любовь, качествами, какія плѣняютъ насъ въ выше упомянутыхъ личностяхъ.

Здѣсь невольно импозируются слова Апостола Павла (*Первое Посланіе къ Коринѳянамъ, Гл. 13, Ст. 2*):

«Если имѣю *даръ* пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что *могу* и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто».

